



№ 1

ВЕСТНИК

КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

В НОМЕРЕ:

Из истории повседневности восточнославянского населения Кубанско-Лабинского междуречья (вторая половина XIX – начало XX в.)

Уфимские истоки Криницы

Советская региональная медицина в начале 1920-х гг.: проблемы и перспективы развития (на примере Кубано-Черноморской области)

Король-дракон Восточного моря: непреходящая ценность корейской культуры

Процесс формирования капиталистических отношений в болгарских городах XVIII в.

2026



№ 1

JOURNAL

KUBAN STATE UNIVERSITY

HISTORICAL SCIENCES

IN THE ISSUE:

From the History of Everyday Life of the East Slavic Population of the Kuban-Labinsk Interfluve (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)

The Ufa Origins of the Krinitsa

Soviet Regional Medicine in the Early 1920s: Problems and Prospects of Development (Based on the Kuban-Black Sea Region)

The Dragon King of the Eastern Sea: the enduring value of Korean culture

The process of forming capitalist relations in Bulgarian cities of the 18th century.

2026

ВЕСТНИК КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
2026. № 1

Издается с 2026 года

ISSN: 3033-7860

Свидетельство о регистрации СМИ: серия ПИ № ФС77-90263
от 16 октября 2025 г.

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Касьянов Валерий Васильевич, доктор исторических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Вартаньян Эгнара Гайковна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Степанова Лилия Геннадьевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Шевцова Анастасия Павловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ОГРН 1022301972516)

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ

350040, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149,
каб. 248

Электронный адрес: vestnik@hist.kubsu.ru

JOURNAL OF KUBAN STATE UNIVERSITY
HISTORICAL SCIENCES

2026. No. 1

Published since 2026

ISSN: 3033-7860

Media Registration Certificate: Series PI No. FS77-90263
dated October 16, 2025
Issued by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media

EDITOR-IN-CHIEF

Kasyanov Valery Vasilievich, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History at Kuban State University (Krasnodar, Russia)

DEPUTY CHIEF EDITOR

Vartanian Egnara Gaikovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of General History and International Relations at Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Stepanova Lilia Gennadiyevna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Russian History at Kuban State University (Krasnodar, Russia)

RESPONSIBLE SECRETARY

Shevtsova Anastasia Pavlovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History at Kuban State University (Krasnodar, Russia)

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Kuban State University" (OGRN 1022301972516)

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE AND PUBLISHER

350040, Krasnodar Territory, Krasnodar, Stavropolskaya Street, 149,
office 248
E-mail: vestnik@hist.kubsu.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Вартаньян Эгнара Гайковна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Дударев Василий Сергеевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, первый проректор Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия)

Еремеева Анна Натановна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института наследия (Россия)

Иващенко Александр Стефанович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Адыгейского государственного университета (Майкоп, Россия)

Кузнецов Игорь Валерьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук (Москва, Россия)

Матвеев Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Перенижко Оксана Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Ракачев Вадим Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры социологии Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Смертин Юрий Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и востоковедения Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Степанова Лилия Геннадьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Федина Ирина Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Чикаева Карина Суреновна, доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета (Краснодар, Россия)

Чупрытников Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Кубанского государственного технологического университета (Краснодар, Россия)

EDITORIAL BOARD

Vartanyan Egnara Gaykovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History and International Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Dudarev Vasily Sergeevich, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, First Vice-Rector of the State Academic University of Humanities (Moscow, Russia)

Eremeeva Anna Natanovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Department of Complex Problems of Cultural Studies of the Southern Branch of the Institute of Heritage (Russia)

Ivashchenko Alexander Stefanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of the Adygea State University (Maikop, Russia)

Kuznetsov Igor Valerievich, PhD in History, Senior Researcher at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Matveev Oleg Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History at Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Perenizhko Oksana Alexeevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Oriental Studies at Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Rakachev Vadim Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Sociology, Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Smertin Yuri Grigorievich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Foreign Regional Studies and Oriental Studies at Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Stepanova Lilia Gennadievna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History at Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Fedina Irina Mikhailovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History at Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Chikaeva Karina Surenovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Sociology and Cultural Studies at Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russia)

Chuprynnikov Sergey Alekseevich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russia)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Баранов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Бугай Николай Фёдорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Россия)

Евтушенко Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, декан факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Иванов Александр Гаврилович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Илиева Марчева-Атанасова Ильяна, доктор, профессор, заведующий сектором Института исторических исследований Болгарской Академии наук (БАН) (София, Болгария)

Исупов Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Крючков Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия)

Острога Виктор Александрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой таможенного дела и международной логистики факультета международных отношений Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

Пономарева Мария Александровна, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

Фонт Марта, доктор исторических наук, профессор Университета Печ (Печ, Венгрия)

При отборе статей редколлегия руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Перепечатка допускается с согласия редакции журнала.

Ссылка на «Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки» обязательна

ISSN 3033-7860

© Кубанский государственный университет, 2026

© Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки, 2026

© Авторы публикаций, 2026

EDITORIAL BOARD

Baranov Andrey Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science, Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Bugai Nikolay Fedorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Yevtushenko Alexander Sergeevich, PhD in History, Dean of the Faculty of History, Sociology and International Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Ivanov Alexander Gavrilovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Ilieva Marcheვა-Atanasova Ilyana, Doctor, Professor, Head of the Sector of the Institute of Historical Research of the Bulgarian Academy of Sciences (BAN) (Sofia, Bulgaria)

Isupov Vladimir Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

Kryuchkov Igor Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of the North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Ostroga Viktor Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Customs and International Logistics, Faculty of International Relations, Belarusian State University (Minsk, Belarus)

Maria Alexandrovna Ponomareva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of History and International Relations of the Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

Font Marta, Doctor of Historical Sciences, Professor at the University of Pec (Pec, Hungary)

When selecting articles, the editorial board is guided by the publication's scientific and editorial policy and compliance with the principles of publication ethics. The editorial board's point of view may not coincide with the opinions of the authors of the articles.

Reprint is allowed with the consent of the editorial board of the journal. Link to the Bulletin of Kuban State University. Historical sciences" is required

ISSN 3033-7860

©Kuban State University, 2026
©Journal of the Kuban State University.
Historical Sciences, 2026
© Autory publications, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Шаповалов С.Н.</i> Освоение южных окраин Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. (на материалах Ейского округа).....	11
<i>Матвеев О.В.</i> Из истории повседневности восточнославянского населения Кубанско-Лабинского междуречья (вторая половина XIX – начало XX в.	27
<i>Роднов М.И.</i> Уфимские истоки Криницы.....	47
<i>Перенижко О.А.</i> Из истории коллекции Екатеринодарской городской картинной галереи Ф.А. Коваленко: художественное наследие Петра Ивановича Петровичева.....	63
<i>Яхутль Ю.А., Диривянкина М.С.</i> Советская региональная медицина в начале 1920-х гг.: проблемы и перспективы развития (на примере Кубано-Черноморской области).....	78

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Смертин Ю.Г.</i> Король-дракон Восточного моря: непреходящая ценность корейской культуры.....	92
<i>Вартаньян Э.Г.</i> Процесс формирования капиталистических отношений в болгарских городах XVIII в.	107
<i>Назаров С.В.</i> Неравные возможности: женщины в высшем образовании и науке Германии в 2000–2025 гг.	121
<i>Izmaylova Anastasiya N.</i> Dialogue between Russia and the Republic of Korea through the prism of Olympic diplomacy	130

ПУТЬ В НАУКУ

<i>Смирнов А.В.</i> Создание и развитие образа ордынского владычества в профессиональном сознании исторической науки СССР 1920–1950-х гг.	144
<i>Месропян Г.Н.</i> Политико-экономическое развитие Синьцзяна в 1920-е гг. на примере воспоминаний Камского.....	157

РЕЦЕНЗИИ

<i>Киселев И.В.</i> По следам сражений «От Ростова до Новороссийска». Новое исследование битвы за Кавказ 1942–1943 гг.	171
---	-----

CONTENTS

RUSSIAN HISTORY

<i>Shapovalov Sergey N.</i> The mastering of the southern periphery of the Russian Empire in the late 18th – early 19th centuries (based on materials from the Yeisk District).....	11
<i>Matveev Oleg V.</i> From the history of everyday life of the East Slavic population of the Kuban-Labinsky interfluvium (second half of the XIX – beginning of the XX centuries).....	27
<i>Rodnov Mikhail I.</i> The Ufa sources of the Krinitza.....	47
<i>Perenizhko Oksana A.</i> From the history of the collection of the Yekaterinodar City Art Gallery of F.A. Kovalenko: the artistic legacy of Peter Ivanovich Petrovichev.....	63
<i>Yakhutl Yuri A., Dirivyankina Maria S.</i> Soviet Regional Medicine in the Early 1920s: Problems and Prospects of Development (Based on the Kuban-Black Sea Region).....	78

UNIVERSAL HISTORY

<i>Smertin Yuri G.</i> The Dragon King of the East Sea: An Enduring Value of Korean Culture.....	92
<i>Vartanyan Egnara G.</i> The process of formation of capitalist relations in Bulgarian cities of the 18th century.	107
<i>Nazarov Sergey V.</i> Unequal Opportunities: Women in Higher Education and Science in Germany, 2000–2025	121
<i>Izmaylova Anastasiya N.</i> Dialogue between Russia and the Republic of Korea through the prism of Olympic diplomacy.	130

THE PATH TO SCIENCE

<i>Smirnov Alexey V.</i> The Creation and development of the image of the Golden Horde's rule in the professional consciousness of historical science in the USSR in the 1920s–1950 s.	144
<i>Mesropyan Georgiy N.</i> The political and economic development of Xinjiang in the 1920s. on the example of Kamsky's memoirs.....	157

REVIEW

<i>Kiselev Ilya V.</i> In the footsteps of the battles «From Rostov to Novorossiysk». A New Study of the Battle of the Caucasus, 1942–1943.	171
--	-----

Освоение южных окраин Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. (на материалах Ейского округа)

Шаповалов Сергей Николаевич

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

Shapovalov07@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются особенности освоения южных окраин государства в конце XVIII – начале XIX в. и их интеграция в административно-территориальное устройство, экономические связи и социальную структуру Российской империи. В качестве южной окраины выступают земли Черноморского казачьего войска, разделенные на округа. В фокусе внимания исследования находятся земли Ейского округа. Хронологические границы исследования очерчиваются 1792–1807 гг. Нижняя граница связана с началом переселения черноморских казаков на земли Кубани и с появлением их первого описания, а верхняя граница обусловлена рассмотрением вопроса о переводе малороссийских казаков в черноморские селения. Источниками для проведения исследования послужили отчет М.С. Гулика, экономические примечания В.П. Колчигина и ведомость «О селениях войска Черноморского с экономическими примечаниями». Автор приходит к выводу, что освоение южных окраин Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. имело свою специфику в зависимости от расположения территории, численности и возможностей населения, действий высшего и местного начальства. С момента составления первых описаний Ейского округа были достигнуты определенные результаты. В селениях были устроены ветряные и водяные мельницы. Жители округа завели пашни и сенокосы. В конце XVIII в. товары стали продаваться и приобретаться на ежегодных ярмарках. В то же время в селениях округа медленно росла численность населения. В округе не было основано ни одного города. Сельский образ жизни не способствовал привлечению в округ промышленников, торговцев и ремесленников, которые своими навыками и капиталами могли бы придать импульс для последующего экономического роста.

Ключевые слова: Ейский округ, курень, освоение, переселение, Черномория, черноморские казаки, экономическое примечание.

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда и за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20096, <https://rscf.ru/project/24-18-20096/>.

Для цитирования: Шаповалов С.Н. Освоение южных окраин Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. (на материалах Ейского округа) // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 1. С. 11–26.

The mastering of the southern periphery of the Russia Empire in the late 18th – early 19th centuries (based on materials from the Yeisk District)

Shapovalov Sergey N.

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Shapovalov07@gmail.com

Abstract. The article examines the development of the southern outskirts of the state in the late 18th – early 19th centuries and their integration into the administrative-territorial structure, economic ties and social structure of the Russian Empire. The southern outskirts are the lands of the Black Sea Cossack Host, divided into districts. The focus of this study is the lands of the Yeisk District. The chronological boundaries of the study are defined as 1792–1807. The lower limit is associated with the beginning of the migration of the Black Sea Cossacks to the lands of Kuban and the appearance of their first description, and the upper limit is due to the consideration of the issue of transferring Little Russian Cossacks to the Black Sea villages. The sources for the research were M.S. Gulik's report, V. P. Kolchigin's economic notes, and the report "On the villages of the Black Sea army with economic notes". The author concludes that the development of the southern outskirts of the Russian Empire in the late 18th – early 19th centuries had its own specifics depending on the location of the territory, the size and capabilities of the population, and the actions of the higher and local authorities. Since the first descriptions of the Yeisk District were compiled, certain progress has been made. Windmills and watermills were built in the villages. The district's residents established arable land and hayfields. In the late 18th century, goods began to be sold and purchased at annual fairs. At the same time, the population of the district's villages slowly grew. Not a single town was founded in the district. The rural lifestyle did not attract industrialists, merchants, and artisans whose skills and capital could have fueled subsequent economic growth.

Key words: Yeisk District, kuren, mastering, resettlement, Chernomoriya, Black Sea Cossacks, economic note.

Funding: The study was carried out with the financial support of the Kuban Science Foundation and a grant from the Russian Science Foundation within the framework of project No. 24-18-20096, <https://rscf.ru/project/24-18-20096/>.

For citation: *Shapovalov Sergey N.* The mastering of the southern periphery of the Russian Empire in the late 18th – early 19th centuries (based on materials from the Yeisk District). *Journal of the Kuban State University Historical Sciences*, 2026, no. 1, p. 11–26.

Введение

Актуальность избранной темы обусловлена важностью изучения истории освоения южных окраин государства и их интеграции в правовое поле, экономические связи и социальную структуру Российской империи. Такой ракурс позволяет выявлять эффективные / неэффективные решения и действия высшего и местного начальства, направленные на скорейшее освоение новых земель, анализировать взаимодействие автохтонных и пришлых этнических групп, прослеживать особенности экономической и экологической адаптации населения к новым природным и климатическим условиям.

Освоение южных окраин государства происходило в конце XVIII – первой половине XIX в. благодаря трансформации границ империи, когда огромные земельные пространства на южных рубежах стали нуждаться в заселении, хозяйственном освоении и межевании [1, с. 143]. Новоприобретенные земли часто нуждались в защите от враждебных действий со стороны соседей. Для этого применялись различные способы. Одним из них было строительство большого числа городов по мере движения на юг. Каждый такой новопостроенный город становился не только простым укреплением, но и пунктом постоянной русской оседлости [2, с. 196].

Другим способом было поселение на границах воинственного казачьего населения, способного владеть оружием, обеспечивать свою защиту и экономически осваивать земли. Одной из таких южных окраин Российской империи во второй половине XVIII в. стала земля Черноморского казачьего войска. Ее активное заселение пришлось на 1792–1793 гг. Как справедливо отмечает Л.Г. Степанова, «...хозяйственное освоение проходило с трудностями, которые во многом объяснялись не только незнакомыми природно-климатическими условиями, но и нерешенными вопросами землепользования и землевладения» [1, с. 144]. Трудности возникли и при проведении административного устройства приграничных земель. Для комплексного изучения процесса освоения южных окраин Российской империи в статье рассматривается одна из таких территорий, именовавшихся землей Черноморского казачьего войска (далее Черномория). В рассматриваемый период она состояла из нескольких административных округов одним из которых был Ейский.

Степень изученности проблемы. В отечественной историографии сложился устойчивый научный интерес к истории освоения южных окраин Российской империи. В дореволюционный период появились плодотворные исследования Д.И. Багалея [3], Е.А. Загоровского [4], И. Дукмасова [5], А.А. Скальковского [6] и многих других. В фокусе их внимания оказались вопросы заселения и освоения территории Новороссии и восточного берега Черного моря, в том числе основания населенных пунктов, хозяйственного развития, адаптации к местным природно-климатическим условиям.

В советской историографии изучались особенности заселения территории Северного Причерноморья и Северного Кавказа, проводился анализ этнического и социального состава населения, рассматривались экономические последствия освоения новых земель. Среди исследователей можно выделить работы Е.И. Дружининой [7], В.М. Кабузана [8], В.Н. Ратушняка [9]. Они внесли большой вклад в изучение численности переселенцев, времени их прибытия, деятельности местных властей по водворению нового населения.

В современной российской историографии наблюдается усиление научного интереса к изучению вопросов освоения южных окраин государства. Вопросы, связанные с заселением и освоением Новороссии,

Северного Кавказа, северо-восточного берега Черного моря и других местностей, рассматривали в своих трудах А.Т. Урушадзе [10], Л.Д. Федосеева [11], Н.С. Цинцадзе [12]. Ими исследуются вопросы подготовки переселений со стороны властей, состава и численности переселенцев, создания местных органов власти, основания населенных пунктов и пр.

Для нашего исследования особое значение имеют работы, посвященные изучению процесса переселения и обустройства черноморских казаков на землях Кубани в период конца XVIII – начала XIX в. Среди дореволюционных специалистов можно выделить труды Ф.А. Щербины [13], И.В. Бентковского [14], А.М. Туренко [15]. В них рассмотрены маршруты и этапы переселения казаков, административно-территориальные преобразования, основание куренных селений, хозяйственная деятельность, вопросы службы и многое другое. В современной историографии вопросы межевания черноморских земель, создания церковного устройства, особенности природопользования, военное и административно-территориальное устройство, основание первых населенных пунктов изучаются О.В. Матвеевым [16], Л.Г. Степановой [17], И.М. Феединой [18], Б.Е. Фроловым [19] и др. В то же время еще недостаточно исследованы вопросы освоения отдельных территорий Черномории, в том числе Ейского округа.

Цель исследования – выявление особенностей освоения южных окраин Российской империи в конце XVIII – начале XIX в.

Источниковая база. В качестве источников исследования используются неопубликованные документы фонда Канцелярия наказного (войскового) атамана Кубанского казачьего войска (Ф. 249) Государственного архива Краснодарского края. Среди документов большое значение имеет обращение к экономическим примечаниям о занятиях жителей Ейского округа, составленным Таврическим областным землемером капитаном В.П. Колчигиным и уездными землемерами в конце XVIII в., а также ведомость «О селениях войска Черноморского с экономическими примечаниями» (март 1807 г.).

Неопубликованные документы фонда Войсковая канцелярия Черноморского казачьего войска (Ф. 250) Государственного архива Краснодарского края позволили рассмотреть административные преобразования в Ейском округе, установить численность мужского и женского населения, выявить число и расположение населенных пунктов, входивших в состав округа.

Важное значение имело обращение к сборникам документов, составленным И.И. Дмитренко. В них отложились многие вопросы переселения черноморских казаков на земли Кубани, их хозяйственной, административной, военной и прочей деятельности.

Большое значение для раскрытия численности и размещения казаков по населенным пунктам имело обращение к материалам «Первой переписи казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII в.».

Основная часть

Еще до начала своего официального переселения на территорию Кубани черноморские казаки командировали для осмотра просимых земель войскового полковника М.С. Гулика. 8 июля 1792 г. он представил кошевому атаману З.А. Чепеге подробный отчет под названием «Ведомость какового положения Таманская и Кубанская земли, с показанием какие где города, крепости и другие места, также рек и соленых озер». В ней было дано краткое описание земель, в том числе будущего Ейского округа: «...От Найденной косы, за тридцать верст, земляная крепость, называемая Ейское укрепление; от сего, за 4 версты, речка Ея, течение имеющая в море... От Еи, за четыре версты, гирло называемое Пашковка; оное идет с Еи и впадает в Ейский лиман, чрез который есть мост, где и карантин. От Пашковки, за тридцать три версты, Ейская коса, которая в море зашла, за семь верст, где гавань; близ сей гавани большая земляная крепость, называемая Ханская, в коей ханский дом» [19, с. 15]. В ведомости давалось не только топографическое описание земель, но и сообщались сведения о природных богатствах «Ейской округи». По словам М.С. Гулика, местность была изобильна степной растительностью и камышом. В некоторых реках и колодцах имелась пресная вода. Соляные озера «хотя и родят соль, но не каждого лета». Им же были подмечены и недостатки. Одним из них было отсутствие лесов, которое существенно осложняло будущее освоение земли. Другим недостатком было наличие в колодцах (копанях) соленой воды.

Переселение черноморских казаков на земли «Ейской округи» происходило в октябре 1792 г. После прибытия части войска во главе с кошевым атаманом казаки занялись учреждением отводных караулов по р. Челбасы для наблюдения за запорожцами, проживавшими здесь временно для занятий рыбной ловлей и охотой. Рыбачьи поселки были обнаружены на Ейской, Долгой, Камышеватой косах. По предложению коменданта Ейского укрепления в ведомство Черноморского войска были приняты казенные дома на Ейской косе. Здесь были построены первые землянки и устроена походная церковь [20, с. 547].

Летом 1793 г. на территории «Ейского округа» была учреждена первая административная единица – Ейская паланка (окружное или земское управление). Она была размещена в карантинном строении на р. Ее. Во главе паланки был поставлен полковник Семен Письменный. Есаулом при ней числился поручик Уманец, а писарем прапорщик Герченко. В ведомство паланки поступили рыболовные промыслы на приморских косах: Ейской, Долгой и Камышеватой. Для соблюдения порядка управления чиновники получили от войскового правительства надлежащие наставления [21, с. 17].

Административное устройство Черномории было установлено в начале 1794 г., когда был принят «Порядок общей пользы». Войсковая земля была разделена на пять округов, управлявшихся окружными правлениями: Екатеринодарский, Фанагорийский, Бейсугский, Ейский и Григорьевский. В сентябре этого же года были определены границы Ейского округа: «между рек Челбас и Еи от Азовского моря вверх по Еи до устья Куги Ейки, а от оной поворота вправо чрез степь до Челбасской плотины, что на большой почтовой дороге» [22, л. 4]. Межа с областью войска Донского проходила по рекам Куго-Ее и Ее к Ейскому лиману и Азовскому морю.

Для управления округами в местные правления назначались по одному полковнику, писарю, есаулу и хорунжему. Членами правления стали полковник армии, капитан Сак, есаул Николай Матяшевский и писарь Иван Замолей. Окружные правления должны были заботиться о заведении жителями хлебопашества, скотоводства, рыболовных заводов, лесов, садов, виноградных, мельниц, купечества, сохранять от опустошения вырубкой и пожарами лес и плодовые деревья [14, с. 58]. Часть из этих обязанностей носила формальный характер, так как жителям Ейского округа только предстояло завести сады, насадить плодовые деревья и разбить виноградники.

Осенью 1794 г. Войсковое правительство разграничило куренные селения Ейского и Григорьевского округов. В ведение Ейского округа были переданы: «... от Ейского правления до усть Куги Ейки Щербиновское, Деревянковское, Менское, Конеливское, Шкуринское и Куцевское, а Григорьевскому правлению от усть Куги Ейки не доходя старой заставы где редут верст за десять – Кисляковское, Екатеринское, Незамаевское и Калниболотское селения...» [23, с. 47]. Ейское окружное правление было размещено в Щербиновском курене. В состав Ейского округа вошли: Деревянковский (на р. Ее), Канеловский (на р. Сасык Ее), Куцевский (на р. Куго-Ее), Минский (на р. Сасык-Ее), Щербиновский (на р. Ее) и Шкуринский курени (на р. Ее) [24, л. 3].

Всего в Ейском округе на шесть куреней насчитывалось 285 дворов. Самым большим по числу дворов был Щербиновский курень. В нем было устроено 80 дворов. В Куцевском курене было построено 55 дворов. В Канеловском и Шкуринском куренях числилось по 50 дворов, в Деревянковском курене имелось 35 дворов. Самым маленьким был Минский курень, который насчитывал всего 15 дворов. На каждый курень в среднем приходилось по 79720 дес. земли [24, с. 55].

Еще до окончательного водворения куреней на плановом месте в Ейском округе существовали отдельные поселения в форме «городов», поселков, хуторов. Они были зафиксированы первой переписью черноморских казаков, завершенной 21 марта 1794 г. В ней были обозначены: «при Ейской косе в городе Чебаклий» – 4 души мужского и 4 женского пола, «на Долгой косе» – 6 мужского, «при Ейской косе в городе

Чебаклии» – 6 мужского и 2 женского, «при речки Ейской» – 2 мужского, «в селении Чорнобродском» – 4 мужского, «на Комишеватой косе» – 3 мужского и 1 женского, «на Ейской у господина секунд майора Евтихия Чепеги» – 1 мужского, «на Ейской косе в рыбном заводе у Никиты Зеленского» – 1 мужского, «на Ясенской косе в рыбном заводе у Никиты Зеленского» – 2 мужского, «на Комишеватой косе в рыбном заводе в войскового судии Антона Головатого» – 2 мужского и пр. [25, с. 26–44.]

Одной из первостепенных задач в области освоения земель Черномории было проведение их межевания. Эта работа была доверена таврическому инженеру капитану Василию Петровичу Колчигину, на которого возлагалась обязанность составить карту присоединенной территории и приложить к ней экономические примечания [26, с. 157]. В октябре 1794 г. им и его помощниками для устройства новых слобод в Черномории был спроектирован типовой план под заселение, в котором закладывалось выделение земли под избы и огороды. План предусматривал размежевание территории поселения на квадратные кварталы, между которыми располагались улицы. В центре поселения размещалась церковь. Спроектированный план поселения прилагался к указам, которые рассылались в окружные правления. К маю 1795 г. удалось размежевать территорию для окружного города близ р. Ея. В войсковом правительстве была составлена записка о том, какие города и окружные селения еще требовалось размежевать. По рекам Ея и Сасык в Ейском округе межеванию подлежали Деревянковский, Куцевский, Минский, Щербиновский и Шкуринский курени [27, с. 84].

Кроме работ по размежеванию земель В.П. Колчигиным были составлены экономические примечания о занятиях жителей различных мест. В Ейском округе при р. Ее «с ее отдельностями» сеяли на зиму озимую пшеницу и рожь, а весной – яровую рожь, пшеницу, ячмень, овес, гречиху, просо, горох, коноплю. Все хлеба, если были весенние дожди, то давали хороший урожай. В скотоводстве предпочтение отдавалось лошадям российской, турецкой и татарской породы, а овцам волжской и татарской.

Среди плодовых деревьев произрастали: яблоки, груши, вишня, черешня, персики, абрикосы, каштаны, орешники, айва, виноград, мушмула, кизил. В реках и речках водились щуки, окуни, судаки, караси, лини и раки. С 1 марта по 30 мая ловили судака, тарань, леща и коропа (сазана). Красную рыбу ловили в Азовском море, лиманах, на косах, в р. Ее. В огородах выращивали: качаны, репу, морковь, свеклу или бураки, огурцы, тыквы, лук, чеснок, редьку, хрен, земляные яблоки или картофель, фасоль, горох, пастернак, петрушку, укроп, дыни, арбузы, перец и разные грибы [24, л. 12об].

Сопоставляя сведения полковника М.С. Гулика с экономическими примечаниями таврического инженера капитана В.П. Колчигина, можно

отметить, что за прошедшие между этими «сельскохозяйственными переписями» несколько лет произошли заметные положительные изменения в освоении земель Ейского округа. В куренях и хуторах появились различные плодовые деревья, которые заложили основу будущих черноморских садов. Казаки обзавелись огородами, где произрастали различные овощи и зелень. Ближайшие к населенным пунктам земли стали использоваться для пашни (пшеница, рожь, овес) и сенокошения.

Для более динамичного хозяйственного развития земель Ейского округа требовались время и жители. По рапорту полковника Ейского округа Е. Чепеги от 25 декабря 1794 г. в Щербиновском курене числилось 164 души мужского и 115 женского. К июлю 1795 г., с учетом вновь прибывших, умерших и убежавших, население почти не увеличилось: 165 душ мужского и 117 женского. В Шкуринском курене проживало 58 душ мужского и 52 женского. В следующем году численность населения составила 236 душ: 124 мужского и 112 женского. В Минском курене проживало 16 душ мужского и 6 женского. К июню 1795 г. число жителей селения увеличилось всего на двух мужчин. В Куцевском курене числилось 124 души мужского и 88 женского. К концу июня 1795 г. их число увеличилось совсем незначительно – 133 мужского и 97 женского. На 10 марта 1796 г. в 95 домах проживало 407 мужского и 210 женского. В Канеловском курене проживало 32 души мужского и 22 женского. К 25 июня 1795 г. водворилось еще 82 мужского и 58 женского. К ноябрю 1795 г. население куреня составляло 322 человека. Первая перепись населения, показала в составе Деревянковского куреня 382 человека [25, с. 432, 437–438, 440, 461–462].

В первые годы после переселения в Черноморию жители куреней Ейского округа развивали на новых местах пастушеское скотоводство, земледелие, рыболовство и охоту. К этим занятиям их располагало богатство нового края. Английский путешественник Эдвард Даниэль Кларк, посетивший Черноморию летом 1800 г., отмечал хорошее состояние степных пространств: «Вся почва в этой части Черноморского края покрыта прекрасными пастбищными травами и обеспечивает сено для своей кавалерии и крупного рогатого скота» [28, с. 846]. Казачьи хозяйства в куренях носили натуральный характер. Все виды занятий сводились к добыванию предметов для непосредственных нужд хозяйства и семьи, прежде всего, пищи, одежды, корма для скота, строительного материала [19, с. 139–140]. Торговля была развита слабо. Однако уже в 1796 г. по просьбе жителей Щербиновского куреня были учреждены три ежегодные ярмарки: первая проводилась на Фоминой неделе (вторая неделя после Пасхи), вторая – 29 июня на праздник Петра и Павла, а третья – 14 сентября в день Воздвижения Честного Креста [21, с. 42].

Кроме природных богатств английский путешественник Э.Д. Кларк также обратил внимание на бедность черноморских поселений. Часть его маршрута пролегла через Ейский округ. Он оставил краткую заметку о

столице округа – Щербиновском курене: «Миновав [реку] Ею, мы вступили на черноморские земли: проехав еще около четырех миль, мы приехали в Щербиновскую, – жалкую деревню, построенную из камыша, но имеющую несколько жалких лавок» [28, с. 844]. Бедность первых черноморских куреней отмечал в 1897 г. известный кубанский географ и педагог Леонид Яковлевич Апостолов, который писал: «Все курени существуют теперь в виде огромных станиц, но каковы они были в первое время, это трудно себе и представить. Вместо домов были землянки и мазанки, лишенные самых элементарных удобств, и даже церкви были под камышовой крышей» [29, с. 234].

В начале XIX в. на территории Черномории происходили важные административные и экономические преобразования. Черноморские казаки осваивали местные природные богатства, занимаясь скотоводством, рыбной ловлей, добычей соли, охотой, земледелием, садоводством и другими промыслами. Повсеместно возникали хуторские хозяйства, обустроивались куренные селения, изменялись административные границы между черноморскими округами.

С 1802 г. Черномория в административном отношении стала составлять Тмутараканский уезд, подчиняясь Таврической губернии. По военной части она курировалась Херсонским губернатором. Такое положение сохранялось до 1820 г. [28, с. 240]. 23 июля 1802 г. на основании указа императора Александра I на территории Черноморского казачьего войска произошла административная реорганизация. Вместо пяти округов было создано четыре: Екатеринодарский, Таманский, Бейсугский и Ейский. Для управления ими учреждались сыскные начальства. Территория Григорьевского округа была упразднена и разделена между другими начальствами по их близости и удобству. Вместе с ней перешли и населенные пункты. В состав Ейского округа добавились Екатериновский, Кисляковский и Уманский курени «с принадлежащими к оным селениям футорами». Общее число куреней в округе возросло до девяти: Деревянковский, Екатериновский, Канеловский, Кисляковский, Куцевский, Минский, Уманский, Щербиновский и Шкуринский. Центром Ейского округа остался Щербиновский курень [30, л. 1].

Продолжая административные реорганизации в черноморских округах, Войсковое правительство в 1803 г. сделало ряд распоряжений по поводу новых мест расположения куреней. В Ейском округе свою локализацию поменял только Деревянковский курень. При жеребьевке куренной атаман Василий Топал вынул жребий селиться на р. Ее. Местоположение оказалось неудачным из-за недостатка водных источников, постоянных неурожаев хлеба, бедности ближайших сенокосов. Поэтому жители Деревянковского куреня получили разрешение переместиться на правый берег р. Челбасы [28, с. 192].

Важнейшим источником, дающим представление о социально-экономическом состоянии жителей Ейского округа в начале XIX в.,

является ведомость «О селениях войска Черноморского с экономическими примечаниями», составленная в марте 1807 г. Ее ценность заключается в том, что она была составлена до начала переселения на земли Черномории малороссийских казаков из Полтавы и Черниговщины, отражала реальные успехи, достигнутые черноморцами в освоении природных богатств Кубани с момента своего переселения в конце XVIII в.

О хозяйственной деятельности жителей Ейского округа в ней сообщалось следующее: «Земли войска Черноморского каждому селению определенные формально не отмежеванные. Пашенная земля в первых трех округах: Екатеринодарском, Бейсугском и Ейском, рода черного, качества хорошего, удобрения не требует. Пашут землю плугами, боронят осенью и весною. Хлеб высевают следующий: жито озимое и яровое, пшеницу озимую и яровую, ячмень, просо, овес, горох, гречиху, семя конопляное и льняное, фасоль, мак и чечевицу. Урожай хлеба в обыкновенные годы бывает один раз посредственный. У жителей сего войска сады по малой части заводятся и овощи в оных произрастают, также и огороды имеют, пчел держат в посредственном изобилии. Скотоводство простирается лошадей до 23 000, рогатого скота до 50 000, овец до 74 000 штук, из одного скота род удается лучшей лошадиной, лугов в трех округах, свойства хорошего, корму с оных лугов простирается, а ежегодно до 10 000 скирдов, к селениям принадлежащего леса нет... Оные жители, кроме рыболовным и торговым, промыслом не занимаются. Избытки свои продают в соседственных войску городах Ставрополе, Черкаске, Ростове, Таганроге, Мариуполе, Керчи, и Ениколе и по внутренности Тмутараканского уезда» [31, л. 12–12об].

По состоянию на 1807 г. в куренях Ейского округа имелось: в Щербиновском 800 дес. пахотной земли и 2 200 дес. сенокосов, в Минском – 500 пахотной и 250 сенокосов, в Канеловском – 1 270 пахотной и 600 сенокосов, в Куцевском – 1 140 пахотной и 600 сенокосов, в Шкуринском – 1 140 пахотной и 600 сенокосов, Кисляковском – 1 540 пахотной и 1 600 сенокосов, в Екатериновском – 570 пахотной и 550 сенокосов, в Уманском – 1 100 пахотной и 600 сенокосов, в Деревянковском – 940 пахотной и 1 000 сенокосов. Всего в округе было 9 000 дес. пахотной и 7 600 дес. сенокосной земли [22, л. 20 об].

Как видно из ведомости, Кисляковский, Канеловский, Шкуринский и Уманский курени были обеспечены самыми большими участками пахотной земли в округе. Наименьшее количество пахотной земли приходилось на долю Минского и Екатериновского куреней. Щербиновский, Кисляковский и Деревянковский курени обладали самыми большими размерами сенокосов. Самые маленькие площади сенокосов приходились на жителей Минского и Екатериновского куреней. Кисляковский курень был лучше остальных селений обеспечен пахотными землями и сенокосами. На долю Минского и Екатериновского куреней пришлось самые маленькие в округе размеры пахотных земель и сенокосов.

В 1807 г. в Щербиновском курене было посеяно 175 четвертей хлеба, в Минском – 110, в Канеловском – 271, в Куцевском – 247, в Шкуринском – 243, в Кисляковском – 331, в Екатерининском – 122, в Уманском – 240, Деревянковском – 207 [31, л. 20об]. Всего в округе жители высеяли 1 946 четвертей хлеба. Наибольший объем посевов пришелся на жителей Кисляковского, Канеловского, Куцевского, Шкуринского и Уманского куреней, которые располагали самыми большими площадями пахотной земли в округе. В Минском и Екатерининском куренях высеяли меньше всех четвертей хлеба, что было обусловлено обладанием самыми маленькими размерами пахоты и сенокосов.

По данным ведомости в куренных селениях Ейского округа было водворено: в Куцевском 209 душ мужского пола, в Минском – 79, в Деревянковском – 188, в Екатерининском – 56, в Кисляковском – 361, в Канеловском – 182, в Уманском – 169, в Щербиновском – 517, в Шкуринском – 182 [31, л. 9об – 10об]. Всего в округе числилось 1 943 души мужского пола.

Сопоставляя численность водворенных в куренных селениях жителей, можно отметить следующие особенности. Екатерининский и Минский курени были наименее заселенными поселениями. На каждую душу мужского пола в Екатерининском курене приходилось 10,1 дес. пахотной земли и 9,8 дес. сенокосов, а в Минском – 6,3 и 3,1 соответственно. Обеспеченность высеянным хлебом в Минском курене составляла 1,4 четвертей на душу мужского пола и 2,2 четвертей в Екатерининском.

Важным показателем развития хозяйственной деятельности в Ейском округе было заведение в куренных селениях различных типов мельниц. По состоянию на 1807 г. в Щербиновском курене было устроено 9 ветряных мельниц, в Минском – 1 ветряная и 1 водяная, в Канеловском – 2 ветряные и 1 водяная, в Куцевском – 1 водяная, в Шкуринском – 2 ветряные, в Кисляковском – 2 водяные, в Уманском – 1 ветряная и 1 водяная, в Деревянковском – 1 водяная. В Екатерининском курене мельниц не было [31, л. 9об – 10об]. На девять куренных селений в округе приходилось 15 ветряных и 7 водяных, всего 22 мельницы. Этого было вполне достаточно для обмолота выращиваемого в селениях округа зерна.

Заключение

Освоение южных окраин Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. имело свою специфику в зависимости от расположения территории, численности и возможностей населения, действий высшего и местного начальства. Одной из таких окраинных земель была Черномория, осваиваемая черноморскими казаками. Обращение к различным описаниям (ведомость М.С. Гулика, экономические примечания, ведомость «О селениях войска Черноморского с экономическими примечаниями») предоставляет возможность проанализировать освоение отдельных

административно-территориальных частей, из которых состояла Черномория в конце XVIII – начале XIX в. Одной из них была территория Ейского округа.

Ведомости и экономические примечания демонстрируют положительную динамику освоения черноморскими казаками земель Ейского округа. За прошедшие 10–15 лет с момента составления первых описаний территории были достигнуты определенные результаты. В селениях были устроены ветряные и водяные мельницы. Жители округа завели пашни и сенокосы, высевая до 1 946 четвертей хлеба. Излишки продуктов (огородные культуры, дичь, рыба), предметы ремесленной деятельности и другие товары стали продаваться и приобретаться на ежегодных ярмарках, открытых в конце XVIII в. Торговые связи поддерживались с жителями Ставрополя, Черкаска, Ростова, Таганрога, Мариуполя, Керчи, Еникале и других населенных пунктов. Определенные успехи были достигнуты в разведении лошадей, крупного рогатого скота, овец. Для увеличения поголовья скота имелись все необходимые условия.

В то же время в селениях Ейского округа медленно росла численность населения. С 1792 по 1807 г. в округе не было основано ни одного города, хотя это было предусмотрено войсковым правительством еще в 1794 г. Предполагаемый город должен был именоваться «Ейская». Сельский образ жизни не способствовал привлечению в округ промышленников, торговцев и ремесленников, которые своими навыками и капиталами могли бы придать импульс для последующего экономического роста как конкретному населенному пункту, так и всему пространству округа. Показательно, что во всей Черномории в 1808 г. население состояло только из одного жителя на квадратную версту.

Дальнейшее хозяйственное освоение земельных фондов Ейского округа и всей территории Черномории, развитие торговой деятельности, промышленности требовало существенного увеличения численности населения. Достижение этой цели виделось властями через организацию переселения жителей малороссийских губерний, населявших Полтаву и Черниговщину. 17 марта 1808 г. императором Александром I была утверждена программа заселения Черномории малороссийскими казаками, составленная министром внутренних дел князем А.Б. Куракиным. Устанавливалась предельная численность переселявшихся лиц в Черноморию, которая не должна была превышать 25 000 душ мужского пола с их семьями. Черноморское казачье войско обязывалось выделять прибывавшим переселенцам земельные участки и выплачивать денежные пособия для водворения. Будущим переселенцам было предоставлено также право самостоятельного выбора для причисления к любому из существовавших черноморских куреней: «...отбирая однако же желание от переселенцев, кто в какой курень пожелает приобщиться...» [14, с. 67].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степанова Л.Г. От Ейского укрепления до Ейской слободы: трансформация поселенческого уклада и особенности межевания на южных границах России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23, № 2. С. 143–154.
2. Любавский М.К. История русской колонизации, или Как возникала империя. М.: Вече, 2021. 288 с.
3. Скальковский А.А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Одесса: Типография Л. Нитче, 1850–1853. Ч. 1. 1850. 366 с.
4. Багалей Д.И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Исторический этюд. Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1889. 115 с.
5. Загоровский Е.А. Военная колонизация Новороссии при Потемкине. Одесса: Экономическая типография, 1913. 34 с.
6. Дукмасов И. О заселении Черноморского побережья Кавказа казачьим войском // Сочинения Ив. Дукмасова. М.: Университетская типография, 1887. 40 с.
7. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 279 с.
8. Кабузан В.М. Крестьянская колонизация Северного Причерноморья (Новороссии) в XVIII – первой половине XIX в. (1719–1857 гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев, 1966. С. 313–322.
9. Ратушняк В.Н. Некоторые вопросы капиталистического заселения Северного Кавказа в конце XIX в. – начале XX в. // Проблемы аграрной истории Северного Кавказа в дореволюционный период. Ставрополь, 1981. С. 17–24.
10. Урушадзе А.Т. Кавказ в конце XIX – начале XX в.: проблемы управления и модернизации на южной окраине Российской Империи // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 144–157.
11. Федосеева Л.Д. Внутренние миграции населения и военная колонизация Северо-Западного Кавказа в проектах А.А. Вельяминова, Н.Н. Раевского и Н.И. Евдокимова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 4. С. 76–80.
12. Цинцадзе Н.С. Колонизация как фактор истории России в осмыслении ученых XIX – начала XX в. // Журнал фронтирных исследований. 2025. Т. 10. № 1(37). С. 63–82.
13. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. М.: Вече, 2014. 576 с.
14. Бентковский И. В. Заселение Черномории с 1792 по 1825 год // Памятная книжка Кубанской области на 1881 год. Екатеринодар: Кубанский областной статистический комитет, 1881. 669 с.
15. Туренко А. М. Исторические записки о войске Черноморском. Киев: Типография А. Давиденко, 1887. 149 с.
16. Матвеев О.В. Слово о Кубанском казачестве. Краснодар: Советская Кубань, 1995. 461 с.
17. Степанова Л.Г. Деятельность землемеров на земле Черноморского казачьего войска в конце XVIII в. // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 6. С. 77–86.
18. Федина И.М. Поселенческое миромоделирование Восточного Причерноморья: российский опыт региональной политики XIX столетия. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. 193 с.
19. Фролов Б.Е. Переселение Черноморского казачьего войска на Кубань. Краснодар: КГИАМЗ, 2017. 116 с.

20. Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. СПб.: Типография Штаба отдельного корпуса жандармов, 1896. Т. 3. 799 с.
21. Туренко А.М. Исторические записки о войске Черноморском. Киев: Тип. А. Давиденко, 1887. 149 с.
22. Донесения войскового судьи Головатого Таврическому губернатору и кошевому атаману Чепеге о завершении работ по размежеванию войсковой земли, устройству куреней, об учреждении 5 округов и окружных правлений, об установлении дружественных связей с горцами и др. вопросам, сведения о количестве земли, отведенной в личное пользование казачьей верхушке Черноморского войска, за 1796 г. // Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 338. 85 л.
23. Фролов Б.Е. Основание первых куренных селений в Черномории // Вестник архивиста Кубани. 2006. № 1. С. 12–20.
24. О доставлении Таврическому инженеру Калчанину сведений: о расположении куренных селений войска и находящихся в пределах его зверях, рыбах, птицах и домашнем скоте, а также о развитии в Черномории хлебопашества и промышленности за 1795 г. // ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 332. 35 л.
25. Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII в.: истор. документы. Краснодар: Диапазон-В, 2006. 520 с.
26. Сухомлинова К.Ю. Основные формы предпринимательства на землях Черноморского казачьего войска в конце XVIII – первой половине XIX века // Манускрипт. 2017. №10–2 (84). С. 157–160.
27. Степанова Л.Г. Деятельность землемеров на земле Черноморского казачьего войска в конце XVIII в. // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 6. С. 77–86.
28. Скорик А.П., Федина И.М. Кубанские курени и станицы. Повседневный поселенческий уклад кубанских казаков и исторические формы поселений на Кубани в конце XVIII – первой трети XX в. Новочеркасск: Лик, 2022. 1336 с.
29. Апостолов Л. Я. Географический очерк Кубанской области. Краснодар: Традиция, 2010. 313 с.
30. Об упразднении Григорьевского сыскного начальства // ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 53. 7 л.
31. Камеральное описание селения Черноморского войска с экономическими примечаниями за 1807 год // ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 539. 23 л.

REFERENCES

1. Stepanova, L.G. From the Yeysk Fortification to the Yeysk Settlement: Transformation of the Settlement Pattern and Features of Land Surveying on the Southern Borders of Russia in the Second Half of the 18th – First Half of the 19th Century. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia. 2024. Vol. 23, No. 2. Pp. 143–154.
2. Lyubavsky, M.K. History of Russian Colonization, or How the Empire Emerged. Moscow: Veche, 2021. 288 p.
3. Skalkovsky, A.A. An Attempt at a Statistical Description of the Novorossiysk Region. Odessa: L. Nitche Printing House, 1850–1853. Part 1. 1850. 366 p.
4. Bagaley D.I. The Colonization of the Novorossiysk Region and Its First Steps Towards Culture. A Historical Study. Kiev: G.T. Korchak-Novitsky Printing House, 1889. 115 p.
5. Zagorovsky E.A. Military Colonization of Novorossiya under Potemkin. Odessa: Economic Printing House, 1913. 34 p.

6. Dukmasov I. On the settlement of the Black Sea coast of the Caucasus by the Cossack army / The writings of Eve. Dukmasova. Moscow: University Printing House, 1887. 40 p.
7. Druzhinina E.I. The Northern Black Sea Region in 1775–1800. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. 279 p.
8. Kabuzan V.M. Peasant Colonization of the Northern Black Sea Region (Novorossiia) in the 18th and First Half of the 19th Centuries (1719–1857) // Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe. Kishinev, 1966, pp. 313–322.
9. Ratushnyak, V.N. Some Issues of Capitalist Settlement in the North Caucasus in the Late 19th and Early 20th Centuries // Problems of the Agrarian History of the North Caucasus in the Pre-Revolutionary Period. Stavropol, 1981, pp. 17–24.
10. Urushadze, A.T. The Caucasus in the Late 19th and Early 20th Centuries: Problems of Governance and Modernization in the Southern Borderlands of the Russian Empire. *Quaestio Rossica*, 2015, no. 2, pp. 144–157.
11. Fedoseeva, L.D. Internal Population Migrations and Military Colonization of the North-Western Caucasus in the Projects of A.A. Velyaminov, N.N. Raevsky, and N.I. Evdokimov. *Bulletin of the Adyghe State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, and Cultural Studies*. 2013. No. 4. Pp. 76–80.
12. Tsintsadze N.S. Colonization as a Factor in the History of Russia in the Interpretation of 19th- and Early 20th-Century Scholars // *Journal of Frontier Studies*. 2025. Vol. 10. No. 1(37). Pp. 63–82.
13. Shcherbina F.A. History of the Kuban Cossack Army. Moscow: Veche, 2014. 576 p.
14. Bentkovsky I.V. The Settlement of Chernomoria from 1792 to 1825 // The Memorial Book of the Kuban Region for 1881. Ekaterinodar: Kuban Regional Statistical Committee, 1881. 669 p.
15. Turenko A. M. Historical Notes on the Black Sea Army. Kiev: A. Davidenko Printing House, 1887. 149 p.
16. Matveyev O. V. A Word about the Kuban Cossacks. Krasnodar: Sovetskaya Kuban, 1995. 461 p.
17. Stepanova L.G. The Activities of Land Surveyors on the Land of the Black Sea Cossack Army at the End of the 18th Century // *Historical Journal: Scientific Research*. 2019. No. 6. Pp. 77–86.
18. Fedina I.M. Settlement World Modeling of the Eastern Black Sea Region: The Russian Experience of Regional Policy in the 19th Century. Krasnodar: Kuban State University, 2022. 193 p.
19. Frolov, B.E. The Resettlement of the Black Sea Cossack Army to the Kuban. Krasnodar: KGIAMZ, 2017. 116 p.
20. Dmitrenko, I.I. Collection of Historical Materials on the History of the Kuban Cossack Army. Vol. 3. St. Petersburg: Printing House of the Headquarters of the Separate Corps of Gendarmes, 1896. 799 p.
21. Turenko, A.M. Historical Notes on the Black Sea Army. Kiev: type. A. Davidenko, 1887. 149 p.
22. Reports of the military judge Golovaty to the Tauride governor and the ataman of the Cossacks Chepege on the completion of the work on the delineation of the military land, the arrangement of the kuren, the establishment of 5 districts and district boards, the establishment of friendly relations with the highlanders, etc. questions, information about the amount of land allocated for personal use by the Cossack elite of the Black Sea Army in 1796 // State Archives of the Krasnodar Territory (GAKKT). F. 249. Op. 1. D. 338. 85 l.
23. Frolov, B.E. The Foundation of the First Kurin Villages in Chernomoria // *Bulletin of the Kuban Archivist*. 2006. No. 1. Pp. 12–20.

24. On the delivery of information to the Taurian engineer Kalchanin: about the location of the troops' kurin villages and the animals, fish, birds, and livestock within them, as well as about the development of agriculture and industry in Chernomoriya in 1795 // GAKK. F. 249. Op. 1. D. 332. 35 l.

25. The first census of Cossacks who migrated to the Kuban at the end of the XVIII century: history. documents. Krasnodar: Diapozon-V, 2006. 520 p.

26. Sukhomlinova K.Yu. The Main Forms of Entrepreneurship on the Lands of the Black Sea Cossack Army in the Late 18th and Early 19th Centuries // Manuscript. 2017. No. 10–2 (84). Pp. 157–160.

27. Stepanova L.G. The Activities of Land Surveyors on the Lands of the Black Sea Cossack Army in the Late 18th Century // Historical Journal: Scientific Research. 2019. No. 6. Pp. 77–86.

28. Skorik A.P., Fedina I.M. Kuban Kuren and Villages. Everyday Settlement Pattern of the Kuban Cossacks and Historical Forms of Settlements in the Kuban in the Late 18th – First Third of the 20th Centuries. Novocherkassk: Lik, 2022. 1336 p.

29. Apostolov L. Ya. Geographical Essay on the Kuban Region. Krasnodar: Tradition, 2010. 313 p.

30. On the abolition of the Grigorievsky detective department // GAKK. F. 250. Op. 2. D. 53. 7 p.

31. A camera description of the village of the Black Sea Army with economic notes for 1807 // GAKK. F. 249. Op. 1. D. 539. 23 p.

Сведения об авторе

Шаповалов Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040, г. Краснодар, Российская Федерация, Shapovalov07@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0605-191X>

About the Author

Shapovalov Sergey Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, 350040, Krasnodar, Russian Federation, Shapovalov07@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0605-191X>

**Из истории повседневности восточнославянского населения
Кубанско-Лабинского междуречья
(вторая половина XIX – начало XX в.)**

Матвеев Олег Владимирович

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
vim12@rambler.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка характеристики повседневности восточнославянского населения Кубанско-Лабинского междуречья второй половины XIX – начала XX в. Уникальность этого региона в его пограничности, стыке между пространствами бывшего черноморского и линейного казачеств Кубани, сочетании и взаимодействии социальных субкультур: солдатской, казачьей, крестьянской, различных ремесленных групп. Поэтому крайне важно изучение реакции жителей этого пограничья на определенные ситуации, конкретные методы поведения, ориентации и адаптации в местном региональном пространстве. Интеграция выходцев из южнорусских метрополий с вкраплениями представителей малороссийских губерний в рамках войскового сословия, адаптация к местной природной, социальной и этнокультурной среде способствовали оформлению локального варианта кубанской традиции. Региональные смыслы формировало станичное и хуторское самоуправление, которое защищало интересы населения в земельных спорах рядовых казаков с офицерами, характеризовалось различными формами взаимопомощи. Вера выступала основой традиционной системы ценностей, давала надежду на лучшее, помогала врачевать душевные недуги и переживания. Тяжёлые условия жизни, бедность, социальные противоречия и предрассудки вырабатывали представления о Царствии Небесном, которые не всегда вписывались в официальные установки. Семья и община регламентировали образ жизни станичников и хуторян, поддерживали традиционные представления о смысле жизни, добре и зле, обеспечивали нормы взаимоотношений. В то же время нередко личные пристрастия и мотивы накладывали свой отпечаток на повседневную жизнь.

Ключевые слова: Кубанско-Лабинское междуречье, повседневность, казачество, система ценностей, традиционные представления, пограничье.

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда и за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20096, <https://rscf.ru/project/24-18-20096/>.

Для цитирования: Матвеев О.В. Из истории повседневности восточнославянского населения Кубанско-Лабинского междуречья (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 1. С. 27– 46.

From the history of everyday life of the East Slavic population of the Kuban-Labinsky interfluve (second half of the XIX – beginning of the XX centuries)

Matveev Oleg V.

Kuban State University, Krasnodar, Russia, vim12@rambler.ru

Abstract. This article attempts to characterize the everyday life of the East Slavic population of the Kuban-Labinsk interfluve in the second half of the 19th and early 20th centuries. The uniqueness of this region lies in its borderland status, the junction between the former Black Sea and Linear Cossack areas of Kuban, and the combination and interaction of social subcultures: soldier, Cossack, peasant, and various artisan groups. Therefore, it is crucial to study the reactions of the inhabitants of this borderland to certain situations, specific behavioral patterns, orientation, and adaptation within the local regional space. The integration of immigrants from southern Russian metropolises with a sprinkling of representatives from the Little Russian provinces within the military class and their adaptation to the local natural, social, and ethnocultural environment contributed to the formation of a local version of the Kuban tradition. Regional meanings were shaped by stanitsa and khutor self-government, which defended the interests of the population in land disputes between ordinary Cossacks and officers and was characterized by various forms of mutual assistance. Faith served as the foundation of the traditional value system, offering hope for the better and helping to heal mental illnesses and suffering. Harsh living conditions, poverty, social contradictions, and prejudices shaped notions of the Kingdom of Heaven that didn't always fit within official norms. Family and community regulated the lifestyle of villagers and hamlet dwellers, upheld traditional notions of the meaning of life, good and evil, and ensured norms for relationships. At the same time, personal passions and motives often left their mark on everyday life.

Key words: Kuban-Labinsk interfluve, everyday life, Cossacks, a system of values, traditional representations, border guards.

Funding: The study was carried out with the financial support of the Kuban Science Foundation and a grant from the Russian Science Foundation within the framework of project No. 24-18-20096, <https://rscf.ru/project/24-18-20096/>.

For citation: *Matveev Oleg V.* From the history of everyday life of the East Slavic population of the Kuban-Labinsky interfluve (second half of the XIX – beginning of the XX centuries). *Journal of the Kuban State University Historical Sciences*, 2026, no. 1, p. 27–46.

Введение

Важнейшей методикой региональной истории является обращение к социальным практикам и поведенческим стратегиям локальных сообществ, повседневной жизни людей. Ориентация на изучение социальных действий, выявление границ, в рамках которых происходит пространственное выражение социальных норм и представлений, легла в основу повседневной регионализации [44, с. 585].

Вслед за рядом отечественных исследователей мы понимаем повседневность как совокупность повседневного бытия и обыденного сознания, повседневное взаимодействие конкретного человека с реалиями

окружающего его мира и субъективной интерпретацией этого взаимодействия [40, с. 13].

В статье предпринята попытка характеристики повседневности восточнославянского населения Кубанско-Лабинского междуречья второй половины XIX – начала XX в. Ныне это территория Усть-Лабинского района Краснодарского края, образованного в 1924 г. В исследуемый период станицы, поселки и хутора района входили в состав Екатеринодарского, Майкопского и Закубанского уездов Кубанской области, а с 1888–1891 гг. – в состав Екатеринодарского, Лабинского, Кавказского и Майкопского отделов. Уникальность этого региона в его пограничности, стыке между пространствами бывшего черноморского и линейного казачеств Кубани, сочетании и взаимодействии социальных субкультур: солдатской, казачьей, крестьянской, различных ремесленных групп [22, с. 4]. Поэтому крайне важно изучение реакции жителей этого пограничья на определенные ситуации, конкретные методы поведения, ориентации и адаптации в местном региональном пространстве. История отдельных населенных пунктов Кубанско-Лабинского междуречья нашла отражение в своем большинстве лишь в публикациях местных краеведов Д.С. Шахова, Ф.С. Дергунова, А.Н. Забазнова, историков О.В. Ратушняка и Т.В. Ратушняк, в издании серии кубанских этнографов и фольклористов «История, этнография, фольклор Кубани» (т. III). В основе статьи лежат материалы делопроизводства Государственного архива Краснодарского края, заметки и корреспонденции периодической печати.

Основная часть

Господствующей отраслью хозяйства жителей Кубанско-Лабинского междуречья до 1880-х гг. являлось экстенсивное животноводство. Доминирование овцеводства объяснялось большой выносливостью и неприхотливостью этих животных. Зажиточный казак станицы Ладожской в 1861 г. в среднем имел 48 лошадей, рогатого скота 92 головы, овец 650 и свиней 30; среднего состояния – 9 лошадей, рогатого скота 23 головы, 150 овец и 14 свиней; бедного состояния соответственно 1, 6, 11 и 3 [1, л. 11–12]. В станице Усть-Лабинской зажиточные казаки имели до 70 лошадей, 90 голов рогатого скота, 500 овец, 20 свиней; казаки среднего достатка соответственно 15, 35, 60 и 10; бедного состояния – рогатого скота 15, овец 10, свиней 5 [1, л. 118–119].

Постепенно на первый план выходит земледелие. На урожайности сказывалось отвлечение казаков на военную службу, резкие перепады температуры, действия грызунов и насекомых. В 1860–1870-е гг. урожайность поднималась медленно и составляла в среднем от сам 1¼ до сам 4 [10, л. 220 об.].

Значительная часть хозяев использовала упрощённую переложную систему, когда одно поле засевалось, а другое отдыхало. Землемер

Н. Соколов в 1898 г. описывал земледелие в ст-цы Тенгинской следующим образом: «Из хлебных растений возделываются главным образом озимая пшеница, потом подсолнух, просо и ячмень, второстепенное место занимают остальные хлебные растения и различные огородные овощи для своего домашнего обихода, и, если есть излишки, то и для продажи на местном базаре <...>. Уборка озимой пшеницы начинается с 29-го июня и кончается 15–20 июля м-ца; яровые хлеба, ячмень и жито от 25 июня и кончается уборка в августе и сентябре м-це. Посевы убираются все, несмотря на недоброкачественность зерна, ручным способом косою, а у зажиточных жнейками; очень плохие урожаи с бурьянистыми травами скашиваются на корм скотине. Скошенный и связанный в снопы хлеб свозится и складывается в скирды-одонки до срока подъезда паровой молотилки, причём несколько человек хозяев помогают друг другу, или же нанимается необходимое число рабочих людей» [11, л. 30].

В ст-це Некрасовской сеяли озимые зерновые – пшеницу и рожь, из яровых культур – рожь, пшеницу, гречиху, просо, ячмень, овёс, горох, лён [41, с. 109]. Д.В. Шахов в 1883 г. так описывал земледелие в ст-це Воронежской: «Хлебопашество ведётся по переложной системе. Из земледельческих орудий употребляются: плуг, рало и борона. Плуг старинный, тяжёлый, деревянный, на 4–5 пар волов для целины и на 3 пары для мякоти. Ралом пахут землю мягкую по снятии с неё какого-либо посева в одну или две пары волов. При плуге бывает три души: два погонщика (полуработника) и один "плугатырь", управляющий плугом. Для поднятия десятины требуется два дня, а мякоти 1½ дня. За вспашку одной десятины целины с посевом хозяйским зерном платится 10–12 руб., а мякоти с посевом 5–7 руб. Под озимый хлеб пахоть заготавливают летом, весною и осенью, а под яровой осенью и преимущественно весною. Распашка производится один раз. Боронят в одну или две пары волов и употребляют на них времени не более ¼ дня на десятину. Богатый запахивает ежегодно под разный хлеб до 100 десятин, средний до 40 дес. и бедный до 5 десятин. Для обсеменения одной десятины требуется пшеницы или жита 6 мер, льна 2½ меры. Хлеб убирается косами и серпами; один работник может убрать десятину в три дня» [45, с. 270–271].

В конце XIX в. происходит интенсификация сельскохозяйственного производства: вместо волов чаще применяются лошади, растёт оснащённость техникой за счёт привоза по железной дороге и возводимых на Кубани заводов по производству орудий труда. К примеру, в ст-це Некрасовской в 1893 г. имелось 317 усовершенствованных плугов и 21 паровая молотилка [41, с. 109].

Значительное место в системе жизнеобеспечения жителей междуречья принадлежало рыболовству. Наиболее рыбные места находились на р. Кубани от Изрядного источника до ст-цы Казанской. На этом участке в изобилии водились осётр, севрюга, шамая, рыбец, карп. Поэтому у казаков станиц Ладожской, Воронежской и Усть-Лабинской существовала

промышленная добыча рыбы в периоды массового хода осетра. Для промысла нерестовых рыб активно использовались лодки и снасти. Однако бесконтрольный лов рыбы уже на рубеже столетий привёл к оскудению рыбных богатств. Один их местных корреспондентов сообщал из ст-цы Усть-Лабинской в 1900 г.: «Отошло в область преданий то благодатное время, когда каждый из усть-лабинцев мог полакомиться свежеею рыбою, которая, благодаря её обилию в местных водах, была доступна по цене в несколько копеек. Недавно было то время, когда в "озере" – так называют у нас старое русло Кубани – рыба "душилась"; её брали из воды просто руками. Но такую рыбою пренебрегали. Она служила пищею одним хищным птицам. Красная икраяная рыба была, что называется, нипочём. А теперь? Теперь только состоятельные лица могут есть рыбу, потому что пара карасиков, весом не более фунта стоит 15–20 к., а привозная: судак 12 к. фунт, короп 7–8 к. фунт. Нечего уж говорить о том, что красная рыба встречается редко и доступна лишь богачам» [31, с. 1].

Корреспондент сетовал: «"Что имеем – не храним, потерявши плачем", – говорит пословица. Хищническая ловля рыбы без времени, без нужды довела нас до такого состояния. "Озеро" всё запружено "котцами", самоловками, вентерями, сетями. Кубань вдоль и поперек запружена снастями. За ловлею рыбы не было установлено надзора, и это местное богатство исчезло преждевременно. Весною и осенью, когда рыба идёт метать икру, особенно заметная деятельность рыбаков. Я полагаю, что ни одна красная рыба не могла достигнуть своей цели, будучи захвачена на пути частыми острыми крючками. Это на Кубани, а про "озеро" и говорить нечего. В то время, когда в других местностях прибегают к помощи рыбаководства, у нас выбирают из воды последнюю рыбу» [31, с. 1].

Необходимость обработок шкур животных способствовала развитию междуречье кожевенного дела. Военные и повседневные нужды приводили к развитию шорного дела: изготовлению сёдел, вожжей, сбруй, хомутов и т.д. Производили самостоятельно и некоторую часть одежды, которая изготовлялась из домотканой льняной и полотняной материи.

В каждой станице имелась своя кузница, обеспечивающая население серпами, лопатами, граблями, обручами для бочек и колёс, подковами, гвоздями и т.д. В 1889 г. в ст-це Усть-Лабинской 1 человек занимался кожевенным ремеслом, 4 человека – скорняжным, 3 человека – шорным, 4 – шерстобитным, 3 человека – верёвочным, 8 чел. – бондарным, 7 – столярным, 24 – плотничным, 8 – кузнечным, 15 чел. – портняжным, 11 чел. – сапожным, 14 чел. – кирпичным [46, с. 50–51]. В ст-це Новолабинской ткацким ремеслом (изготовлением пряж и холста) занимались 200 женщин, плотничным – 12 человек, портняжным – 6, кожевенным – 1, скорняжным – 4 (2 мужчин и 2 женщины), верёвочным 4 (2 муж., 2 жен.), сапожным – 4, бондарным – 2, столярным – 2 [36, с. 67].

Общественную жизнь региона во многом характеризовало местное самоуправление. Первое время станицами управляли станичные

начальники. С окончанием Кавказской войны в организацию станичного управления проникает выборное начало. С 1871 г. стало действовать изданное 13 мая 1870 г. «Положение об общественном управлении в казачьих войсках», согласно которому управлением станицы ведал станичный сход, атаман с правлением и станичный суд. Усть-Лабинская слобода управлялась старшиной, который избирался на сходе слобожанами. Среди выбранных старшин попадались разные люди. Так, приказом начальника Кубанской области № 238 от 4 сентября 1904 г. было предписано удалить «от должности старшины слободки Усть-Лабинской крестьянина Василия Николаева за бездеятельность по службе» [24, с. 1]. Вместо него слобожане избрали старшиной Иосифа Гафдоенко, которого начальник Кубанской области утвердил в должности 29 ноября 1904 г. [25, с. 1].

Станичное и хуторское самоуправление характеризовалось различными формами взаимопомощи при возведении жилища, рытья колодцев и других трудоёмких работах. Станичные общества заботились о сиротах и вдовах, оказывали помощь нуждающимся, особенно при снаряжении неимущих на военную службу, пытались защищать интересы станичников при отведении офицерам и генералам земельных участков за Кавказскую войну. Так, ладожцы выступили против отведения участка генералу И.Ф. Чуйкову и его матери М.Ф. Чуйковой. Доверенные от общества ст-цы Ладожской урядник Пётр Парфенов, приказный Иван Бугаев и казак Харитон Фатеев писали в 1882 г. протоколе по отмежеванию: «Мы, нижеподписавшиеся, против отвода этих участков в означенном месте заявляем неудовольствие, о чём будет подана просьба Господину начальнику Кубанской области в дополнение общественного приговора» [9, л. 127 об. – 128]. Однако начальство тогда проигнорировало протест ладожцев.

Одной из форм самоуправления и пережитком обычного права являлись самосуды. В ст-це Усть-Лабинской на укравших скот навешивали кишки животных и водили по улицам станицы, заставляя их выкрикивать: «Я вор, украл у хозяина такого-то корову!». Самосуд устраивался главным образом над ворами крупного рогатого скота и конокрадами. Производили его либо сами потерпевшие, либо члены станичного общества, причём расправы носили суровый характер. Летом 1907 г. в Екатеринодарском окружном суде слушалось дело по обвинению атамана ст-цы Воронежской Т.П. Зубахина и его помощника Н.Н. Хализева в том, что «допустили посторонних лиц в арестное помещение, где последними с их ведома были нанесены тяжкие побои и учинены истязания Арсению Пархоменко и Якову Харьякову, заподозренных в краже лошадей» [8, л. 1].

3 июня 1891 г. было принято новое Положение об общественном управлении казачьих войск, в котором сход был заменён сбором, состав сбора был ограничен: станичный атаман, его помощники, судьи, казначей и выборные казаки-домохозяева. Уменьшение числа выборных участников

сбора нередко позволяло заинтересованным лицам проводить за «могарыч» необходимые им решения на станичном уровне. В одной из корреспонденций за 1906 г. отмечалось: «Проездом я узнал, что 11 июня в ст-це Тенгинской производились выборы станичного атамана. Из расспросов узнал, что выборы эти назначались начальством в начале мая; не знаю почему г. участковый пристав тянул это дело, даже никому не говоря. О дне выборов члены станичного сбора, которые сидели дома, только узнали накануне, т.е. 10-го. С какой целью избран такой манёвр, не знаю. Но дело в том, что выборные не были подготовлены к выборам, это видно уже из того, что из 41 чел. выборщиков выбрали шарами только 23 <....>. Население кроме 41 чел. выборных, никакого косвенного участия в выборах не принимало. Даже не были приглашены на выборы выборные из п. Геймановского, который от станицы не отделён. И кого же выбрали: г. Данилова, который в бытность свою атаманом успел зарекомендовать себя такими подвигами как аренда общественной земли в 127 дес. без ведома областного начальства и даже без общественного приговора, тратой общественных сумм, о чём был составлен акт; недопущением технического надзора по постройке здания училища, которое теперь окончательно валится» [39].

Нередко на сборе избирались лица, которыми выборщики манипулировали в своих интересах. Для исправления ситуации руководство Кубанской области нередко в таких случаях проводило своим волевым решением в станичную администрацию офицеров [38, с. 2].

Об атаманах ст-цы Кирпильской газета войскового штаба сообщала в 1913 г.: «Одно время и наша станица было быстро зашагала вперёд в своём благоустройстве. Так, почти одновременно была выстроена церковь, здание правления, школьное здание. На площади появились три газокалильных фонаря. Приходилось глядеть и радоваться за кирпичцев. Это было при старом атамане станицы г. Королькове. После него атаманствует г. Трубачёв, и быть может с его лёгкой руки, приходится наблюдать печальное явление. <...> От фонарей, некогда освещавших площадь, остались одни столбы, гребля через реку пришла в невозможное состояние, не огорожена, и уже был случай – один из жителей утонул <...>. Пьянство развивается среди жителей усиленным темпом» [42, с. 3]

В начале XX в. во главе ст-цы Ладожской стал урядник Евсюков. Человек внушаемый, он оказался под влиянием генеральши П.С. Чуйковой. Чиновник из канцелярии начальника области писал: «Станичные власти её (Чуйкову. – О.М.) побаиваются – покорнейшие слуги и потому всё делается по её желанию <...>. Когда ей нужно, посещает станичные сходы и в случае нежелания общества удовлетворить её просьбу, не стесняясь, заявляет публично: «Я обращусь к Василию Платоновичу (атаману отдела), Василий Платонович мне всё сделает» [6, л. 4]. Один из проверяющих чиновников писал, что «Чуйкова очень часто врывается в станичное правление и самоуправничает под влиянием потворства ей со стороны атамана отдела и

помощника его, поэтому у станичных атаманов этой станицы большая часть времени для разбора кляуз Чуйковой и давания объяснений, а не на полезные общественные дела. Для Чуйковой следует иметь отдельного атамана, ибо дел у ней бывает очень много» [7, л. 8].

Человеческий фактор, личные пристрастия, корыстные мотивы нередко накладывали свой отпечаток на традиционное казачье самоуправление, попирая правду и справедливость. В ст-це Новолабинской репутацию защитника народных интересов и открытую ненависть со стороны влиятельных кругов и лиц станицы заслужил урядник Фёдор Константинович Иванов. Он отличался общественной активностью, не боялся выступать против власть придержащих, поэтому станичники не раз обращались к нему за помощью [29, с. 118–126].

Повседневность жителей междуречья во многом определялась народной религиозностью. Жизненный цикл казаков и иногородних был связан с венчанием и крещением детей, обретением крестных родителей, христианского имени и святого покровителя, исповедью и причастием, проходами на службу, слушанием проповедей, отпеванием умерших и др.

Посетивший в 1874 г. Рождественскую церковь в ст-це Воронежской епископ Исаакий писал: «Религиозно-нравственное состояние прихода, по отзыву священника, довольно удовлетворительно. Прихожане усердны к Храму Божию и внимательны к своим религиозным обязанностям, ежегодно очищают свою совесть исповедью и заботятся об образовании своих детей» [13, л. 49]. В ст-це Усть-Лабинской епископ наблюдал другую картину: «Религиозно-нравственное состояние прихода, по отзыву местных священников, не вполне удовлетворительно. Прихожане не отличаются внимательностью к Храму Божию, не заботятся о его благоуукрашении. Жители ст-цы Усть-Лабинской, судя по средствам к жизни, могли бы иметь благолепный храм, между тем как их церковь хуже всех виденных мною, кроме разве ст-це Новолабинской. Сектанты, численность которых в настоящее время простирается до 400 душ, находят между ними удобную почву и без труда умножают число своих последователей» [13, л. 47 об.].

Речь, по-видимому, идёт об усть-лабинских старообрядцах, которых официальная церковь зачисляла в «раскольники» и в «сектанты». В 1861 г. молитвенный дом в ст-це Усть-Лабинской находился во дворе льготнослужащего казака Демьяна Праздничного [3, л. 65 об.]. В 1878 г. в ст-це Усть-Лабинской отмечены 229 «раскольников-поповцев» [14, л. 150 об.], в 1907 г. 37 дворов, где проживали 148 мужчин и 167 женщин [17, л. 14 об.]. В Усть-Лабинской слободе в 1907 г. проживало староверов 6 мужчин и 9 женщин [17, л. 136 об.]. В ст-це Ладожской в 1861 г. «раскольниками, не приемлющими священство» числилось 59 человек. Старообрядческий молитвенный дом находился во дворе отставного урядника Ермакова [3, л. 4–6]. В 1907 г. в Ладожской приверженцев старой веры осталось только 2 мужчины и 4 женщины [17, л. 32 об.].

В ст-це Тенгинской в 1847 г. местный священник зафиксировал 4 двора «раскольников», где проживали 4 мужчины и 5 женщин [12, л. 127 об.]. В ст-це Новолабинской в 1878 г. проживало «раскольников» 3 мужчины и 4 женщины [14, л. 132 об.], в 1892 г. 7 мужчин и 7 женщин [15, л. 69]. В ст-це Некрасовской в этом году зафиксированы 9 мужчин и 6 женщин «раскольников-поповцев» [15, л. 138 об.], в 1902 г. 11 мужчин и 18 женщин [16, л. 96 об.]. Большая община старообрядцев имела в начале XX в. в ст-це Кирпильской, где был возведён старообрядческий храм. Клировая ведомость 1910 г. зафиксировала здесь 43 двора «раскольников», в которых проживали 174 мужчины и 174 женщины [18, л. 124].

В 1891 г. один из миссионеров побывал в ст-це Усть-Лабинской и описал местных старообрядцев. Если оставить на совести автора пафос официальной религиозной риторики, то перед нами редкое свидетельство о жизни старообрядческой общины усть-лабинцев конца XIX в.: «Раскольники имеют в станице свою небольшую деревянную молельню, стоящую между жилыми постройками. На молельне крест; имеется особо колокольня на столбиках. К каждой службе раскольники звонят <...>. Проживающий около нея лже-иерей Дометиан Осипов отпер её, набрался народ... Холодный храм, убогий иконостас, бедность в украшении храма свидетельствовали, что раскольники не особенно ревностно заботятся о благолепии своего храма. Осмотрев храм, выслушав кое-какие объяснения от лже-иерея, я вступил с предстоятелем в беседу, выясняя им, что если они уже так приобыкли к своим обрядам, то могут исполнять их, приняв единоверие. Церковь дозволит и благословит им это. Поп молчал; пожимались как-то; только уставщик – отжившая развалина, лет 70 старик, осмелился за всех предстоящих сказать мне: "Нет, батюшка, оставьте нас, как мы приобыкли. Ломать себя трудно". Священник отметил также, что «усть-лабинцы раскольники держатся заблуждения в простоте сердца, по неведению, и потому лишены того фанатизма, которым вообще отличаются наши сектанты».

И далее: «Всех раскольников в станице около 300 душ обоего пола. Все – австрийцы*. Лже-иереем состоит у них какой-то выходец из-за границы, ныне числящийся мещанином г. Новороссийска. Лже-поп носит длинные волосы и полукафтанье, что запрещено законом» [37, с. 103].

Обратил внимание миссионер и на неофициального лидера местных старообрядцев, бывшего станичного атамана Трофима Иудовича Староверова. «Во главе раскольников станицы Усть-Лабинской, – писал священник, – стоит некто казак Староверов. Богатый человек, бывший несколько лет атаманом станицы, он пользуется большим почётом от раскольников и имеет на них сильное влияние. В расколе он альфа и амега. Он больше для них архиерея. Почёт, хотя бы и от невежества, льстит

* Приверженцы Белокриничского согласия – церковной иерархии старообрядцев, возникшей в 1846 г. на территории Австро-Венгрии.

самолюбию казака Староверова, а то, что он безграничный властитель в расколе, держит его среди них. Что же касается до религиозного состояния Староверова, то о нём говорят в станице, что он вовсе не раскольник. Самые дела его изобличают в этом. То обстоятельство, что Староверов уклонился от слушания бесед миссионера, действительно подтверждает народный говор о нём, как о раскольнике только по материальным расчётам, по корысти и разным другим своим соображениям, но отнюдь не по религиозным соображениям» [37, с. 103].

Пристрастность священника очевидна. Ещё в 1865 г. урядник Т.И. Староверов с женой казаки Кучапов и Папушин с женой перешли, а точнее, вернулись из официального православия в старую веру (судя по фамилии, его предки были старообрядцами). Целый год новообращённых увещевали местный священник Асикрит Иванович Островский и благочинный округа, но ничего не добились. В итоге новообращённые были лишены сословных прав и наград (у урядника Староверова были отняты два знака военного ордена Св. Георгия 3-й и 4-й степеней и бронзовая медаль за Крымскую войну) и сосланы в Сибирь [21, с. 50]. В Усть-Лабинской Трофим Иудович Староверов пользовался неизменным уважением, не случайно станичники после возвращения его из ссылки несколько раз избирали Староверова станичным атаманом.

Немало хлопот доставляли духовенству проживающие в ст-це Тенгинской хлысты – одна из групп «духовных христиан», которые сами себя именовали «последователями Христовой веры», «людьми Божьими». В 1860-е гг. от хлыстов отделилась секта шалопутов, или шальных людей. Для них были характерны идеи братства, священным почитался лишь труд землепашца. Они отвергали Троицу и считали, что Сын Божий проявляется в каждом человеке, рай и ад существуют только в сердце человека. В 1878 г. в ст-це Тенгинской имелось 9 дворов «казаков шалопутской секты», в которых проживали 21 мужчина и 26 женщин [14, л. 124 об.]. Борьбу с шалопутами вёл местный священник Василий Мелодиев. В 1871 г. он писал в епархиальной газете: «В ночь под 16-е февраля 1872 года станичное начальство задержало в доме казака К.-В-ва целое собрание сектантов в числе которых было: 6 казаков нашей Тенгинской станицы, 3 казачки, 1 крестьянин из Воронежской станицы, отставной фельдшер из г. Майкопа, 1 казак ст-цы Кабардинской и 1 ст-цы Ханской. Когда в комнату, где собрались сектанты, около 2-х часов ночи вошёл станичный атаман с урядником, все находившиеся в ней притворились спящими» [30, с. 44].

Православное вероисповедание уживалось в народных представлениях с дохристианскими архаическими верованиями. В одной из корреспонденций приводился рассказ казака ст-цы Усть-Лабинской, который говорил, что «ведьму, доящую чужую корову, нужно непременно бить наотмашь и говорить за каждым разом "раз!", а если ударить обыкновенным манером и после второго удара сказать "два", то ведьму не собьёшь и она нападавшего загрызет <...>. Спросите на улице первую

попавшуюся женщину "Скажи мне пожалуйста, что, ведьмы у вас есть?". Она непременно скажет: "О! Сколько угодно!" Да еще назовет их вам по именам, фамилиям, где живут и расскажет вам про них разные небылицы и в дополнение будет уверять вас, что видела сама своими глазами, как баба-ведьма оборачивалась собакой, свиньей, кошкой, колесом и проч. оборотнями» [35].

Согласно данным переписи 1897 г., в станицах Усть-Лабинской, Ладожской, Воронежской, Некрасовской, Новолабинской, на хуторах Кирпильском, Александровском, Болгов преобладали турлучные дома. Второе место занимают деревянные дома, которые возводили в основном казаки, причём в ст-це Тенгинской количество деревянных домов в два раза превышало число турлучных [32, с. 198, 218, 226 и др.]. Что касается саманных жилищ, то чаще всего их владельцами были иногородние крестьяне. Например, на хуторе Болгов казаки проживали лишь в 4 саманных домах, неказаки – в 35, на хуторе Александровском в 22 саманных домах жили казаки, в 156 – неказаки; в хуторе Кирпильском соответственно в 13 казаки, в 46 – неказаки [32, с. 38, 198 и др.].

Кровельным материалом для всех типов жилищ являлся камыш, солома, и только в начале XX в. – железо, что подчеркивало зажиточность хозяина. В ст-це Ладожской «основная масса жителей станицы, бедняки-казаки и иногородние, на своём жилье имели кровлю из соломы или камыша» [19, с. 59]. В ст-це Некрасовской хата зажиточного казака отличалась от жилья бедного «своей величиной, прочностью, растрепчатыми оконными рамами и окрашенными ставнями» [41, с. 104].

В ст-це Ладожской, по словам Ф.С. Дергунова, «обустраивать свои дома все начинали с посадки акации и рытья канавы вокруг своего "владения". Это был так называемый забор, но акация в будущем шла на строительство турлучных хат и на дрова. Многие, даже состоятельные казаки делали добротные рубленые (из доски 50 мм) дома без деревянных полов, но с высоким дощатым забором. Им нравился запах мазаных полов, а мазали они пол каждую неделю. Любили класть в доме и пахучие травы» [19, с. 52].

Чаще всего основные строительные работы выполнялись наемными мастерами, а изготовление саманного кирпича, обмазка стен, накладывание потолка и пола выполнялось «всем миром», когда в возведении жилья принимали участие многие станичники или хуторяне от мала до велика.

Одежда населения Кубанско-Лабинского междуречья формировалась в русле традиции линейного казачества Кубани. Побывавший на Кавказской линии В.А. Потто писал в 1850-е гг.: «Боевой и домашний костюм их (линейных казаков Кубани) – всё одна и та же черкеска произвольного цвета. Форменные мундиры надевают редко. Старики носят низенькие папахи и черкески без газырей» [20, с. 158].

Д.В. Шахов отмечал, что «как верхняя одежда употребляются бурки, башлыки, зимою шубы и полушубки, в дождливую пору зипуны» [45,

с. 256]. Казаки в 1880-е гг. носили в рабочую пору холщовые штаны, «а в холодное время к ним прибавляют и подштанники; затем вне рабочей поры более достаточные носят <...> штаны парусиновые или суконные разных цветов. В праздники казаки надевают <...> парусиновые или суконные штаны» [45, с. 256]. В качестве головного убора носили «шапки (папахи) и фуражки с красным околышком» [45, с. 257]. У казачек ст-цы Воронежской Д.В. Шахов отмечал «теплую кофту и теплое пальто, холодное короткое пушистое пальто, шубу из простых овчин или заячью, с опушкою по краям курпейчатою, или из «*порешни*» и иногда с лисьим воротником. Попадаются также драповые кофты фабричного приготовления» [45, с. 257].

Основным материалом для изготовления рубах служил различного качества холст – домашней выработки, а в пореформенный период и фабричной.

Важной составляющей материальной культуры выступала традиционная система питания. Во второй половине XIX – начале XX в. ведущей отраслью являлось зерновое хозяйство, поэтому хлеб и мучные блюда были здесь основой традиционной пищи. Наиболее распространённым был хлеб из кислого теста на дрожжах или закваске. Остаток теста от предыдущей выпечки. Дрожжи приготавливали из хмеля, который рос везде в изобилии [27, с. 172]. Среди других мучных изделий были распространены разнообразные пироги, на хуторе Третья речка Кочеты, находившемся в юрте бывшей черноморской ст-цы Васюринской, – вареники и галушки. Ассортимент блюд напрямую зависел от времени (праздник или будни, пост, свадьба, поминки, война, голод и др.), достатка семьи. Д.В. Шахов, описывая пищу жителей ст-цы Воронежской в 1880-е гг., отмечал: «В праздники жители едят обыкновенно три раза, а в будни четыре: завтракают часов в 8–9, обедают в 1–2, полуднюют в 4–5 и ужинают в 8–9 часов. Все, и большие и малые, едят вместе; при гостях детей сажают отдельно. Стол при еде покрывается обыкновенно полотняным настольником. Обычные, наичаще употребляемые кушанья – борщ и каша. Из животной пищи употребляются баранина, говядина, куры, гуси, утки, а чаще всего свинина; из растительных же продуктов: лук, капуста, бураки, огурцы, картофель, свёкла, арбузы, дыни, качанки, репа, тыква ("кабаки")» [45, с. 255–256].

Наиболее частой причиной строительства нового дома являлось выделение из семьи – «отделение» женатого сына как самостоятельного хозяина. Для старолинейных станиц, а также образованных от них хуторов было характерно широкое бытование большой семьи, состоящей из трех и редко из четырех поколений, нисходящих по прямой линии. Старики ст-цы Кирпильской, например, помнили семьи до 40 и более человек. В одной семье с отцом нередко жили до четырех и более семейных сыновей, иногда даже женатых внуков [27, с. 190]. Материалы переписи 1897 г. показывают, что в ст-це Воронежской казачья семья в среднем состояла из 5,7 чел., иногородняя – 5 чел.; в ст-це Ладожской казачья семья – 5,8 чел.,

иногородняя – 4,7 чел.; в ст-це Усть-Лабинской – 5,5 чел. казачья, и – 4,3 иногородняя семья; в ст-це Некрасовской – казачья – 5,8 чел. и иногородняя – 5 чел. Однако число членов семьи до 1870-х гг. было еще больше, что связано с запретом на самовольные разделы большесемейных хозяйств.

Помимо патрилинейных семей (отец – сын – внук), в 1860–1870 гг. фиксировались и братские семьи – несколько братьев, объединённых общим хозяйствованием. Об этом свидетельствуют архивные документы о семейных разделах. В рапорте сотника Петина 1-го из ст-цы Ладожской говорилось: «Имею честь покорнейше просить ходатайства, о расписании семейства моего с братом Иваном на две сказки* по тому уважению, что брат мой имеет двух, а я трех сыновей, способных к службе» [5, л. 1]. В докладной записке казака ст-цы Ладожской П.С. Попова отмечалось: «По семейным спискам я состоял в одной сказке с родными моими братьями Игнатом и Егором Поповыми, но так как я имею порядочное свое семейство в числе 2 душ мужского и 2 женского пола <...> живу в собственном уже мною приобретенном доме <...> прошу расписать от братьев отдельно» [4, л. 47].

Для многих казачьих семей были характерны патриархальные нравы. Все, что было сказано старшими, являлось законом для всех членов семьи. Один из самых низких статусов в семейной иерархии принадлежал невестке. Даже при серьезных конфликтах она не могла уйти от мужа, а если и уходила, то ее возвращали свои же родители. Такие трагедии с участием невесток нередко освещались в дореволюционной областной печати. Так, из семьи казака Афанасия Брехова через две недели после женитьбы сына молодая невестка сбежала на хутор Ладожский к родителям. Несколько раз ее возвращали обратно, но она опять уходила. 19 февраля 1903 г., в приближении сезона полевых работ, семейство Бреховых отправилось за невесткой, нашли ее на хуторе Кирпили, у её родственников, силой привязали бечевкой к возу, на который уселись муж, свекор, свекровь и дед, и поехали. В хуторе никто не обратил внимания на эту процессию и крики женщины [23]. «Положение женщины вообще в семье зависимое, тяжёлое, – отмечал Д.В. Шахов. – Муж – глава и деспот, женщина – полураба и труженица» [45, с. 258].

При нарушении супружеской верности женой станичники закрывали глаза на суровые наказания её мужем, которые доходили нередко «до истязаний и убийств». Так, в 1879 г. один казак, «придя с Закавказья домой, заподозрил жену свою в сожительстве с работником, и его немедленно прогнал, а жену связал верёвкой и начал бить мокрою бечёвкой и плетью, так что несчастная и скончалась под ударами» [45, с. 258].

Важное место общиной отводилось военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения. Местная газета рассказывала о праздновании в 1889 г. в ст-це Усть-Лабинской годовщины спасения

* Посемейный список.

царской семьи после крушения поезда: «Каково было всеобщее удивление и восторг, когда правильно составленная сотня из 80 мальчиков училища от 10–14 лет под командой подьесаула Логунова прошла развёрнутым фронтом <...>. На похвалу командира батальона раздался дружный детский отклик: "Рады стараться, Ваше высокоблагородие!". Затем войска был распущены; мальчики вместе со своими отцами и дедами под руководством Ф. Шныпкина стройно пропели "Боже царя храни" и, засыпанные конфетами и орехами, были распущены по домам, сохранив навсегда в своём сердце вышеописанное торжество» [33]. Казачата активно были задействованы в проведении ежегодных станичных манёвров, которые наряду с занятиями строевой подготовкой и гимнастикой в станичном училище, ознакомлением с историей родного войска, были направлены на то, чтобы «с детства полюбить и военное дело, и свое казачье звание, и свой природный казачий костюм» [26].

В «Кубанских областных ведомостях» в мае 1911 г. были описаны «Манёвры новолабинцев и некрасовцев», причём автор корреспонденции отметил: в ст-це Новолабинской «отряд принял вид походного движения и с песнями двинулся за станицу. Старики, женщины, девицы, парни, дети всюду разместились по улицам, чтобы полюбоваться своими казаками». В результате школьники познакомились с порядком походного движения, разведкой, с движением в сфере огня, а также шпионажем и пр. В пути следования Новолабинского отряда были задержаны два велосипедиста – «шпиона» (в их числе – учитель Некрасовского училища) [26].

Одним из наиболее важных и социально значимых компонентов повседневности являлись народные праздники и обряды. Они играли объединительную и воспитательную роль в жизни станицы или хутора, в праздниках и сопровождавших их ритуалах тесно переплетались мировоззренческие и нравственные начала. В то же время местные корреспонденты, далекие от народной культуры, нередко осуждали обрядовые действия. Так, газета «Кубанский край» писала в 1914 г.: «Не знаю, откуда и с каких пор у нас появился и продолжает свое существование обычай – стрелять на Крещение. В самую торжественную минуту богослужения начинают с гиканьем и криком палить куда попало из оружия, часто не считаясь с тем, что эти беспорядочные выстрелы могут причинить кому-либо вред или смерть... У нас, в Усть-Лабе, стреляют пред Рождеством, когда "кутю" встречают, и когда встречают Новый Год и провожают старый, и когда едят и провожают "кутю" под Крещение, и в самый день Крещения...» [34].

Одним из наиболее любимых праздников была Масленица. К ней варили вареники, пекли блины. На протяжении всей недели ходили в гости. Один из масленичных обрядов – «вязание колодок». В одной из заметок говорилось: «С понедельника масленичной недели начинается настоящая бабья вакханалия. Группа в 3–4 души молодых баб, замужних, вдовушек, перезрелых дев, ходят по станице и "вяжут колодки" тем, кто не успел

жениться и выйти замуж. Несколько лет назад действительно привязывали к ноге колоду, которую отвязывали после того, как давали на бутылку или полбутылки водки. Но теперь, вероятно потому, что вязальщицам тоже не совсем удобно таскать за собой настоящую колоду, заменили ее обыкновенным бутафорским цветком. Задержанного виновника окружают, прикалывают к груди цветок, дают рюмку водки и требуют отступного. Уйти – не думай, не пустят. Бабы вцепятся в платье, схватят за руки, будут валять, кричать, ругать»[28].

Общественное значение имели также семейные праздники и обряды. Они демонстрировали, как семья выполняет свои обязанности перед общиной. Описание богатых свадебных обычаев населения междуречья заняло бы значительное место. Отметим лишь ритуал второго дня свадьбы, связанный с нравственным состоянием жителей, когда всенародно оглашалась «честность» или «нечестность» невесты. В ст-це Новолабинской, – говорилось в одной корреспонденции, – «если невеста добропорядочная, то на другой день ведут "журавля" к родным невесты. Мать и все ее родные встречают "беседу" у дверей дома <...>. Вот новобрачная чета у двери дома тестя и тещи, к ним подходит жених, низко кланяется, и говорит: "Папаша и мамаша, благодарю вас"... После чего вся "беседа" с пением песен и веселыми выкрикиваниями заходит в дом... По окончании пиршества зять-жених на руках выносит тещу из дома... Если невеста "прошла в дамки" раньше времени, то жених, подходя к отцу и матери, не кланяется и говорит: "Папаша и мамаша, благодарить вас не за что". После сих слов начинается настоящая вакханалия: вся "беседа" с ревом и шумом вваливается в дом и бьет все, что попадется под руку, бьет бутылки, горшки, чашки, и другую посуду. На тестя и тещу надевают хомуты и все это безропотно переносят родители» [43].

Заключение

Интеграция выходцев из южнорусских метрополий с вкраплениями представителей малороссийских губерний в рамках войскового сословия, адаптация к местной природной, социальной и этнокультурной среде способствовали оформлению локального варианта кубанской традиции. Долгий пограничный статус территории, военная служба и участие местного казачества в защите российских рубежей наложили отпечаток на повседневность и этнокультурный облик населения станиц и хуторов Кубанско-Лабинского междуречья.

Региональные смыслы формировало станичное и хуторское самоуправление, которое защищало интересы населения в земельных спорах рядовых казаков с офицерами, характеризовалось различными формами взаимопомощи. Для большинства населения станиц Междуречья православная вера выступала основой традиционной системы ценностей, давала надежду на лучшее, помогала врачевать душевные недуги и

переживания. Тяжёлые условия жизни, бедность, социальные противоречия и предрассудки вырабатывали у ряда семей свои представления о Царствии Небесном, которые не всегда вписывались в официальные установки. Семейная патриархальность отражалась в нормах и правилах. Семья и община регламентировали образ жизни станичников и хуторян, поддерживали традиционные представления о смысле жизни, добре и зле, обеспечивали нормы взаимоотношений.

Многие элементы материальной культуры не только имели сугубо практический смысл и были связаны с жизнеобеспечением, выживанием и природопользованием населения станиц и хуторов Кубанско-Лабинского междуречья, но и одухотворены глубокой символикой и мудростью тысячелетнего опыта славян и их соседей. Объединительную, коллективистскую роль играли календарные и праздничные ритуалы, обряды жизненного цикла, в которых тесно переплетались мировоззренческие и нравственные начала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 353. Оп. 1. Д. 528.
2. ГАКК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 528.
3. ГАКК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 784.
4. ГАКК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 1642.
5. ГАКК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 2699.
6. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 97.
7. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 2278.
8. ГАКК. Ф. 482. Оп. 1. Д. 250.
9. ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 5060.
10. ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 5101.
11. ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 5423.
12. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). ГАСК. Ф. 135. Оп. 5. Д. 886.
13. ГАСК. Ф. 135. Оп. 30. Д. 137.
14. ГАСК. Ф. 135. Оп. 36. Д. 673.
15. ГАСК. Ф. 135. Оп. 50. Д. 358.
16. ГАСК. Ф. 135. Оп. 60. Д. 507.
17. ГАСК. Ф. 135. Оп. 65. Д. 579.
18. ГАСК. Ф. 135. Оп. 68. Д. 587.
19. Дергунов Ф. С. История станицы Ладожской. Краснодар: Сов. Кубань, 2000. 288 с.
20. Драгун. Несколько дней на Кубани (из путевых заметок, введенных на Кавказе в 1853–1856 годах) // Военный сборник. 1861. № 3. Т. XVIII. С. 151–188.
21. Забазнов А. Н. Социально-экономическое и политическое развитие г. Усть-Лабинска в 1794–2000 гг. Усть-Лабинск: ИП Попова Л.А. Типогр. «Кириллица», 2010. 131 с.
22. История, этнография и фольклор Кубани (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции). Т. III: Усть-Лабинский район / науч. ред., Н.И. Бондарь, А.И. Зудин. Майкоп: Качество, 2018. 452 с.
23. Кубанские областные ведомости (КОВ). 1903. 9 марта.

24. КОВ. 1904. № 200. 11 сент.
25. КОВ. 1904. № 267. 4 дек.
26. КОВ. 1911. 11 мая.
27. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / Отв. ред. К.В. Чистов. М.: Наука, 1967. 356 с.
28. Кубанский край. 1914. 27 февр.
29. Матвеев О.В. «Всегда защищал интересы общества...»: Урядник Фёдор Иванов // Научное наследие Ф.А. Щербины. Казачество и история Кавказа. Якаевские чтения – 2016: сборник материалов XVI Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Ю.Г. Макаренко. Краснодар: ИМСИТ, 2016. С. 118–126.
30. Материалы для изучения секты шалопутов (продолжение). 3: Извлечение из рапорта священника станицы Тенгинской Василия Мелодиева к местному благочинному от 28 марта 1872 года за № 17 // КЕВ. 1874. № 1. С. 42–47.
31. Метлин Ст. Несколько слов о рыболовстве в ст. Усть-Лабинской // КОВ. 1900. 16 апр.
32. Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г. / под ред. Л. В. Македонова. Екатеринодар, 1906. 589 с.
33. О.А. Из ст. Усть-Лабинской // КОВ. 1889. № 44.
34. Опасный обычай // Кубанский край. 1914. 12 янв.
35. Побольше света. Ст. Усть-Лабинская // КОВ. 1909. № 75–76.
36. Подлужный А. Новолабинская станица // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Тифлис, 1889. Вып. 8. С. 67–68.
37. Попов К. Дневник Ставропольского протоиероскольника епархиального миссионера (окончание). Усть-Лабинская стан. Кубанской области // Ставропольские епархиальные ведомости. 1891. № 4. С. 103–111.
38. Приказы по Кубанской области марта 12-го дня 1894 г. Г. Екатеринодар. № 31 // КОВ. 1894. № 2. 13 марта.
39. Проезжий. Ст. Тенгинская. Выборы станичного атамана // КОВ. 1906. № 136.
40. Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 1. С. 7–21.
41. Ратушняк О.В., Ратушняк Т.В. Станица на берегу Лабы (исторический очерк станицы Некрасовской) // Кубанский сборник. Т. I (22) / науч. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2006. С. 99–126.
42. Станица Кирпильская // Кубанский казачий листок (ККЛ). 1913. № 399.
43. Ст. Новолабинская. Свадебные вакханалии // Кубанский казачий листок. 1913. № 540.
44. Топычканов А.В. Регионализация и повседневность // Национальная безопасность. Правовые, социокультурные и экономические основы: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Домодедово – Москва, 29 января – 4 февраля 2007 г. М.: РГГУ, 2007. С. 584–587.
45. Шахов Д.В. Воронежская станица (статистико-этнографическое описание) // Кубанский сборник. Т. I (22) / науч. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2006. С. 250–282.
46. Шныпкин Ф. Усть-Лабинская станица // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Тифлис, 1889. Вып. 8. С. 50–59.

REFERENCES

1. Gosudarstvenniy arhiv Krasnodarskogo kraya (GAKK) [State Archives of Krasnodar Krai (SAKK)]. F. 353. Op. 1. D. 528.
2. GAKK [SAKK]. F. 353. Op. 1. D. 528.
3. GAKK [SAKK]. F. 353. Op. 1. D. 784.
4. GAKK. [SAKK]. F. 353. Op. 1. D. 1642.
5. GAKK. [SAKK]. F. 353. Op. 1. D. 2699.
6. GAKK. [SAKK]. F. 454. Op. 1. D. 97.
7. GAKK. [SAKK]. F. 454. Op. 2. D. 2278.
8. GAKK. [SAKK]. F. 482. Op. 1. D. 250.
9. GAKK. [SAKK]. F. 574. Op. 1. D. 5060.
10. GAKK. [SAKK]. F. 574. Op. 1. D. 5101.
11. GAKK. F. 574. Op. 1. D. 5423.
12. State Archive of the Stavropol Territory (GASK). [SAST]. F. 135. Op. 5. D. 886.
13. GASK. [SAST]. F. 135. Op. 30. D. 137.
14. GASK. [SAST]. F. 135. Op. 36. D. 673.
15. GASK. [SAST]. F. 135. Op. 50. D. 358.
16. GASK. [SAST]. F. 135. Op. 60. D. 507.
17. GASK. [SAST]. F. 135. Op. 65. D. 579.
18. GASK. [SAST]. F. 135. Op. 68. D. 587.
19. Dergunov F.S. Istoriya stanici Ladogskoy [History of the village of Ladozhskaya]. Krasnodar: Sov. Kuban, 2000. 288 p.
20. Dragoon A. Neskolko dney na Kubani (iz putevix zametok, vedennix na Kavkaze v 1853–1856) [Few days in the Kuban (from travel notes written in the Caucasus in 1853–1856)] // Military collection. 1861. No. 3. T. XVIII. pp. 151–188.
21. Zabaznov A.N. Socialno-ekonomicheskoe i politicheskoe razvitie goroda Ust-Labinska v 1794–2000 [Socio-economic and political development of Ust-Labinsk in 1794–2000]. Ust-Labinsk: IP Popova L. A. Typogr. «Cyrillic», 2010. 131 p.
22. Istoriya, etnografiya, folklora Kubani (materiali Kubanskoy folklorno-etnograficheskoy ekspeditsii) [History, ethnography and folklore of Kuban (materials of the Kuban folklore and ethnographic expedition)]. Vol. III. Ust-Labinsk district / scientific ed., sot. N.I. Bondar, A.I. Zudin. Maykop: Kachestvo, 2018. 452 p.
23. Kubanskiye oblastnii vedomosti (KOV) [Kuban regional news (KRN)]. 1903. March 9.
24. KOV [KRN]. 1904. No. 200. September 11.
25. KOV [KRN]. 1904. No. 267. December 4.
26. KOV [KRN]. 1911. May 11.
27. Kubanskiye stanici. Etnicheskiye i kulturno-bitovyye protsessy na Kubani. [Kuban villages. Ethnic and cultural-everyday processes in Kuban]. Ed. K.V. Chistov. Moscow: Nauka, 1967. 356 p.
28. Kubanskiy kray. [Kuban region]. 1914. February 27.
29. Matveyev O.V. «Vsegda zachichal interesi obshchestva...»: uradnik Feodor Ivanov [«Always defended the interests of society...»: Non-commissioned officer Fyodor Ivanov // Scientific legacy of F.A. Shcherbina. Cossacks and history of the Caucasus. Yakayev readings-2016. Collection of materials of the XVI int. scientific-practical. conf. // Ed. Yu.G. Makarenko. Krasnodar: IMSIT, 2016. Pp. 118–126.
30. Materiali dlya izucheniya sekty shaloputov (prodolgeniye). 3.Izvlechenie iz raporta svyachennika stanitsy Tenginskoy Vasiliya Melodieva k mestnomu blagochinnomu ot 28 marta 1872 goda za № 17 [Materials for the study of the sect of scoundrels (Continued).

3. Extract from the report of the priest of the Tenginskaya village Vasily Melodiyev to the local dean dated] March 28, 1872, No. 17 // KEV. 1874. No. 1. P. 42–47.
31. Metlin St. Neskolko slov o ribolovstve v st. Ust-Labinskoy [A Few Words about Fishing in Ust-Labinskaya Station] // KRN. 1900. April 16.
32. Naselenie Kubanskoy oblasti po dannim vtorih ekzempliarov listov perezpisi 1897 g. [Population of the Kuban Region According to the Second Copies of the 1897 Census Sheets] / Ed. by L.V. Makedonov. Ekaterinodar, 1906. 589 p.
33. O.A. Iz st. Ust-Labinskoy [From Ust-Labinskaya Station] // KOV. [KRN]. 1889. No. 44.
34. Opasniy obichay [A Dangerous Custom] // Kubanskiy kray [Kuban Region]. 1914. January 12.
35. Pobolshe sveta. St. Ust-Labinskaya [More Light. Ust-Labinskaya Station] // KOV. [KRN]. 1909. Nos. 75–76.
36. Podluzhny A. Novolabinskaya stanica [Novolabinskaya Station] // Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey I plemen Kavkaza (SMOMPK) [Collection of Materials for the Description of Localities and Tribes of the Caucasus (CMDLTC). Tiflis, 1889. Issue 8. P. 67–68.
37. Popov K. Dnevnik Stavropolskogo protivoraskolnichyego eparhialnogo missionera (okonchanie). Ust-Labinskaya stanica Kubanskoy oblasti [Diary of the Stavropol Proto-Schismatic Diocesan Missionary (conclusion). Ust-Labinsk Station of the Kuban Region] // Stavropolskie eparhialnie vedomosti [Stavropol Diocesan Gazette]. 1891. No. 4. P. 103–111.
38. Prikazi po Kubanskoy oblasti marta 12 dnya 1894 g. № 31. [Orders for the Kuban Region, March 12, 1894. Yekaterinodar. No. 31] // KOV. [KRN]. 1894. No. 2. March 13.
39. Proezgiy. [Traveler]. St. Tenginskaya. Vibori stanichnogo atamana [Tenginskaya Station. Elections of the stanitsa ataman] // KOV. [KRN]. 1906. No. 136.
40. Pushkareva N.L., Lyubichankovsky S.V. Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremennom istoricheskom issledovanii: ot shkoli Annalov k rossiyskoy filosofskoy shkole [Understanding the History of Everyday Life in Modern Historical Research: from the Annales School to the Russian Philosophical School] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina [Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin]. 2014. Vol. 4. No. 1. P. 7–21.
41. Ratushnyak O.V., Ratushnyak T.V. Stanica na beregu Labi (Istoricheskiy ocherk stanitsy Nekrasovskoy) [The Stanitsa on the Bank of the Laba (Historical Essay on the Stanitsa of Nekrasovskaya)] // Kubanskiy sbornik [Kuban Collection]. Vol. I (22) / Scientific ed., compiled by O.V. Matveyev. Krasnodar, 2006. Pp. 99–126.
42. Stanica Kirpilsкая [The Stanitsa of Kirpilsкая] // Kubanskiy kazachiy listok (KKL) [Kuban Cossack Leaflet (KCL)]. 1913. No. 399.
43. St. Novolabinskaya. Svadebnie vakhanalii [St. Novolabinskaya. Wedding Bacchanalia] // KKL [KCL]. 1913. No. 540.
44. Topychkanov A.V. Regionalizatsiya I povsednevnost [Regionalization and Everyday Life] // Nacionalnaya bezopasnost. Pravovie, sociokulturnie I ekonomicheskie osnovy [National Security. Legal. Sociocultural and Economic Foundations]. Proc. II Int. Scientific and Practical Conf. Domodedovo-Moscow, January 29 – February 4, 2007. Moscow: RSUH, 2007. P. 584–587.
45. Shakhov D.V. Voronezhskaya stanica (statistiko-etnograficheskoe opisanie) [Voronezh Stanitsa (Statistical and Ethnographic Description)] // Kubanskiy sbornik [Kuban Collection]. Vol. I (22) / Scientific ed., compiled by O. V. Matveyev. Krasnodar, 2006. P. 250–282.

46. Shnyppkin F. Ust-Labinskaya stanitsa[Ust-Labinskaya village] // SMOMPK. [CMDLTC]. Tiflis, 1889. Issue 8. P. 50–59.

Информация об авторе

Матвеев Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040, г. Краснодар, Российская Федерация, vim12@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1630-1484>

Information About the Author

Matveev Oleg Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, 350040, Krasnodar, Russian Federation, vim12@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1630-1484>

Уфимские истоки Криницы

Роднов Михаил Игоревич

Ордена Знак Почёта Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук, Уфа, Россия
rodnov@ufacom.ru

Аннотация. В общественной жизни Российской империи на рубеже XIX и XX вв. заметное место занимало движение интеллигенции по созданию земледельческих колоний. Последователи Льва Николаевича Толстого стремились простым народным трудом прийти к самосовершенствованию и моральному развитию общества. Одной из самых известных была колония Криница на берегу Чёрного моря. Но изначально толстовцы обосновались на Южном Урале, в Уфимской губернии, в имении Белый Ключ. Здесь они прожили с 1879 по 1882 г., начали хозяйственную деятельность. Состав колонистов включал как приезжих, так и местных жителей. Главным руководителем и спонсором колонии был Виктор Васильевич Еропкин. В данной статье приводятся новые данные метрических книг православных церквей, а также материалы финансовой деятельности Еропкина через Уфимское отделение Волжско-Камского коммерческого банка. Выяснены причины поселения именно на берегах реки Уфимки. Владелец поместья был майор Рахманов, родственник Еропкина. Тем не менее они не смогли договориться об аренде земли, и колонисты жили на основе устного соглашения, что их не устраивало. Вмешательство властей и полиции добавляло сложности в жизнь. Поэтому осенью 1882 г. они покидают Уфимскую губернию. Деятельность этой группы колонистов-толстовцев привела к возникновению двух существующих до сих пор поселений – Криницы в Краснодарском крае и Красный Ключ в Республике Башкортостан.

Ключевые слова: Лев Толстой, толстовцы, интеллигенция, земледельческие колонии, конец XIX в., Южный Урал, Уфа, Краснодарский край, Криница.

Для цитирования: Роднов М.И. Уфимские истоки Криницы // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 1. С. 47–62.

The Ufa sources of the Krinitza

Rodnov Mikhail I.

Order of the Badge of Honor, Institute of History, Language, and Literature
Ufa Federal Research Center Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia
rodnov@ufacom.ru

Summary. The intelligentsia's movement to establish agricultural colonies played a prominent role in the social life of the Russian Empire at the turn of the 20th century. Followers of Leo Tolstoy strove to achieve self-improvement and moral development through simple public labor. One of the most famous was the Krinitza colony on the Black Sea coast. However, the Tolstoyans initially settled in the Southern Urals, in Ufa Governorate, on the Bely Klyuch

estate. They lived there from 1879 to 1882 and began economic activities. The colonists included both newcomers and local residents. The colony's main leader and sponsor was Viktor Vasilyevich Yeropkin. This article presents new data from the registers of Orthodox churches, as well as materials on Yeropkin's financial activities through the Ufa branch of the Volga-Kama Commercial Bank. The reasons for settling on the banks of the Ufimka River are also explored. The owner of the estate was Major Rakhmanov, a relative of Yeropkin. However, they were unable to agree on a land lease, and the colonists lived on the basis of a verbal agreement, which they found unsatisfactory. Interference from the authorities and the police added to their difficulties. Therefore, in the fall of 1882, they left Ufa Governorate. The activities of this group of Tolstoyan colonists led to the establishment of two settlements that still exist today: Krinitsy in Krasnodar Krai and Krasny Klyuch in the Republic of Bashkortostan.

Key words: Leo Tolstoy, Tolstoyans, intelligentsia, agricultural colonies, late 19th century, Southern Urals, Ufa, Krasnodar Krai, Krinitsa.

For citation: *Rodnov Mikhail I.* The Ufa sources of the Krinitsa. Journal of the Kuban State University Historical Sciences, 2026, no. 1, p. 47–62.

Введение

Среди знаменитых туристических центров Краснодарского края любители спокойного семейного отдыха часто выбирают небольшой посёлок Криница, что ныне входит в состав города-курорта Геленджик. А многочисленные сайты непременно поведают, что своим возникновением в 1886 г. Криница обязана небольшой группе последователей Льва Николаевича Толстого. Русская интеллигенция стремилась полагаться только на собственный труд без привлечения наёмных работников, мечтала о самопознании и самосовершенствовании, жизни для других, для народа.

Толстовцы открывали немало колоний по всей стране [1, с. 10–11; 2], а Криница стала одной из самых устойчивых и успешных, поэтому её истории уже до революции были посвящены две книги [3; 7], ряд статей [32]. Современники выделяли роль Виктора Васильевича Еропкина, в воспоминаниях «Тени прошлого» Л.А. Тихомиров оставил облик Еропкина: «Виктор Васильевич и по наружности, и по характеру носил отпечаток сильной породы. Он был крупный, крепкий мужчина с красивым, важным лицом, напоминавшим что-то боярское. Он вообще был и умен, и образован, но этот ум и знания направлялись не на какую-нибудь отвлеченную работу, а на практическое созидание жизни» [28]. В современной историографии, кроме упоминаний в статьях о толстовских колониях [8] и небольших публикациях в Башкирии [18], естественный интерес к судьбе Криницы проявили учёные Кубани [29].

Основная часть

Историко-краеведческая общественность Краснодарского края, от интернет-ресурсов до профессиональных исследователей, не забывает, что первые толстовцы-колонисты приехали с Южного Урала. Но попытки

обосноваться там показываются кратко, хотя именно в глухих лесах Башкирии сформировалось ядро будущих первопоселенцев Криницы.

Началась история в конце 1870-х гг., когда Ольга Николаевна Хромова, «урождённая княжна Дундук-Сокольская» (1846 г. р., из дворян Смоленской губернии), потерпела неудачу в создании кружка из курсисток и студентов (в Москве и своём имени) [7, с. 7–8]. Даже спустя десятилетия криничане скрывали под псевдонимами подлинных участников событий¹. Таких князей в Смоленской губернии не существовало, зато имелись князья Друцкие-Соколинские [27, с. 55]². Под этим именем фигурировала Наталья Николаевна, в замужестве Коган. Она отличалась большой активностью, после окончания Смольного института занялась педагогической деятельностью. «Идея земледельческой общины, как наиболее нормальной среды для гармонического развития человека, увлекает её и она становится ревностной общинницей» [3, с. 23–24].

В Москве она «познакомилась с Владимиром Владиславовичем Ратневым» (В.В. Еропкиным), а через него установила контакты с В.Ф. Орловым, Орфано, Орловым-Апостолом, Елпатьевским, Бибиковым, Сперанским и др. Совместно они и разработали план создания интеллигентской земледельческой колонии [7, с. 9–10].

Понятно, что рафинированная «смолянка» была не в состоянии организовать колонию-поселение, нужен был человек «от сохи», из народа. Таковым стал уроженец Вятской губернии Зот Семёнович Сычугов (в книге про Криницу его вывели под псевдонимом Михаила Семёновича Зорина). Сын сельского священника, отучившийся в бурсе (духовной семинарии) и вятском сельскохозяйственном училище, отсидевший в тюрьме, вращавшийся среди политических ссыльных, отработавший в знаменитом имении Батищево А.Н. Энгельгардта, З.С. Сычугов в Москве познакомился с Ратневым (Еропкиным) и Хромовой (Коган). «Тогда мы решили вместе работать, осуществляя в организованной группе намеченные каждым из нас задачи и стремясь привести их к цельности и гармонии» [3, с. 7–19; 32, с. 17].

Но экзальтированный педагог и мятущийся в поисках приложения своего труда земледелец не обладали капиталами для создания аграрной коммуны и все благие замыслы остались бы пустым сотрясением воздуха, если бы третьим в компании не оказался Виктор Васильевич Еропкин.

В толстовской среде ему даны возвышенные характеристики: В.В. Еропкин был «самым видным, характерным и энергичным из всех». Он в общем успешно занимался бизнесом. В Москве открыл мастерскую

¹ Можно предположить, что работа по истории Криницы создавалась через 30 лет и авторы пользовались документами той поры с «шифровками».

² «Ольга» / Наталья Николаевна, возможно, дочь Николая Григорьевича Друцкого-Соколинского (1821–1884), а князь Николай Николаевич Друцкой-Соколинский (1856 – после 1917) в 1887–1888 гг. участвовал в прокладке Самаро-Уфимской железной дороги.

учебных пособий на артельных началах. «Изобретательности его нет конца; выдумываются самые хитроумные вещи. В результате весь физический кабинет с электрической машиной, рассчитанный для сельской школы, стоит всего 10 р.». Но, получая свою долю в прибылях, почему-то «вместо саморазвития и сознания своих обязанностей перед силой народа, мастера завели себе хорошие костюмы, золочёные часы с цепочкой, котелок на голову и калоши на ноги, стали успешно посещать цирки, загородные гулянья» [3, с. 5–7; 32, с. 17]. Это разочаровало Еропкина.

Писатель С.Я. Елпатьевский, стоявший у истоков идеи коммуны, в своих воспоминаниях 1920-х гг. отдельный раздел так и назвал «Виктор Васильевич Еропкин», но дал ему иные характеристики. «Еропкин был характерной фигурой для поколения конца 60-х и начала 70-х годов. Дворянин с громкой фамилией, кончивший два факультета, умный, широко образованный, – он не пошёл по проторенным тропам и не сделал "карьеру", какую мог бы сделать. Тотчас после окончания университета он увлёкся новым тогда артельным движением и кончил отречением от культурного мира, от цивилизации, которую он презрительно называл "сифилизацией"...

Он был типичный кающийся дворянчик, не того покаяния, которое вело к отдаче долга народу отдачей народу своей жизни. Он не был революционером и определённо отгораживался от революционной деятельности и её деятелей, – его жизнь и деятельность были только уходом от той жизни, которой жили его предки и его среда, и прежде всего оправданием себя перед собой» [6, с. 112].

Толстовцы решают основать колонию в Уфимской губернии. Но почему именно здесь?, вдали от цивилизации, в крае с достаточно суровым климатом. Лишь у Г. Василевского есть попытки объяснить выбор.

Первым «рванул» на Южный Урал Зот Сычугов. В конце XIX в. этот край не случайно журналисты окрестили «Америкой», здесь бушевала земельная «лихорадка». На рынок было выброшено огромное количество земли, цены стояли невероятно низкие и со всей Европейской России сюда шли потоки переселенцев.

З.С. Сычугов встречает «своего школьного товарища и друга В., который, бросивши свою учительскую деятельность, тоже хочет сесть на землю». Это был личный гражданин Василий Алексеевич Вадковский.

Они где-то занимают деньги, едут в Уфимскую губернию «на свободные земли, где у одного крестьянина покупают» хутор в 20 дес., по 15 р. за десятину (всего траты составили 300 р.). Собственность приобретена в виде товарищества, совместного владения.

Вадковский привозит большую семью, вплоть до старухи матери, а Сычугов становится во главе товарищества. Землю купили к северу от Уфы, недалеко от города в починке Красная Глинка (Вишнёвые Холмы). В товариществе проживало восемь душ, шесть «Вадиковских», Зот Сычугов и Инна Васильевна Сергеева [18].

Из 20 дес. под сельское хозяйство было пригодно лишь 3 дес., остальные занимал лес с зарослями, орудия брали на стороне, приобрели лошадь с коровой, брали заказы на обувь, которую сами шили. В общем, с небольшим дефицитом сводили концы с концами. При этом В. (Вадковский) «признавал только принцип личного физического труда, ко всему же остальному относился совершенно индифферентно». Мечтавший о самосовершенствовании в духе Льва Толстого Зот Сычугов, после «двухлетней совместной жизни», выходит из «артели» и уезжает в Уфу, «взявши с собой одну из общинниц А.А., на которой вскоре и женится» (это Анна Алексеевна, наверняка, сестра Вадковского). В Уфе «он поступает на какой то завод (пивоваренный) развозить по городу товары» [3, с. 20–21; 7, с. 10].

Можно предположить, что рассказы Сычугова о бескрайних свободных землях Уфимской губернии указали будущим колонистам направление и за дело взялся энергичный В.В. Еропкин. Во всех трёх источниках мемуарного характера просто упоминается о переселении под Уфу, что почти точно указывает – деталей колонисты не знали. Знал один Виктор Васильевич.

А он обратился к родственникам. На кладбище Новодевичьего монастыря в Москве существовал семейный участок захоронений, где к началу XX в. сохранялись могилы Николая Александровича Рахманова (1818–1882) и его супруги Александры Григорьевны Рахмановой (1821–1882), сестры последней – Прасковьи Григорьевны Белавиной (1823–1883). Рядом находились надгробия Петра Михайловича Еропкина (1809–1899), Веры Александровны Еропкиной (1823–1892) и других Еропкиных, также здесь был погребён Николай Фёдорович Самарин (1829–1892) [4, с. 164, 437, 438; 5, с. 9, 10, 72], брат знаменитых деятелей-славянофилов, Богородский Московской губернии уездный предводитель дворянства.

Тем временем, ещё в 1869 г. одна из придворных «групп влияния» сумела провести через Государственный совет правила о размежевании башкирских земель (дач), которые были утверждены императором 10 февраля. По ним башкиры, у тех незадолго до этого расформировали иррегулярное (полуказачье) Башкирское войско, теперь являвшиеся официально частными (коллективными) собственниками своих огромных земель, получили право их продавать или сдавать в аренду [30, с. 38–39].

И в 1872 г. майор Н.А. Рахманов по купчей крепости покупает у башкир деревень Седяшевой, Урюшевой и других 12 тыс. дес. земли, уплатив 11 тыс. р. [9]. Сделка осуществлена легально, землю у башкир размежевали в 1871 г. [10, л. 42 об.], она числилась «ненаселённой» [11]. Это были покрытые первоклассным лесом предгорья Урала по левому берегу реки Уфы, где находится крупнейший в Европейской России источник (второй в Европе), почему имение получило название Белый Ключ (ныне посёлок Красный Ключ, где выпускают бутилированную воду под этим брендом).

Башкирские деревни лежали далеко севернее, кроме охотников и рыбаков сюда никто не заходил, почему башкиры угодыя легко уступили. Землю исчислили приблизительно (согласно дальнейшим исследованиям оказалось 13,1 тыс. дес., да часть продали). Так что майору Рахманову покупка огромного владения обошлась менее одного рублика за десятину.

Примерно в 1879 г. В.В. Еропкин явился в гости к своему столичному родственнику, откушав чаю (или чего покрепче) и выкурив по сигаре, он вдруг спросил: «Дядюшка, а можно мы поживём в твоём уфимском поместье»? «Да, на здоровье», возможно, ответил удивленный пожилой майор. Или случился деловой разговор. Еропкин предложил начать заготовку ценной древесины и сплав плотов вниз по Уфимке на продажу. А поселение толстовцев шло как «придаток».

Итак, «в 1879 г. снята была без писанного договора земля в аренду у одного знакомого помещика в Уфимской губ.» [32, с. 18]. Авторы воспоминаний подробностей не знали, но отмечали, что зиму 1879–1880 гг. «провели в ожидании конца формальностей по переговорам с Рахмановым, у которого мы хотели арендовать землю» [7, с. 16–17]. Значит майор торговался. В самом деле, рядовой подмосковный (Богородского уезда) помещик вдруг в 1872 г. проворачивает лихую афёру с покупкой огромного участка за тысячи вёрст. Но не осваивает имение, явно нет средств, сделка совершена со спекулятивной целью затем перепродать землю с выгодой. Вряд ли подобный делец просто так пустит «постояльцев».

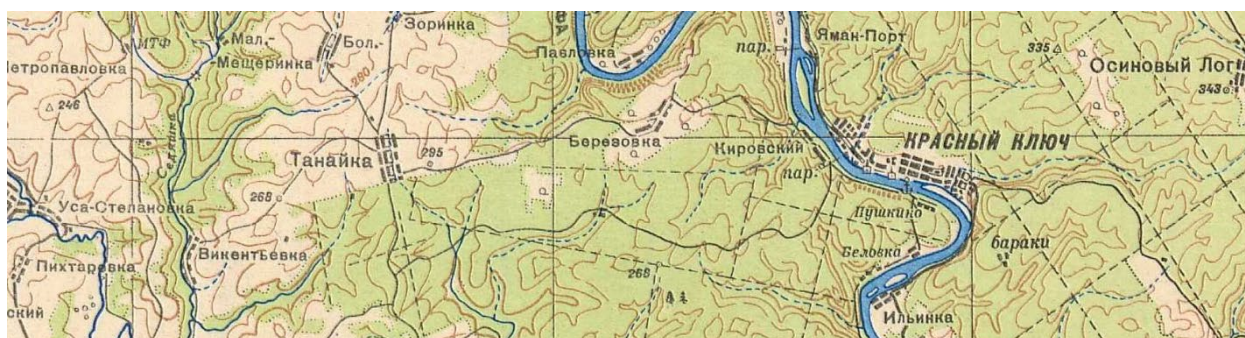
В 1879 и 1880 гг. Виктор Васильевич Еропкин закрывает свой московский бизнес, переезжает в Уфу, где записывается в местное купечество, а в Уфимском филиале крупнейшего в Империи частного Волжско-Камского коммерческого банка в 1880 г. получает чековую книжку и открывает текущий счёт для безналичных переводов № 123. В первый же год Еропкину поступило переводов на 7500 р., сам же он отправил 2200 р. (оборот капитала 9700 р., остаток к концу года – 5300 р.) [20, л. 83]. Текущие счета в первую очередь были выгодны для расчётов с иногородними партнёрами [19].

Это было время грандиозных лесозаготовок, по Уфимке и Белой вниз на Каму и Волгу непрерывной чередой шли плоты и беляны с хвойным лесом, всевозможными лесными изделиями. Огромные состояния сколачивали на лесной торговле, в том числе в долине реки Уфимки (Уткины, Манаевы, Хасабов, Эманин, др.), неширокой, но судоходной.

Не в первых рядах, но в целом успешным был бизнес В.В. Еропкина (организовал лесопилку). Оборот капиталов по его счёту № 123 через Волжско-Камский банк составлял в 1881 г. 24 871,64 р. (прибыло и убыло), в 1882 г. – 15 135,93 р. [21, л. 79; 22, л. 79]. В 1883 г. сделок нет, но в 1884 г. операции возобновлены (оборот 9295,42 р.). Он числится уфимским временным купцом 2-й гильдии, а банк купил у него вексель в 3 тыс. р. [23, л. 78, 95]. За 1885 г. сведений нет, в 1886 г. заключает сделки на 6133,95 р.

[24, л. 79 об.]. После чего счёт закрывается и В.В. Еропкин навсегда покидает Уфимский край.

Данный сюжет отсутствует в мемуарах толстовцев, хотя очевидно именно В.В. Еропкин зарабатывал деньги для проживания и прокормления общины прекраснодушных народолюбцев, которые в конце 1879 г. съезжались в Уфу, откуда двигались на север, в село Усы-Степановку (центр одноимённой волости на юге соседнего Бирского уезда). Ниже на фрагменте карты 1944 г. видна Усы-Степановка (слева), на восток от которой простирались сплошные леса и далее река Уфимка с посёлком Красный Ключ. Здесь примерно и была колония.



Современник вспоминал, что весной 1880 г. прибывшие колонисты, направляясь в имение «Белый Ключ» Рахманова, жили «на перепутьи в селе Усть-Степановке и готовились к оседлости» [7, с. 16]. Это было старинное русское село государственных крестьян на речке Уса, отсюда ошибки в написании (даже колонию толстовцев иногда ошибочно называют Усиха), вполне благоустроенное. Здесь было легко снять квартиры и вообще проживать (при наличии средств от Еропкина). Будущие колонисты весьма надолго, на две зимы, обосновались в Усы-Степановке, примерно с конца 1879 г. до весны 1881 г.

А ещё в 1862 г. прихожане возвели здесь деревянную церковь во имя Св. Апостолов Петра и Павла, сохранились метрические книги, появилась возможность установить персональный состав колонистов-толстовцев. Этим интересовались правоохранительные органы Российской империи и в Интернете на форуме выложена база данных «Участники "интеллигентных" земледельческих поселений. Последняя четверть XIX в.» [31], созданная по разным источникам – от архивных фондов до переписки Л.Н. Толстого.

Членами «общины» Белый Ключ указаны Александра Алексеевна Басенская, Алексей Афанасьевич Басенский, Сергей Петрович Белоярцев, Виктор Алексеевич Веселовский, Виктор Васильевич Еропкин, Наталья Николаевна Коган, Наталья Александровна Назимова, Зот Семёнович Сычугов и Анна Алексеевна Сычугова. Итого девять душ.

Очевидно, это неполный список. Понятно, что Еропкин занимался бизнесом и лишь наезжал в колонию, криничане упоминали лишь Веселовского. Писатель-народник С.Я. Елпатьевский, как раз в эти годы

отбывавший ссылку в Уфимской губернии, в соседнем (к западу) Благовещенском заводе, так охарактеризовал состав толстовцев.

«Ядро колонии составляли две родственные семьи вятских людей недворянского происхождения. К ним присоединились местные люди, – учительница уфимской гимназии, чиновник, бросивший службу для жизни в колонии. Там же оказался юноша-сирота – крестьянин из моего родного села³, – первый ученик и гордость нашей сельской школы, которого Еропкин сделал механиком на своей лесопилке.

И Еропкин, и колонисты, – в особенности я помню Зота Семёновича, – бывали у меня в заводе [Благовещенском], и мы вели долгие беседы. Они говорили мне о будущем колоний, о распространении их по России, о своём бытии, о своих надеждах. Особенно много они говорили о воспитании своих детей, и мне казалось, что это была главная дума их, широкий план, над которым они долго и серьёзно работали» [6, с. 112–113].

Действительно, идеалисты-толстовцы привезли в уфимскую глухомань своих деток. Один из них в 1912 г. вспоминал. «Среди активных участников этой маленькой группы был и автор настоящего доклада, активным потому, что на нас – в возрасте от 4 до 6 лет, было обращено сугубое внимание, как на будущих граждан, имеющих вырасти и воспитаться в нормальной среде, о которой так упорно мечтала всегда Хромова» [32, с. 18] (Н.Н. Коган).

В общем, колонисты жили в Усы-Степановке, путешествовали по окрестностям, вели споры, мечтали, воспитывали деток в самой гуще народной. А народ в простом русском селе по данным метрической книги был неожиданно не прост. Там обнаружились столичные «гости», московские мещане Крыловы и Никитин, московская солдатка Басова, крестьянин из Московской губернии Серебряков, др. [12, файлы 0725, 0741, 0774]. Особенно много в Усы-Степановке обосновалось Басовых, крестьян села Успенского Богородского уезда Московской губернии [13], вспомним, что Рахманов – тамошний помещик.

И попались колонисты! 5 августа 1880 г. в Усы-Степановке появилась на свет Мария. Родителями девочки были почётный гражданин Вятской губернии Зот Семионович Сычугов и Анна Алексеевна, крёстными (восприемниками) – коллежский регистратор из Нижегородского уезда и губернии Виктор Алексеевич «Весаковский» (надо Веселовский) и местная крестьянская девица Макрина Андреева [12, файл 0745]. По сословию дети священников (Сычугов), не пошедшие по стопам родителя в духовное звание, получали почётное гражданство.

Прошло время. В.В. Еропкин договорился с родственником Рахмановым, определился с участком земли под хутор и колонисты,

³ Сергей Яковлевич Елпатьевский (1854–1933) происходил из Александровского уезда Владимирской губернии, из семьи священника.

«наконец, весной 1881 г., ещё по снегу перебрались туда и начали хлопоты по оборудованию посёлка» [7, с. 17].

Сами криничане вспоминали через тридцать лет: «Итак, в 1881 г. в местечке, под названием Гарлян-поляна Уфимской губ., среди девственных лесов, в районе комариного царства летом и снежных заносов зимой – возникла маленькая группа людей, как зёрнышко, брошенное кем-то на твёрдую, не вспаханную землю» [7, с. 18]. В метрических книгах название уточнялось: «в местности Гарлянова Поляна».

В округе немало подобных названий селений: Бедеева Поляна, Красивая Поляна, Репная Поляна, Ильина Поляна, Бажена Поляна, Новая Поляна. Это типичный топоним для небольшой открытой местности среди сплошных лесов. Как на Западном Кавказе бытует топоним «щель».

Писатель С.Я. Елпатьевский оставил точное описание местности. «Еду в гости в Еропкинскую колонию. Долго пришлось ехать по замёрзшей реке. Уфимка – так местные люди называют Уфу-реку – зимой суровая, угрюмая. Справа и слева сумрачный лес елей и пихт, редкие людские поселения, не было встречных. Всё дикое, необжитое человеком. Мелкой трусой трусит лошадь, звенит колокольчик [...].

Далеко впереди маячит повисший над рекой угрюмый утёс, и казалось, всё уходит от нас, пока мы едем к нему, и виден огромный камень, повисший над утёсом».

«Всё круче берега, гуще и выше леса, миновали утёсы и приехали к Белому ключу, что могучим потоком, не замерзая, вырывается из земли. Тут близко была и колония» [6, с. 114]. Это практически точно указывает, что колония толстовцев находилась на территории современного посёлка Красный Ключ, сам источник выходит в нижней части. Прибрежная земля расчищалась из-под леса, толстовцы пытались заняться сельским хозяйством.

Оказавшись на новом месте, весьма далеко от Усы-Степановки, колонисты стали посещать Михайло-Архангельскую церковь небольшого села Маркелова, что лежало за горами южнее, вниз по Уфимке, но в отдалении от реки на восток. «С реки нужно было свернуть в сторону вёрст за двадцать в глухие дремучие леса, где дорог не было и [...] ездили по зарубкам на деревьях, как это рассказывается у Фенимора Купера». Царство медведей. «Была строгая настороженная тишина в дремучем лесу между гигантскими соснами и пихтами. Когда разводы розвальней ударялись о дерево, мёрзлая сосна долго звенела, как струна виолончели» [6, с. 114–115].

Метрические книги церкви в Маркеловой дают дополнительную информацию о составе колонистов. Среди них было две семьи, люди молодые, появлялись дети. 20 октября 1881 г. родился Дмитрий, по осенним дорогам довели до храма крестить только через пять дней. Родители уже знакомы – потомственный почётный гражданин, проживающий «в местности Гарлянова Поляна» Зотик Семионович Сычугов с Анной

Алексеевной. Крёстные – в той же местности проживающий личный гражданин Василий Алексеевич Вадиковский и жена юнкера в отставке Александра Алексеевна Басинская [14, файл 0553]. А это новость. Значит, В.А. Вадковский / Вадиковский покинул Красную Глинку и переселился в колонию толстовцев. А у него было обширное семейство. На календаре конец осени, в гости в это время не ездили, и местный священник назвал его тоже проживающим в Гарляновой Поляне. Ни мемуары, ни сведения полиции о нём не сообщают.

На следующий год, 30 мая 1882 г. пополнение случилось во второй семье. Родился Виктор, крестили 1 июня в Маркелово, довели быстро. Родителями стали почётный гражданин, проживающий «в местности Гарлянова Поляна» Алексей Афонасьевич Басинский с супругой Александрой Алексеевной. А состав крёстных чрезвычайно интересен!

Первым был можайский мещанин Василий Андреевич Мелихин. Среди толстовцев не встречается и опять москвич. Что он потерял в уфимских дебрях? Возможно, это один из работников в бизнесе Еропкина (на лесопилке, лесоповале, сплаве). Тем более, что второй крёстной стала... жена потомственного дворянина Виктора Еропкина Елизавета Григорьевна. Уж не сестрица ли младшая упомянутым выше Александре и Прасковье Григорьевнам, схороненным на Новодевичьем кладбище? Значит, летом в разгар лесозаготовок в Белый Ключ приезжала жена В.В. Еропкина.

Но самой интересной оказалась третья крёстная. Ею стала дочь действительного статского советника Надежда Николаевна Эверсман [15, файл 00000016] (1849 г. р.). Её отец – врач и общественный деятель Николай Эдуардович Эверсман (1823–1901), мать – дочь известного учёного Надежда Григорьевна Карелина (1826–1897). Ему принадлежали большие поместья в Уфимской и Оренбургской губернии, огромная усадьба в Уфе. А дед, Эдуард Александрович Эверсман, сын основателя оружейной фабрики в Златоусте, был известным путешественником, естествоиспытателем, автором фундаментальных научных трудов, в том числе о животном мире Урала («Естественная история Оренбургского края»). Как раз в начале 1870-х гг. Н.Э. Эверсман участвует в крупных покупках лесных владений (не всегда законных), ему принадлежат обширные леса в долине Уфимки недалеко (южнее) Белого Ключа [26, с. 87–91].

Дочь, Надежда Николаевна Эверсман, на 1878 г. служила учительницей арифметики в Мариинской женской гимназии в Уфе [17, с. 16], главном женском учебном заведении края. В своих воспоминаниях С.Я. Елпатьевский дважды упоминает уфимского педагога. «В обратный путь из колонии со мной поехала колонистка, упомянутая выше учительница гимназии» [6, с. 114]. Без имени, семья Эверсманов входила в ряды высшей «элиты» региона. Писатель называет её колонисткой, значит, Н.Н. Эверсман не просто посещала Белый Ключ, а полноценно участвовала в жизни толстовской общины.

Кстати, потом, после закрытия колонии, Надежда Николаевна ни в какую Криницу не поехала, а осталась на берегах Уфимки⁴. Отец ей подарил купленное здесь лесное имение. И 7 января 1887 г. «проживающая в приходе церкви села Маркеллова уроженка Г. Москвы, дочь лекаря, девица» в 37 лет Надежда Николаевна Эверсман обвенчалась с 29-летним армянином из Нахичевани Екатеринославской губернии М.Н. Хасабовым, который также проживал здесь [16, файл 0733], держал небольшое пароходство.

Таким образом, приехавшая в 1879 г. в Уфу группа толстовцев включила в свой состав местных жителей и ранее поселившихся в Красной Глинке, она не была постоянной, некоторые, как супруги Еропкины и Эверсман, видимо, обитали в колонии временно. Были потери. 25 мая 1882 г. скончался проживавший в местности Гарлянова Поляна дворянин 27-летний Виктор Алексеевич Веселовский, от «воспаления мозговой оболочки», записал маркеловский священник [15, файл 00000041].

Чем же занимались колонисты в суровом краю? Сами криничане вспоминали: «Жизнь на Гарлян-Поляне протекала в лихорадочной деятельности, которой только и могли отдаваться с жаром люди, убеждённые в своих силах и верующие в свой идеал.

Несмотря на то, что обрабатываемая земля принадлежала чужому лицу, что арендного договора даже не было ещё заключено, они как бы спешили использовать время для изучения всех хозяйственных мелочей, и приобрести навык к тяжёлому крестьянскому труду.

Корчевали лес, очищали заросли, поднимали целину, сеяли и трепали лён, ухаживали за скотом. В свободное от физического труда время, сходились вечерами для совместного, живого обмена мыслями, ставили вопросы, спорили» [7, с. 19].

Проведший детство в Белом Ключе отмечал, что «жизнь в Уфимской губернии была очень тяжела для слабых интеллигентских белоручек, среди 9-месячной суровой зимы [автор "загнул", всего пять месяцев] и миллионов комаров в жаркое лето. "Трудно было сначала... помню, как болели плечи и ныла спина, когда приходилось носить воду на коромысле из ближайшей речки"», записывала его мать, бывшая смоленская княжна [32, с. 18].

Писателю С.Я. Елпатьевскому колония не понравилась. «Я был у них в гостях. Как-то пустынно и неуютно было в доме, словно на перепутье, когда люди не обжились, не обросли домовитостью и хозяйственностью. Зимних работ не было, и колонисты были без дела» [6, с. 113]. Добавим, что денег от Еропкина хватало на сонное зимнее существование.

Уфимская колония толстовцев существовала в мае – июне 1882 г., судя по метрикам. Криничане вспоминали, что «через 1 ½ года условия землепользования сильно изменились. Хозяин имения не пожелал войти в

⁴ Полиция о ней не забывала, с 1891 по 1896 г. Н.Н. Хасабова (Эверсман) находилась под негласным надзором полиции [14].

длительные, договорные отношения; поселенцы же не находили возможным строить своё здание на шатких основах личного усмотрения.

Ближайшей причиной быстрой ликвидации посёлка послужили назойливые придирки губернской и уездной администрации, которая постаралась окружить странных людей плотным кольцом разных шпионов и соглядатаев» [7, с. 21]. О подозрениях властей и полиции пишут и другие авторы, Елпатьевский говорит об обыске. Никакой преступной деятельности не обнаружили, но недоумение жандармов понятно. «Пришли неведомо откуда незнакомые люди, не служат, не торгуют, не мужики, а живут как мужики, – разве не подозрительно? И разве это порядок в благоустроенном государстве, что чиновник бросает царскую службу и идёт землю пахать?» [6, с. 113].

Заключение

Толстовцы решительно закрывают проект. «Осенью 1882 г., не спеша, по одному, наши пионеры стали разъезжаться, заматаывая следы». Кто-то уехал в Петербург и за границу, Зот Сычугов «с женой и двумя товарищами оставался ещё на хуторе», затем отправился в странствие по стране в поисках нового пристанища, а Еропкин «занялся в Уфимских лесах сплавом клёпки и досок для приобретения первоначальных средств» [7, с. 22].

Причину ликвидации колонии в поздних трудах объясняли происками охраны, хотя современники делали акцент на проблеме собственности. За эти годы В.В. Еропкину так и не удалось убедить своего престарелого родича хотя бы заключить арендный договор. Возможно, сказывалось состояние здоровья, в марте 1882 г. умирает супруга, а в октябре 1882 г. от рака скончался хозяин Белоключёвского имения майор Н.А. Рахманов.

Наследником становится брат славянофилов Н.Ф. Самарин, женатый на дочери майора Екатерине Николаевне. Видимо, Виктор Васильевич Еропкин хорошо его знал и не питал иллюзий, договориться не получится. Надо искать новые земли. Народ переселялся в другие толстовские колонии, но за время проживания в Белом Ключе люди сдружились и не хотели расставаться. «Все они вместе, сплочённые живой идеей, связанные глубокой дружбой и безграничным доверием друг к другу, несмотря на различие своих характеров, составили одно целое, одну душу» [3, с. 35]. А в разговорах часто мелькала мысль о Кавказе. «На Кавказ, на Кавказ!», записывал в дневнике Сычугов. «В страну полуденного солнца и седой старины, куда ходил легендарный Язон со своими аргонавтами за золотым руном!» [19, с. 18].

Путешествуя по Новороссийскому округу Черноморской губернии, Зот Семёнович Сычугов «нашёл заброшенное имение отставного офицера, заросшее лесом. Дикий край». Он «снёсся со своими товарищами, получил переводом деньги и совершил купчую» на имя В.В. Еропкина. Так были приобретены 250 дес. в четырёх верстах от украинского села Береговое на

берегу речки Пшады. Участок обошёлся Еропкину в 3600 р. Назвали уголок «Криница», 1 октября 1886 г. появились первые переселенцы [3, с. 40; 7, с. 24–25].

Деньги на покупку земли и обустройство снова добывал Виктор Васильевич Еропкин. Он «вернулся в Уфимскую губ. и организовал там лесное предприятие, чтобы заработать немного денег для общего дела» [7, с. 24]. Материалы Уфимского филиала Волжско-Камского банка показывают его коммерческую деятельность как раз в 1884–1886 гг.

Главный «мотор» толстовских колоний В.В. Еропкин в 1890 г. оказывается в Пензе, где входит в правление бумажной фабрики товарищества Сергеевых. Умер в 1909 г. А толстовская колония на берегу Чёрного моря дала начало славному поселению Криница, ещё раз доказывая, что благие помыслы, пусть наивные и прекраснодушные, всё же дают прекрасные всходы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агарин Е.В. Толстовство и толстовские земледельческие колонии в дореволюционной России: дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2016. 373 с.
2. Агарин Е. Трудami рук своих: толстовские земледельческие колонии в дореволюционной России. М.: Common Place, 2019. 382 с.
3. Василевский Г. Интеллигентная земледельческая община Криница. К истории исканий общественных форм идеальной жизни. СПб.: Посев, 1908. 131 с.
4. Великий Князь Николай Михайлович. Московский некрополь. Т. I (А–И) / сост. В.И. Саитов. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1907. 519 с.
5. Великий Князь Николай Михайлович. Московский некрополь. Т. III (Р–Ф). СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1908. 432 с.
6. Елпатьевский С.Я. Воспоминания за пятьдесят лет. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1984. 360 с.
7. Криничане. Четверть века «Криницы». Киев: Издание кооперативного журнала «Наше Дело», 1913. 495 с.
8. Налётов В.Э. Из истории земледельческих интелл[и]гентских колоний на Юге России // Концепция «общество знаний» как новая форма постиндустриального общества. Уфа: OMEGA SCIENCE, 2020. С. 175–177.
9. Национальный архив Республики Башкортостан (далее – НА РБ).Ф. И-132. Оп. 1. Д. 1246.
10. НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1255. Т. 1.
11. НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 368.
12. НА РБ. Ф. И-294. Оп. 3. Д. 183.
13. НА РБ. Ф. И-294. Оп. 3. Д. 196а.
14. НА РБ. Ф. И-294. Оп. 3. Д. 202а.
15. НА РБ. Ф. И-294. Оп. 3. Д. 216.
16. НА РБ. Ф. И-294. Оп. 3. Д. 295.
17. Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год / сост. В.А. Новиков и Н.А. Гурвич. Уфа: Губернская Типография, б. г. Разд. паг. Адрес-календарь лиц, служащих в Уфимской губернии.
18. Роднов М. Белый Красный ключ. Последователи Л.Н. Толстого на башкирской земле // Советская Башкирия (Уфа). 1992. 29 янв. С. 8.

19. Роднов М.И. С чековой книжкой в кармане (состав клиентуры Уфимского отделения Волжско-Камского банка, пользовавшейся чековыми книжками по текущим счетам в 1874 г.) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. Вып. № 3 (7). С. 19–34.
20. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 595. Оп. 3. Д. 1183.
21. РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1184.
22. РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1185.
23. РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1187
24. РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1189
25. Садовников С.Д. Эпизоды из жизни предков. Неопубликованные ранее документы и фотографии (XIX – нач. XX в.). Уфа: б. и., 2022. 103 с.
26. Садовников С.Д. Фрагменты родословной: сборник статей. Уфа: Издатель Словохотов А.А., 2024. 173 с.
27. Список дворянских родов, внесенных в родословные дворянские книги Смоленской губернии. Составлен в 1897 г. Смоленск: Паровая Типо-лит. Я.Н. Подземского, 1897. 84 с.
28. Тихомиров Л.А. Тени прошлого. Воспоминания. М.: Издательство журнала «Москва», 2000. 720 с.
29. Трехбратов Б.А. Кубанская интеллигенция в поисках идеальных форм жизни и быта (конец XIX – начало XX в.) // Культурная жизнь Юга России (Краснодар). 2015. № 1 (56). С. 38–45.
30. Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М.: Наука, 1981. 370 с.
31. Участники «интеллигентных» земельных поселений. Форум (<https://forum.vgd.ru/538/63437/?ysclid=ml6t8djrr0821036235>).
32. Хромов М. Интеллигентская колония «Криница» // Вестник кооперации (СПб.). 1912. Кн. 2. С. 16–46.

REFERENCES

1. Agarin, E.V. Tolstovstvo i tolstovskiye zemledel'cheskiye kolonii v dorevolutsionnoy Rossii [Tolstoyanism and Tolstoyan agricultural colonies in pre-revolutionary Russia]. Diss. ... Cand. of History. Nizhny Novgorod, 2016(in Russian).
2. Agarin, Ye. Trudami ruk svoikh: Tolstovskiye zemledel'cheskiye kolonii v dorevolutsionnoy Rossii [By the Labor of Their Own Hands: Tolstoyan Agricultural Colonies in Prerevolutionary Russia]. M.: Common Place, 2019 (in Russian).
3. Vasilevskiy, G. Intelligentnaya zemledel'cheskaya obshchina Krinitsa. K istorii iskaniy obshchestvennykh form ideal'noy zhizni [The intelligent agricultural community of Krinitsa. On the history of the search for social forms of ideal life]. St. Petersburg: Posev, 1908 (in Russian).
4. Velikiy Knyaz' Nikolay Mikhaylovich. Moskovskiy nekropol'. T. I (A–I) / Sost. V.I. Saitov [Grand Duke Nikolai Mikhailovich. Moscow necropolis. T. I (A–I) / Comp. V.I. Saitov]. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1907 (in Russian).
5. Velikiy Knyaz' Nikolay Mikhaylovich. Moskovskiy nekropol'. T. III (R–F) [rand Duke Nikolai Mikhailovich. Moscow Necropolis. Vol. III (R–F)]. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1908 (in Russian).
6. Yelpat'yevskiy, S.YA. Vospominaniya za pyat'desyat let [Memories of fifty years]. Ufa: Bashkirskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1984 (in Russian).
7. Krinichane. Chetvert' veka «Krinitsy» [A Quarter Century of "Krynytsia."]. Kiyev: Izdaniye kooperativnogo zhurnala «Nashe Delo», 1913 (in Russian).

8. Nalotov, V.E. Iz istorii zemledel'cheskikh intell[i]gentskikh koloniy na Yuge Rossii [From the history of agricultural intelligentsia colonies in the South of Russia] In Kontseptsiya «obshchestvo znaniy» kak novaya forma postindustrial'nogo obshchestva. Ufa: OMEGA SCIENCE, 2020: 175–177. (in Russian).
9. Natsional'nyy arkhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB) [National Archives of the Republic of Bashkortostan (NA RB)]. F. I-132. Op. 1. D. 1246.
10. NA RB. F. II-10. Op. 1. D. 1255. Vol. 1.
11. NA RB. F. II-132. Op. 1. D. 368.
12. NA RB. F. I-294. Op. 3. D. 183.
13. NA RB. F. I-294. Op. 3. D. 196a.
14. NA RB. F. I-294. Op. 3. D. 202a.
15. NA RB. F. I-294. Op. 3. D. 216.
16. NA RB. F. I-294. Op. 3. D. 295.
17. Pamyatnaya knizhka Ufimskoy gubernii na 1878 god / Sost. V.A. Novikov i N.A. Gurvich [Memorial book of the Ufa province for 1878 / Comp. V.A. Novikov and N.A. Gurvich]. Ufa: Gubernskaya Tipografiya, b. g. Razd. pag. Adres-kalendar' lits, sluzhashchikh v Ufimskoy gubernii (in Russian).
18. Rodnov, M. Belyj Krasnyj klûch. Posledovateli L.N. Tolstogo na baškirskoj zemle [White Red Key. Followers of L.N. Tolstoy on the Bashkir land] In Sovetskââ Baškiriâ (Ufa). 1992. January 29. P. 8 (in Russian).
19. Rodnov, M.I. S chekovoy knizhkoy v karmane (sostav kliyentury Ufimskogo otdeleniya Volzhsko-Kamskogo banka, pol'zovavsheysya chekovymi knizhkami po tekushchim schetam v 1874 g.) [With a checkbook in your pocket (the composition of the clientele of the Ufa branch of the Volga-Kama Bank who used checkbooks for current accounts in 1874)] In Tul'skiy nauchnyy vestnik. Seriya Istoriya. YAzykoznanie. Vyp. № 3 (7) (2021): 19–34 (in Russian).
20. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RGIA)]. F. 595. Op. 3. D. 1183.
21. RGIA. F. 595. Op. 3. D. 1184.
22. RGIA. F. 595. Op. 3. D. 1185.
23. RGIA. F. 595. Op. 3. D. 1187.
24. RGIA. F. 595. Op. 3. D. 1189.
25. Sadovnikov, S.D. Epizody iz zhizni predkov. Neopublikovannyye raneye dokumenty i fotografii (XIX – nach. XX vv.) [Episodes from the Lives of Ancestors. Previously Unpublished Documents and Photographs (19th – Early 20th Centuries)]. Ufa: b. i., 2022 (in Russian).
26. Sadovnikov, S.D. Fragmenty rodoslovnoy. Sbornik statey [ragments of a Genealogy. Collection of Articles]. Ufa: izdatel' Slovokhotov A.A., 2024 (in Russian).
27. Spisok dvoryanskikh rodov, vnesennykh v rodoslovnyye dvoryanskiye knigi Smolenskoy gubernii. Sostavlen v 1897 g. [16. List of noble families included in the genealogical books of the Smolensk province. Compiled in 1897. Smolensk: Steam Typo-lit. Ya.N. Podzemsky, 1897]. Smolensk: Parovaya Tipo-lit. YA.N. Podzemskogo, 1897 (in Russian).
28. Tikhomirov, L.A. Teni proshlogo. Vospominaniya [Shadows of the Past. Memories]. M.: izdatel'stvo zhurnala «Moskva», 2000.
29. Trekhbratov, B.A. Kubanskaya intelligentsiya v poiskakh ideal'nykh form zhizni i byta (Konets XIX – nachalo XX vv.) [Kuban intelligentsia in search of ideal forms of life and everyday life (late 19th – early 20th centuries)] In Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii (Krasnodar). № 1 (56) (2015): 38–45 (in Russian).

30. Usmanov, KH.F. Razvitiye kapitalizma v sel'skom khozyaystve Bashkirii v poreformennyy period. 60–90-ye gody XIX v. [Development of capitalism in agriculture of Bashkiria in the post-reform period. 60–90s of the XIX century]. M.: Nauka, 1981 (in Russian).

31. Uchastniki «intelligentnykh» zemledel'cheskikh poseleniy. Forum [Participants of "intelligent" agricultural settlements. Forum] (<https://forum.vgd.ru/538/63437/?ysclid=ml6t8djr-r0821036235>) (in Russian).

32. Khromov, M. Intelligentskaya koloniya «Krinita» [Intelligentsia Colony "Krinita"] In Vestnik kooperatsii (St. Petersburg). 1912. Kn. 2 (1912): 16–46 (in Russian).

Сведения об авторе

Роднов Михаил Игоревич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, проспект Октября, 71, 450054, Уфа, Российская Федерация, rodnov@ufacom.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7654-4782>

About the Author

Rodnov Mikhail Igorevich, Doctor of Historical Sciences, leading research fellow, Institute of History, Language, and Literature Ufa Federal Research Center Russian Academy of Sciences, October Avenue, 71, 450054, Ufa, Russian Federation, rodnov@ufacom.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7654-4782>

Из истории коллекции Екатеринодарской городской картинной галереи Ф.А. Коваленко: художественное наследие Петра Ивановича Петровичева

Перенижко Оксана Алексеевна

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
operenizhko@mail.ru

Аннотация. В данной статье анализируются основные этапы жизненного и творческого пути, а также основные характеристики самобытной художественной манеры письма известного русского художника-пейзажиста Петра Ивановича Петровичева (1874–1947), ученика И.И. Левитана, выпускника Московского училища живописи, ваяния и зодчества. На основе переписки художника с кубанским меценатом Федором Акимовичем Коваленко исследуется способ формирования основной коллекции Екатеринодарской городской художественной галереи, а также просветительская концепция периодических выставок художников Академии художеств и иных русских школ в Екатеринодаре в начале XX в. Анализ документов из Государственного архива Краснодарского края, Российского государственного архива литературы и искусства, источников личного происхождения позволяет автору прийти к выводу, что в основе формирования основной коллекции Екатеринодарской городской картинной галереи было осознанное желание Ф.А. Коваленко покупать произведения художников-академистов, в основном реалистичного направления с целью дальнейшего просвещения горожан. В 1920–1930-е гг. на Кубани происходит развитие собственной художественной традиции, опирающейся в том числе на художников классической академической направленности, художников-реалистов, и картины Петра Ивановича Петровичева внесли значительный вклад в ее развитие.

Ключевые слова: Ф.А. Коваленко, Екатеринодарская городская картинная галерея, П.И.Петровичев, периодические художественные выставки в Екатеринодаре, Краснодарский краевой художественный музей имени Ф.А. Коваленко, передвижники.

Для цитирования: *Перенижко О.А.* Из истории коллекции Екатеринодарской городской картинной галереи Ф.А. Коваленко: художественное наследие Петра Ивановича Петровичева // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 1. С. 63–77.

From the history of the collection of the Yekaterinodar City Art Gallery of F.A. Kovalenko: the artistic legacy of Peter Ivanovich Petrovichev

Perenizhko Oksana A.

Kuban State University, Krasnodar, Russia
operenizhko@mail.ru

Annotation. This article analyzes the main stages of his life and creative path, as well as the main characteristics of the distinctive artistic style of writing by the famous Russian

landscape painter Pyotr Ivanovich Petrovichev (1874–1947), a student of I.I. Levitan, a graduate of the Moscow School of Painting, Sculpture and Architecture. Based on the artist's correspondence with Kuban philanthropist Fyodor Akimovich Kovalenko, the author examines the way the main collection of the Yekaterinodar City Art Gallery was formed, as well as the educational concept of periodic exhibitions of artists from the Academy of Arts and other Russian schools in Yekaterinodar in the early twentieth century. An analysis of documents from the State Archive of the Krasnodar Territory, the Russian State Archive of Literature and Art, and sources of personal origin allows the author to conclude that the formation of the main collection of the Yekaterinodar City Art Gallery was based on F.A. Kovalenko's conscious desire to buy works by academic artists, mostly realistic in order to further educate citizens. In the 1920s and 1930s, Kuban was forming its own artistic tradition, based, among other things, on classical academic artists, realist artists, and paintings by Pyotr Ivanovich Petrovichev, among others, made a significant contribution to its development.

Key words: F.A. Kovalenko, Yekaterinodar City Art Gallery, P.I. Petrovichev, periodic art exhibitions in Yekaterinodar, Krasnodar Regional Art Museum named after F.A. Kovalenko, Peredvizhniki.

For citation: *Perenizhko Oksana A.* From the history of the collection of the Yekaterinodar City Art Gallery of F.A. Kovalenko: the artistic legacy of Peter Ivanovich Petrovichev. *Journal of the Kuban State University Historical Sciences*, 2026, no. 1, p. 63–77.

Введение

Известный кубанский меценат и коллекционер Федор Акимович Коваленко после открытия в 1904 г. Екатеринодарской городской картинной галереи на постоянной основе проводил периодические выставки художников Академии художеств и других русских школ. Общую тенденцию просвещения провинциального населения заложило, конечно же, Товарищество передвижных художественных выставок в последней трети XIX столетия, а в веке последующем это явление приобрело общероссийский масштаб. На Юге России основным художественным центром была Одесса, где не один раз проходили выставки передвижников. В маленький южный город Екатеринодар передвижники приезжали лишь единожды, и горожане не были избалованы частым просмотром произведений художников-академистов. В городе была небольшая, практически частная школа, Е.И. Пospолитак и небольшой круг любителей живописи. Тем удивительнее деятельность Федора Акимовича Коваленко, который не просто подарил городу свою коллекцию, но и разработал план просвещения городского населения, проводя дважды в год периодические выставки произведений художников академических школ, и после каждой такой выставки городская коллекция произведений изобразительного искусства пополнялась. Кубанский галерист не просто организовывал периодические выставки, но и тщательно продумывал состав участников-экспонентов, внимательно следил за успехами молодых выпускников Академии художеств, предлагая им представить свои работы екатеринодарцам.

На примере взаимодействия Ф.А. Коваленко с известным в начале прошлого столетия художником П.И. Петровичевым автор в данном исследовании нацелен показать широту связей Ф.А. Коваленко с художественным миром Российской империи и его сознательное формирование своей коллекции в Екатеринодаре работами художников академических школ.

Степень изученности данной проблемы достаточно высока, при этом большинство исследований, посвященных жизни и деятельности Петра Ивановича Петровичева принадлежат советской эпохе и при всей глубине анализа его творчества не полностью отражают этап становления художника, а также исследованы только крупные выставки, в которых он принимал участие [8, 17, 29, 38]. Сведения об участии П.И. Петровичева в выставке в Екатеринодаре отсутствуют даже в самом полном труде о художнике, включающем в себя большой блок справочной информации, личных воспоминаний и фрагментов переписки [41]. Деятельность Ф.А. Коваленко после 1990-х гг. стала часто попадать в исследовательское поле: этой теме посвящены разделы фундаментальных исследований доктора исторических наук, профессора А.Н. Еремеевой о культурной жизни Екатеринодара на рубеже веков в целом [7]; отражение эпохи в эпистолярном наследии попечителя галереи и его взаимоотношения с украинскими художниками представлено в диссертации Т.Ю. Феединой [40], также отдельные аспекты многогранной деятельности Ф.А. Коваленко отражены в материалах конференций «Коваленковские чтения». При этом стоит отметить, что проблема концепции просветительской деятельности Екатеринодарской городской картинной галереи в исследовательском поле не была еще представлена. Источниковая база данного исследования включает в себя не опубликованные прежде документы (письма, делопроизводственная документация, актовые материалы) Государственного архива Краснодарского края (ГАКК) [25, 35], Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) [4, 21, 34, 36], произведения П.И. Петровичева из фондов Краснодарского краевого художественного музея имени Ф.А. Коваленко [31–33, 37], выставочные каталоги [9–16, 26–28, 42], рецензии в журналах и газетах [1–3, 5, 6, 18–20, 24], а также опубликованные воспоминания [22, 23, 41].

Основная часть

Петр Иванович Петровичев родился 6 декабря 1874 г. в российской глубинке в многодетной семье. В автобиографии он так вспоминал о своих ранних годах: «Я родился в Ярославской губернии близ города Ростова Ростовского уезда, в семье крестьянина-огородника. С детства воспитывался в крестьянской среде и работал, как полагается по крестьянству» [23, с. 379]. Маленький Петр рос скромным и застенчивым ребенком и все свое свободное время посвящал своим художественным

экспериментам: «Все ворота, заборы, стены – все было раскрашено углем: где лошадь нарисую, где корову или какой-нибудь пейзаж – одним словом все, что приходило в голову. Мне за это от родителей попадало, но я все-таки не бросал этого занятия» [23, с. 380]. Стоит отметить, что сопротивление родителей художественным устремлениям сына было не просто сугубо патриархальным запретом, но и имело под собой вполне практическую основу – если бы сын уехал учиться, то семья лишилась бы части земельного надела, что значительно усложняло жизнь многодетного крестьянина. Но удивительна реакция сельского общества – деревенский мирской сход деревни Высоково Никоновского общества Угодичетской волости Ростовского уезда Ярославской губернии постановил отправить учиться талантливого юношу за счет общины [17, с. 8].

Отец принял решение общины, рассудив решительно: «Действительно, из тебя крестьянина не выйдет, будешь богомазом» [23, с. 380]. Но поступить учиться в иконописные мастерские Ростова подростку было сложно, так как обучение начиналось с детского возраста, поэтому юношу определили учеником-реставратором при музее церковных древностей и поселили в одной из башен Ростовского Кремля. С этого времени начался этап самообразования будущего художника – он изучал иконописные техники по древним иконам, поновлял их по необходимости, помогал восстанавливать фрески. Спустя три года жизнь Петра Петровичева резко изменилась – в Ростов изучать памятники древнерусской архитектуры приехал известный художник-баталист Василий Васильевич Верещагин. Пётр Петровичев так вспоминал судьбоносную встречу: «Я сидел и работал в мастерской, вдруг открывается дверь и входит человек невысокого роста, с большой бородой с проседью, очень симпатичный на вид. ... Он подошел ко мне и спросил: Что делаете? – Занимаюсь искусством. Я как раз рисовал какого-то преподобного, кажется Александра Свирского... А это ты откуда взял? – из подлинника Строганова. – А пейзаж? – Это я из окна взял. Это ростовское озеро, а это стены Кремля». – Это хорошо, только нехорошо, что слишком много разделяете кирпичи. Я сам немножко порисовываю. Вот вы мне нарисуйте этот пейзажик, который перед окнами, старую башню и покажите мне, я тут недалеко остановился, в Никольской слободе» [41, с. 34]. Василий Верещагин сразу разгадал талант в простом деревенском парне, почувствовал его горячее стремление к обучению живописи и предложил свои рекомендации. Так, в 1892 г. Петр Иванович Петровичев был принят на живописное отделение московского Училища живописи, ваяния и зодчества.

Обучение в училище сопровождалось определёнными сложностями, прежде всего у молодого художника отсутствовали необходимые знания по общеобразовательным предметам – «наукам» – поэтому приходилось все свободное время тратить на их постижение. При этом хлопотами В.В. Верещагина и мецената князя В.Н. Гагарина ему было оплачено лишь обучение в училище, а пропитание и жизненно необходимые траты

требовали постоянной подработки. Вот здесь игодились навыки, полученные в Ростове Великом, – Петр Петрович реставрировал старинные иконы и восстанавливал фрески московских храмов. Но не только трудности наполняли жизнь молодого художника, еще одним из важных жизненных увлечений стало посещение выставок. В первый же год своего обучения он посмотрел XII периодическую выставку Московского общества любителей художеств, где произошла его первая встреча с пейзажами И.И. Левитана – его будущего педагога и наставника.

Москва в конце XIX столетия была наполнена художественными событиями, не нужно было ездить за границу, чтобы знакомиться с последними достижениями европейского искусства. В декабре 1896 г. в Историческом музее открылась Французская художественная выставка, оказавшая значительное влияние на художественную манеру формирующегося художника. Впечатленный новыми методами художников-пуантилистов, Петр Иванович тотчас же принялся реализовывать эти идеи и в своем творчестве, чем немало удивил Исаака Ильича Левитана, придя к нему в мастерскую учеником. «Вы знаете, мы с вами русские художники, давайте писать по-русски, и он меня начал по-настоящему писать», – вспоминал впоследствии художник [41, с. 34]. Влияние знаменитого русского пейзажиста на Петра Петровича было невероятно велико, по сути, он и научил за короткое время своего руководства мастерской замечать все тонкости русской природы и переносить свои чувства и эмоции на холст. И.И. Левитан предостерегал своих учеников от поверхностного отношения к делу и простого копирования натуры, он учил их выявлять в природе саму суть, ее характерные черты. Под руководством Исаака Ильича юный художник создал свое первое серьезное талантливое произведение «Сараи в сумерках», высоко оцененное еще одним признанным художником-современником В.А. Серовым, уловившим сиюминутное настроение – «А сарайчики то спят» [17, с. 22].

Почти все ученики И.И. Левитана активно участвовали в ученических выставках, которые ежегодно устраивались в Училище живописи, ваяния и зодчества, он учил своих воспитанников работать быстро и не бояться показывать результат публике. Этот навык Петр Иванович Петрович усвоил, и его выставочная деятельность будет очень плодотворной на протяжении всей жизни. По мнению В.П. Лапшина, «начало нового XX столетия для Петровичева стало временем, когда его имя и творчество с каждым годом все прочнее утверждали себя в современном искусстве. В 1900 г. его произведения можно было встретить на многих московских выставках, общее количество работ превысило 40, что было подтверждением несомненного успеха художника [41, с. 15].

После внезапной смерти И.И. Левитана пейзажную мастерскую возглавил его добрый товарищ, известный художник Виктор Михайлович Васнецов. Методы преподавания и творческие приемы художников

различались, но требовательность к делу, профессионализм и любовь к родной природе их объединяли. Под руководством В.М. Васнецова творческая манера Петра Ивановича Петровича получила дополнительную огранку и была сформирована окончательно. Его юношеский реставрационный опыт, знание иконописных приемов, левитановская идея лирического русского пейзажа соединились с васнецовским умением изображать древнерусскую архитектуру и сформировали собственный почерк художника. В дальнейшем Петр Иванович Петровичев создаст целые серии проникновенных пейзажей и архитектурных зарисовок родного Ростова Великого, Троице-Сергиевой лавры, Владимира, Костромы и других старинных городов.

Настоящим большим успехом для Петра Ивановича Петровичева можно считать участие впервые в 1901 г. в XXIX выставке Товарищества передвижников. Художник органично вписался в ряд именитых художников из Москвы – А.Е. Архипова, В.И. Сурикова, А.М. Васнецова, М.В. Нестерова и др., подтверждая свою привязанность «московской школе». Работы П.И. Петровичева отмечали газета «Новое время», «Петербургская газета», журналы «Мир искусства» и «Театр и искусство», подчеркивая оригинальность его произведений [41, с. 48–49]. С 1906 г. Петр Иванович станет членом Товарищества передвижников и постоянным участником выставок общества уже по всей России.

В марте 1902 г. Петр Иванович Петровичев принял участие в IV выставке журнала «Мир искусства», имевшей для молодого художника принципиальное значение, так как на ней экспонировались произведения известных художников-новаторов – М.А. Врубеля, К.А. Сомова, А. Я. Головина, И.Э. Грабаря, К.А. Коровина и др. Из семи представленных живописных работ картина «После дождя» была приобретена в галерею братьев Третьяковых и воспроизведена в журнале «Мир искусства» [24, с. 298]. В том же году начинающего художника отметил в своем обобщающем труде о современном искусстве знаменитый русский искусствовед и художник А.Н. Бенуа «История русской живописи в XIX в.»: «Вполне русскими художниками можно назвать и ...скромных, но очень искренних и милых пейзажистов – наследников Левитана: Виноградова, Аладжалова, Мамонтова, Петровичева, Жуковского, Кузнецова. Все они не только пишут русскую природу, русскую жизнь, но и понимают их, влюблены в них, все тронуты ими. Это небольшие, но очень симпатичные, здоровые, славные художники, создания которых будут так цениться со временем, как и бесчисленные и милые "маленькие голландцы"» [2, с. 382].

Увлеченность свежими художественными идеями была характерна для Петра Ивановича Петровичева и в 1903 г., он не участвовал в выставке передвижников, но выставил свои работы на V Выставке картин журнала «Мир искусства», а его картина «Сумерки» была вновь воспроизведена в обзоре выставок в журнале. В том же году он окончательно завершил обучение в Училище и получил Большую серебряную медаль за пейзаж

«Март» («Весенняя дорога»), а также диплом о звании классного художника [17, с. 30; 42, с.51–52].

Вступив окончательно во взрослую жизнь, художник много и с упоением работает, выезжает на пленэры в Подмосковье и родные края, пишет пригороды Ростова Великого, не пропускает возможности показать свои произведения публике. Он продолжил сотрудничество с журналом «Мир искусства», в 1906 г. в числе многих русских художников принял участие в организованной С.П. Дягилевым выставке русского искусства в Париже и получил похвальные отзывы во французской прессе [42, с. 52]. В то же время его верность русскому лирическому пейзажу и древнерусской архитектуре вернули его к передвижникам и активному участию в выставках. В 1910 г. на XXXVIII выставке он представит несколько десятков произведений станковой живописи и эскизов декоративных панно [13].

Но в жизни Петра Ивановича в эти годы появилось еще одно объединение – «Союз русских художников», чьи стремления, с одной стороны, к новаторству, а с другой – к сохранению уникальности русского искусства он разделял, а поэтому стал выставлять свои произведения и на выставках Союза. Формализованность и однотипность творческих сюжетов и приёмов передвижников не давала возможности раскрыться полностью таланту Петровичева, хотя он и оставался преданным почитателем их вклада в развитие русского искусства. Но художник приобретал свой опыт, со временем у него сформировался собственный почерк, в основе которого была прежде всего любовь к родной природе и архитектуре как ее неотделимой части. Изменились и изобразительные приемы пейзажиста, значительно обогатившие колорит чистым звучанием цвета. Мелкими плотными мазками он заполнял пространство холста, формируя практически осязаемую выпуклость формы предметов, добавляя эффект мозаичности и актуальной в то время декоративности своим произведениям.

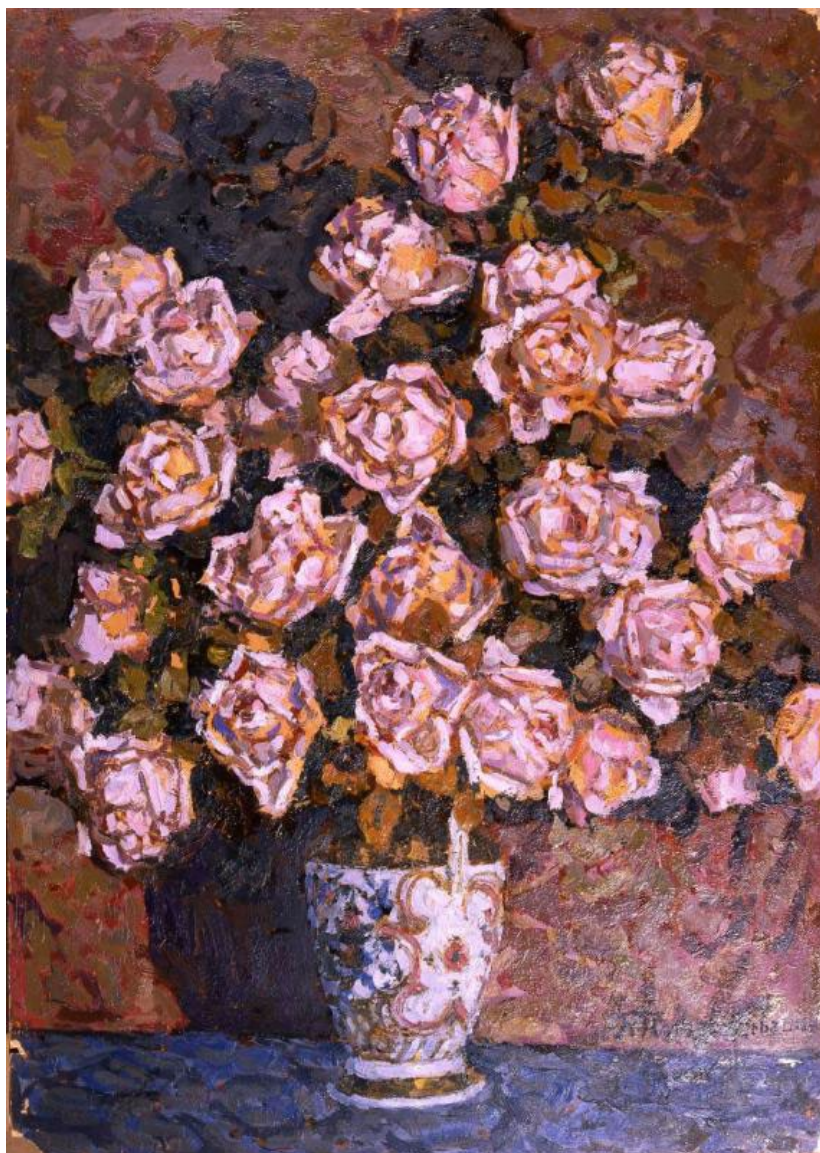
Таким образом, мы видим, что Петр Иванович Петровичев к 1916 г. – это известный русский художник как в нашей стране, так и за рубежом, опытный экспонент многочисленных выставок, самостоятельный художник, думающий, переживающий за судьбу русского искусства, поэтому и входивший в разные годы в общественные художественные объединения. В 1916 г. Федор Акимович Коваленко отправляет ему приглашение принять участие в Юбилейной XV Периодической выставке картин художников Императорской академии художеств и других русских школ (13 марта – 13 апреля 1916 г.) [18] и тем самым внести свой вклад в образование и просвещение провинциальной публики. Петр Иванович отправил в Екатеринодар 6 своих работ: «Базар в Алушке», «Крымские розы», «Сосновый лес», «Летние сумерки», «Чайные розы» и «Гора Бештау», оценив их по сниженному коэффициенту, так как понимал, что покупательская способность горожан ниже, чем в столице [35, л.174]. Ф.А. Коваленко, стремившийся регулярно пополнять городскую коллекцию

произведениями известных русских художников, но крайне стесненный в деньгах, так как средств на развитие Картинной галереи в военные годы выделяли крайне скудно, обратился с просьбой, на первый взгляд некорректной, о покупке картин с еще более значительной уступкой. Осознавая невыгодность данной сделки, Петр Иванович Петровичев делает для кубанского мецената исключение – в письме от 29 июня 1916 г. он так обосновывает свое решение: «Ценя Ваши заслуги перед обществом, как очень гуманного и симпатичного человека, каких у нас немного после Павла Михайловича Третьякова и поэтому согласен на Ваше предложение ... Пусть останутся в Вашей уважаемой галерее...» [35, л.173, 173 об].



Петровичев П.И. Розы. 1913. Картон, масло. 70 х 52. ККХМ.
Номер в Госкаталоге 3515963

Так, в 1916 г. три картины – «Базар в Алушке», «Крымские розы», «Чайные розы» – дополнили коллекцию академических произведений Художественной галереи в Екатеринодаре. После всех потрясений Гражданской войны, ограбления Галереи следы картины «Базар в Алушке» были утеряны, но два букета прекрасных роз по-прежнему в коллекции Краснодарского краевого художественного музея имени Ф.А. Коваленко.



Петрови́чев П.И. Чайные розы. 1916. Картон, масло. 54 х 52. ККХМ.
Номер в Госкаталоге 3515970

В 1917 г. Петр Иванович Петрови́чев решил подвести итог 25-летию творческой своей деятельности и начал готовиться к этому заранее. В апреле, несмотря на политические и социальные потрясения, был заключен договор аренды помещений «с отоплением и электрическим освещением» с Клавдией Ивановной Михайловой, хозяйкой художественного салона в Москве на Б. Дмитровке, 17 [4, л.1]. В самый сложный месяц 1917 г. – октябрь – открылась персональная выставка произведений художника, на которой, согласно каталогу, было представлено 256 работ [35, 36]. Несмотря на то что события этого года были очень далеки от лирического русского пейзажа, выставка вызвала много откликов у публики и прессы, о ней писали на первых полосах газет «Русское слово» и «Утро России» [3, 20], отмечая творческое постоянство и цельность художника. Критик Н.Ф. Барановский (Н. Лаврский) из газеты «Раннее утро» писал: «В творчестве П.И. Петрови́чева, работающего более 20 лет, нет ни срывов, ни

отклонений от намеренных им путей. Он, как и большинство русских художников, медленно, но неуклонно освобождается от традиций передвижников, но все же не сделался импрессионистом, как многие его современники. В нем есть лицо... Влюбленный в русский пейзаж, в старые провинциальные городки с монастырями и церквами, он, однако, не ищет в картине только построение, но и стремится выявить живописную красоту. ... В его творчестве мы находим выполнение заветов лучших мастеров русского пейзажа, и одно уже это не позволяет нам пройти мимо его работ» [19, с.232].

Символично, что персональная выставка произведений художника совпала с грандиозными потрясениями октября-ноября 1917 г. в нашей стране, художник как бы подвел определенную черту своей деятельности и продолжил путь, оставаясь верным своим принципам и в советское время. В первые два года после революции Петр Иванович внес большой вклад в сохранение исторического наследия, работая в Комиссии по охране памятников искусства и старины при Моссовете. По-прежнему он много путешествовал по стране, зарисовывая древние памятники, а также интерьеры отдельных церквей и монастырей.

В трудные годы Гражданской войны и восстановления хозяйства после нее молодое советское государство стремилось активно принимать участие в международных художественных выставках, преследуя две важные цели: во первых, показать серьезность государственных намерений, подчеркнуть преемственность художественной традиции с дореволюционным русским искусством и принадлежность к глубинам русского искусства, а во-вторых, пополнить государственный бюджет, прежде всего для оказания помощи голодающим, поэтому стремились вывозить произведения действительно талантливых и признанных художников. Работы Петра Ивановича Петровича с 1922 г. неизменно участвуют в заграничных выставках – на Первой выставке русского искусства в Берлине был выставлен его «Пейзаж», в 1924 г. в Нью-Йорке на Выставке русского искусства – 11 произведений, также его произведения представляли русское искусство в США в 1925 и 1926 гг. [41, с.70–71].

В годы индустриализации художник часто выезжал в многочисленные командировки на Волгу, в Новосибирск, Кемерово, Новокузнецк, Среднюю Азию и на Донбасс, в результате которых появились большие панорамные произведения, изображающие порт, виды Мариуполя, завод «Азовсталь» [34].

Петр Иванович Петровичев проявил свои таланты и в педагогической деятельности, он преподавал живопись и рисунок в собственной студии в Москве в 1924–1930 гг., а также в Московском областном художественном училище памяти 1905 года в 1937–1943 гг., был горячо любим своими учениками.

Во время Великой Отечественной войны художнику предложили эвакуироваться, но он категорически отказался, так как «весь его выпускной

курс ушел на фронт. Ученики с фронта писали письма, а приезжая с фронта, приходили к нам в дом...» [41, с. 76]. Петр Иванович Петровичев, несмотря на свой преклонный возраст также принимал участие в возведении оборонных укреплений вокруг Москвы, копал рвы и строил заграждения.

В первый послевоенный год в Москве в Центральном доме работников искусства была открыта персональная выставка произведений П.И. Петровичева, посвященная 50-летию его творческой деятельности, вызвавшая живой интерес как со стороны профессионального сообщества, так и среди населения [26]. В 1947 г. Петр Иванович Петровичев завершил свой земной путь, но его произведения продолжают жить во многих музеях нашей страны.

Заключение

Подводя итог исследованию, можем сделать вывод, что художник Петр Иванович Петровичев внес значительный вклад в развитие живописной манеры лирического пейзажа после И.И. Левитана, а также повлиял на становление советской пейзажной живописи. На своем жизненном и творческом пути он не пересекался напрямую с Екатеринодаром, и если бы не осознанное горячее желание Федора Акимовича Коваленко пополнять городскую коллекцию произведениями талантливых выпускников Академии художеств, то самобытные работы художника, возможно, не украшали бы стены Краснодарского краевого художественного музея. Уже после смерти кубанского мецената в 1925 г. в музей поступило из общего музейного фонда еще одно произведение П.И. Петровичева – картина «Осень». Высокий профессионализм и самостоятельный художественный язык пейзажиста, ярко отраженные в его произведениях, повлияли в том числе и на формирование самостоятельной художественной школы в последующем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенуа А. О наших выставках // Мир искусства. М., 1904. Т.2. Вып.1–3.
2. Бенуа А.Н. История русской живописи в XIX веке. М.: Республика, 1995. 448 с.
3. Глаголь С. Выставка картин художника Петровичева // Утро России. 1917. 11 окт.
4. Договор между П.И. Петровичевым и К.И. Михайловой о сдаче помещения под выставку П.И. Петровичева. (20 апреля 1917) // Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 830. Оп.1. Д. 7.
5. Дягилев С. Выставка союза русских художников в Москве // Мир искусства. 1904. №1.
6. Дягилев С. Выставки // Мир искусства. 1901. №2 – 3. 132 с.
7. Еремеева А.Н. Культурная жизнь Кубани в XX веке. Краснодар: Изд. Платонов И., 2013. 160 с.
8. Есин С. Певец русской природы. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1964. 28 с.

9. Каталог XX периодической выставки картин Московского общества любителей художеств. М., 1900.
10. Каталог XXX передвижной выставки картин Товарищества передвижных художественных выставок. СПб.: Печатня Р. Голике, 1902. 24 с.
11. Каталог XXXII передвижной выставки картин Товарищества передвижных художественных выставок. СПб.: Товарищество Р.Голике и А.Вильборг, 1904. 29 с.
12. Каталог XXXIX передвижной выставки картин Товарищества передвижных художественных выставок. М.: Типография товарищества И.Н. Кушнарев и К, 1911. 20 с.
13. Каталог XXXVIII передвижной выставки картин Товарищества передвижных художественных выставок. М.: Типография товарищества И.Н. Кушнарев и К, 1909. 19 с.
14. Каталог выставки художника Петра Ивановича Петровичева. М.: Типография журнала «Автомобилист», 1917. 16 с.
15. Каталог Пятой художественной выставки журнала «Мир искусства». СПб.: Типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1903. 19 с.
16. Каталог Четвертой выставки картин журнала «Мир искусства». СПб., 1902. 16 с.
17. Круглый И. А. Петр Иванович Петровичев. Л.: Художник РСФСР, 1975. 147 с.
18. Кубанские областные ведомости. 1916. 19 марта.
19. Лаврский Н. (Барановский Н.Ф.). Выставка картин П.П. Петровичева // Раннее утро. 1917, 11 окт. № 232.
20. Липкин Б. Выставка картин П. Петровичева // Свобода. 1917. 23 окт. №25.
21. Личное дело Петровичева (Кузьмичева) // РГАЛИ. Ф. 680. Оп.2. Д. 1191.
22. Лобанов В.М. Кануны. Из художественной жизни Москвы в предреволюционные годы. М.: Советский художник, 1968. 296 с.
23. Мастера советского изобразительного искусства. Произведения и автобиографические очерки. Живопись / сост. П.М. Сысоев, В.А. Шкваринов. М: Искусство, 1951. 603 с.
24. Мир искусства. СПб.: Типография Санкт-Петербургского общества Слово, 1902. № 5–6.
25. Отчеты о периодических выставках картин в Екатеринодаре (1905–1917) // Государственной архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф.796. Оп.1. Д. 2.
26. П.И. Петровичев. Каталог выставки. М.: Типография Полиграфинститута, 1946. 16 с.
27. Петр Иванович Петровичев (1874–1947). Каталог выставки. М.: Типография издательства «Советский художник», 1959.
28. Петр Иванович Петровичев и Леонард Викторович Туржанский. Каталог. М.: Издательство Академии художеств СССР, 1960. 16 с.
29. Петр Иванович Петровичев. О жизни и творчестве художника / сост. В.В. Руднев. М.: Изобразительное искусство, 1979. 143 с.
30. Петровичев П.И. Осень. Б.д. Холст, масло. 42х68. ККХМ. Номер в Госкаталоге – 3516189.
31. Петровичев П.И. После дождя. 1901. Холст, масло. 51,2 х 71,2. ГТГ. Номер в Госкаталоге 4877491.
32. Петровичев П.И. Розы. 1913. Картон, масло. 70 х 52. ККХМ. Номер в Госкаталоге 3515963.
33. Петровичев П.И. Чайные розы. 1916. Картон, масло. 54 х 52. ККХМ. Номер в Госкаталоге 3515970.
34. Письма из Всехудожника и ЦК РАБИСа Петровичеву Петру Ивановичу (1930) // РГАЛИ. Ф. 830. Оп.1. Д. 1.
35. Письма художников (Н-Р) // ГАКК. Ф.796. Оп.1. Д. 14.

36. Пригласительный билет на выставку картин П.И. Петровичева (7 октября 1917) // РГАЛИ. Ф. 830. Оп.1. Д. 8.
37. Русское искусство первой трети XX века: каталог / Краснодар. краев. худож. музей им. Ф.А. Коваленко; науч. ред. И.И. Ващенко, Ю.А. Солодовников. Самара: Издательство ООО «СамЛюксПринт», 2011. 336 с.
38. Тарасов Л. Петр Иванович Петровичев (1874–1947). М.: Искусство, 1951. 32 с.
39. Тютин С.Е. Произведения П.И. Петровичева на выставках 1898–1923 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2014. №10. Ч.1. С.170–176
40. Федина Т.Ю. Ф.А. Коваленко в культурной жизни Кубани конца XIX – начала XX в.: дис...канд. ист. наук Краснодар, 2005. 170 с.
41. Художник Петр Иванович Петровичев. 1874–1947. Сборник материалов и каталог выставки / сост. В.П.Лапшин. М., 1988. 218 с.
42. Юбилейная XV Периодическая выставка картин художников императорской Академии художеств и других русских школ (13 марта – 13 апреля 1916). Каталог. Екатеринодар: Печатное искусство, 1916. 16 с.

REFERENCES

1. Benua A. O nashikh vystavkakh[About our exhibitions]. InMir iskusstva. T.2. Vyp.1-3. 1904(in Russian).
2. Benua A.N. Istoriia russkoi zhivopisi v XIX veke [The history of Russian painting in the 19th century]. Moskva: Respublika,1995. 448 p. (in Russian).
3. Glagol S. Vystavka kartin khudozhnika Petrovicheva[Exhibition of paintings by the artist Petrovichev]. In Utro Rossii. 1917. 11 oktiabria (in Russian).
4. Dogovor mezhdu P.I. Petrovichevym i K.I. Mikhailovoi o sdache pomeshcheniia pod vystavku P.I. Petrovicheva. (20 apreliia 1917) [The agreement between P.I. Petrovichev and K.I. Mikhailova on the lease of premises for the exhibition of P.I. Petrovichev. (April 20, 1917)].Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI), f. 830, op.1, d. 7 (in Russian).
5. Diagilev S. Vystavka soiuza russkikh khudozhnikov v Moskve[Exhibition of the Union of Russian Artists in Moscow]. InMir iskusstva. №1. 1904 (in Russian).
6. Diagilev S. Vystavki[Exhibitions].InMir iskusstva. 1901. №2–3. 132 p.(in Russian).
7. Eremeeva A.N. Kulturnaia zhizn Kubani v XX veke [Cultural life of Kuban in the twentieth century]. Krasnodar: Izd. Platonov I., 2013. 160 p.(in Russian).
8. Esin S. Pevets russkoi prirody [The singer of Russian nature]. Iaroslavl: Verkhne-Volzhscoe knizhnoe izdatelstvo, 1964. 28 p.(in Russian).
9. Katalog XX periodicheskoi vystavki kartin Moskovskogo obshchestva liubitelei khudozhestv[Catalog of the XX periodic exhibition of paintings by the Moscow Society of Art Lovers]. Moskva, 1900 (in Russian).
10. Katalog XXX peredvizhnoi vystavki kartin Tovarishchestva peredvizhnykh khudozhestvennykh vystavok [Catalog of the XXX traveling exhibition of paintings of the Association of Traveling Art Exhibitions]. Sankt-Peterburg: pechatnia R. Golike, 1902. 24 p. (in Russian).
11. Katalog XXXII peredvizhnoi vystavki kartin Tovarishchestva peredvizhnykh khudozhestvennykh vystavok[Catalog of the XXXII traveling exhibition of paintings of the Association of Traveling Art Exhibitions]. Sankt-Peterburg: t-vo R.Golike i A.Vilborg, 1904. 29 p. (in Russian).
12. Katalog XXXIX peredvizhnoi vystavki kartin Tovarishchestva peredvizhnykh khudozhestvennykh vystavok[Catalog of the XXXIX traveling exhibition of paintings of the

Association of Traveling Art Exhibitions]. Moskva: Tip. T-va I.N. Kushnarev i K, 1911. 20 p. (in Russian).

13. Katalog XXXVIII peredvizhnoi vystavki kartin Tovarishchestva peredvizhnykh khudozhestvennykh vystavok [Catalog of the XXXVIII traveling exhibition of paintings of the Association of Traveling Art Exhibitions]. Moskva: Tip. T-va I.N. Kushnarev i K, 1909. 19 p. (in Russian).

14. Katalog vystavki khudozhnika Petra Ivanovicha Petrovicheva [Exhibition catalog of the artist Pyotr Ivanovich Petrovichev]. Moskva: Tipografiia zhurnala «Avtomobilist», 1917. 16 p. (in Russian).

15. Katalog Piatoi khudozhestvennoi vystavki zhurnala «Mir iskusstva» [Catalog of the Fifth art exhibition of the Mir Iskusstvo magazine]. Sankt-Peterburg: tip. F. Vaisberga i P. Gershunina, 1903. 19 p. (in Russian).

16. Katalog Chetvertoi vystavki kartin zhurnala «Mir iskusstva» [Catalog of the Fourth exhibition of paintings by Mir Iskusstvo magazine]. Sankt-Peterburg, 1902. 16 p. (in Russian).

17. Kruglyi I. A. Petr Ivanovich Petrovichev [Peter Ivanovich Petrovichev]. Leningrad: Khudozhnik RSFSR, 1975. 147 p. (in Russian).

18. Kubanskie oblastnye vedomosti [Kuban regional Gazette]. 1916. 19 marta (in Russian).

19. Lavrskii N. (Baranovskii N.F.). Vystavka kartin P.P. Petrovicheva [Exhibition of paintings by P.P. Petrovichev]. In Rannee utro. 1917, 11 oktiabria. № 232. (in Russian).

20. Lipkin B. Vystavka kartin P. Petrovicheva [Exhibition of paintings by P. Petrovichev] In Svoboda. 1917. 23 oktiabria. № 25. (in Russian).

21. Lichnoe delo Petrovicheva (Kuzmicheva) [Petrovichev's (Kuzmichev's) personal file]. RGALI, f. 680, op.2, d. 1191 (in Russian).

22. Lobanov V.M. Kanuny. Iz khudozhestvennoi zhizni Moskvy v predrevoliutsionnye gody [The eve. From the artistic life of Moscow in the pre-revolutionary years]. Moskva: Sovetskii khudozhnik, 1968. 296 s. (in Russian).

23. Mastera sovetskogo izobrazitelnogo iskusstva. Proizvedeniia i avtobiograficheskie ocherki. Zhivopis [Masters of Soviet fine art. Works and autobiographical essays. Painting]. Sost. P.M. Sysoev, V.A. Shkvarikov. Moskva: Iskusstvo, 1951. 603 p. (in Russian).

24. Mir iskusstva [The Art world]. Sankt-Peterburg: Tip. Spb. Obshch. Slovo, 1902. № 5–6. (in Russian).

25. Otchety o periodicheskikh vystavkakh kartin v Ekaterinodare (1905–1917) [Reports on periodic exhibitions of paintings in Yekaterinodar (1905–1917)]. In Gosudarstvennoi arkhiv Krasnodarskogo kraia (GAKK). F.796. Op.1. D. 2. 143 s. (in Russian).

26. P.I. Petrovichev. Katalog vystavki [P.I. Petrovichev. Exhibition catalog]. Moskva: Tipografiia Poligrafinstituta, 1946. 16 p. (in Russian).

27. Petr Ivanovich Petrovichev (1874–1947). Katalog vystavki [Peter Ivanovich Petrovichev (1874–1947). Exhibition catalog]. Moskva: Tipografiia izdatelstva «Sovetskii khudozhnik», 1959 (in Russian).

28. Petr Ivanovich Petrovichev i Leonard Viktorovich Turzhanskii [Peter Ivanovich Petrovichev and Leonard Viktorovich Turzhansky]. Katalog. Moskva: Izdatelstvo Akademii khudozhestv SSSR, 1960. 16 p. (in Russian).

29. Petr Ivanovich Petrovichev. O zhizni i tvorchestve khudozhnika [Peter Ivanovich Petrovichev. About the artist's life and work]. /Sost. V.V. Rudnev. Moskva: Izobrazitelnoe iskusstvo, 1979. 143 p. (in Russian).

30. Petrovichev P.I. Osen. [Autumn]. B.d. Kholst, maslo. 42kh68. KKKhM. Nomer v Goscataloge – 3516189 (in Russian).

31. Petrovichev P.I. Posle dozhdia. [After the rain]. 1901. Kholst, maslo. 51,2kh71,2. GTG. Nomer v Goscataloge – 4877491 (in Russian).

32. Petrovichev P.I. Rozy [Roses]. 1913. Karton, maslo. 70kh52. KKKhM. Nomer v Goscataloge – 3515963 (in Russian).
33. Petrovichev P.I. Chainye rozy [Tea Roses]. 1916. Karton, maslo. 54kh52. KKKhM. Nomer v Goscataloge – 3515970 (in Russian).
34. Pisma iz Vsekhudozhnika i TsK RABISa Petrovichevu Petru Ivanovichu (1930) [Letters from the All-Artist and the Central Committee of RABIS Petrovich to Peter Ivanovich (1930)]. RGALI, f. 830, op.1, d. 1 (in Russian).
35. Pisma khudozhnikov (N-R) [Letters from artists]. Gosudarstvennoi arkhiv Krasnodarskogo kraia (GAKK), f. 796, op., d. 14 (in Russian).
36. Priglasitelnyi bilet na vystavku kartin P.I. Petrovicheva (7 oktiabria 1917) [Invitation card to the exhibition of paintings by P.I. Petrovichev (October 7, 1917)] // Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI). F. 830. Op.1. D. 8. 1 l. (in Russian).
37. Russkoe iskusstvo pervoi treti KhKh veka: catalog [Russian art of the first third of the twentieth century: catalog]. Krasnod. kraev. khudozh. muzei im. F.A. Kovalenko; nauch. red. I.I. Vashchenko, Iu.A. Solodovnikov. Samara: izdatelstvo OOO «SamLiuksPrint», 2011. 336 p. (in Russian).
38. Tarasov L. Petr Ivanovich Petrovichev (1874–1947) [Peter Ivanovich Petrovichev (1874–1947)]. Moskva: Iskusstvo, 1951. 32 p. (in Russian).
39. Tiutina S.E. Proizvedeniia P.I. Petrovicheva na vystavkakh 1898 – 1923 gg. [Works by P.I. Petrovichev at exhibitions in 1898-1923]. In Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kulturologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Gramota, 2014, № 10, ch. 1, pp.170–176 (in Russian).
40. Fedina T.Iu. F.A. Kovalenko v kulturnoi zhizni Kubani kontsa XIX – nachala KhKh v. [F.A. Kovalenko in the cultural life of Kuban in the late 19th – early 20th century]: dissertatsiia ... kandidata istoricheskikh nauk: 24.00.01. Krasnodar, 2005. 170 p. (in Russian).
41. Khudozhnik Petr Ivanovich Petrovichev. 1874–1947. Sbornik materialov i katalog vystavki. [The artist Peter Ivanovich Petrovichev. 1874–1947. Collection of materials and exhibition catalog]. Sost. V.P.Lapshin. 1988. 218 p. (in Russian).
42. Iubileinaia XV PeriodicheskaiavystavkakartinkhudozhnikovimperatorskoiAkademiikhudozhestvidrugikhrusskikhshkol (13 marta-13 apreliia 1916). Katalog. [Jubilee XV Periodic exhibition of paintings by artists of the Imperial Academy of Arts and other Russian schools (March 13-April 13, 1916). Catalog]. Ekaterinodar: Pechatnoeiskusstvo, 1916. 16 p. (in Russian).

Сведения об авторе

Перенижко Оксана Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040, г. Краснодар, Российская Федерация, operenizhko@mail.ru.

About the Author

Perenizhko Oksana Alekseevna, Candidate of Historical Sciences, Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Oriental Studies, Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, 350040, Krasnodar, Russian Federation, operenizhko@mail.ru.

Советская региональная медицина в начале 1920-х гг.:
проблемы и перспективы развития
(на примере Кубано-Черноморской области)

Яхутль Юрий Асланбиевич

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
a075ca@yandex.ru

Диривянкина Мария Сергеевна

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
dirivyankina@mail.ru

Аннотация. Авторы статьи предприняли попытку рассмотреть начальный этап восстановления и одновременного реформирования системы здравоохранения в 1920–1921 гг. на территории Кубано-Черноморской области. Мероприятия большевиков в социальной сфере были наиболее значимыми в контексте реализации классовых принципов во внутренней политике. Государственная стратегия РКП(б) в сфере медицинского обслуживания населения основывалась на принципах доступности и бесплатности, закреплённых в первых декретах СНК РСФСР. Изучение регионального опыта реализации значимых социальных практик представляет научный интерес для анализа и формирования современной политики в сфере здравоохранения. В статье представлен анализ мероприятий Кубано-Черноморского Областного революционного комитета, направленных на организацию первичной медицинской помощи населению и профилактических мероприятий по предотвращению эпидемий. На основе неопубликованных архивных документов Государственного архива Краснодарского края установлено несоответствие между декларируемыми идеями всеобъемлющей медицинской помощи и финансовыми и кадровыми возможностями её осуществления. Отмечено, что формирование системы здравоохранения, регламентация её деятельности на Кубани и Черноморье, как в целом по стране, было осуществлено на доминировании государственной собственности и ограничении частной практики. В условиях активного использования политики военного коммунизма на территории региона с апреля 1920 г. по осень 1921 г. в сфере здравоохранения применялись методы трудовой мобилизации.

Ключевые слова: Кубань и Черноморье, здравоохранение, медицинское обслуживание, государственная политика, эпидемии.

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда и за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20096, <https://rscf.ru/project/24-18-20096/>.

Для цитирования: Яхутль Ю.А., Диривянкина М.С. Советская региональная медицина в начале 1920-х гг.: проблемы и перспективы развития (на примере Кубано-Черноморской области) // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 1. С. 78–91.

Soviet regional medicine in the early 1920s: problems and prospects of development (on the example of the Kuban-Black Sea region)

Yakhutl Yuri A.

Kuban State University, Krasnodar, Russia
a075ca@yandex.ru

Dirivyankina Maria S.

Kuban State University, Krasnodar, Russia
dirivyankina@mail.ru

Abstract. The authors of the article attempted to consider the initial stage of restoration and simultaneous reform of the healthcare system in 1920-1921 in the territory of the Kuban-Black Sea region. The Bolsheviks' social activities were most significant in the context of the implementation of class principles in domestic politics. The state strategy of the Russian Communist Party (b) in the field of medical care for the population was based on the principles of accessibility and free of charge, enshrined in the first decrees of the Council of People's Commissars of the RSFSR. The study of regional experience in the implementation of significant social practices is of scientific interest for the analysis and formation of modern health policy. The article presents an analysis of the activities of the Kuban-Black Sea Regional Revolutionary Committee aimed at organizing primary medical care for the population and preventive measures to prevent epidemics. Based on unpublished archival documents from the State Archive of the Krasnodar Territory a discrepancy has been established between the declared ideas of comprehensive medical care and the financial and personnel capabilities of its implementation. It is noted that the formation of the healthcare system, the regulation of its activities in the Kuban and the Black Sea region, as in the whole country, was carried out on the dominance of state ownership and the restriction of private practice. In the context of the active use of the policy of war communism in the region from April 1920 to autumn 1921, methods of labor mobilization were used in the field of healthcare.

Key words: Kuban and the Black Sea region, healthcare, medical care, public policy, epidemics.

Funding: The study was carried out with the financial support of the Kuban Science Foundation and a grant from the Russian Science Foundation within the framework of project No. 24-18-20096, <https://rscf.ru/project/24-18-20096/>.

For citation: *Yakhutl Yuri A., Dirivyankina Maria S.* Soviet regional medicine in the early 1920s: problems and prospects of development (on the example of the Kuban-Black Sea region). Journal of the Kuban State University Historical Sciences, 2026, no. 1, p. 78–91.

Введение

В XX в. произошли значительные изменения в развитии человеческой цивилизации, в том числе в тенденциях общественного здоровья. Достижения в науке позволили врачам совершить значительный прорыв в лечении больных и профилактике заболеваемости. Это способствовало росту продолжительности жизни и возможности снизить детскую смертность. Но страны мира развивались неравномерно. Российская

империя в начале XX в. оставалась на периферии Европы не только по экономическим показателям, но и социальной сфере. Существенной проблемой оставалось медицинское обслуживание населения, которое не имело самостоятельного центрального органа управления. Руководство здравоохранением осуществляло Министерство внутренних дел. С конца XIX в. в медицинском сообществе во главе с С.П. Боткиным шли дискуссии и разрабатывались проекты по реформированию медицины, но они не увенчались успехом.

Российская империя отличалась высоким уровнем смертности и эпидемий, что не могло не сказываться на состоянии производительных сил и развитии экономики. В период 1902–1906 гг. от заболевания оспой, корью и сыпным тифом умерло 10 150 851 чел. Страна в 1908–1911 гг. пережила массовые эпидемии [1, с. 719]. Государство в год тратило 60 коп. на врачебное обеспечение одного жителя. Эти явления наносили существенный ущерб престижу страны. Необходимо было увеличить число врачей и системно проводить просветительскую деятельность. Поэтому правительство России в начале XX в. вело активный поиск решения этого вопроса посредством реорганизации государственной статистики и систематизации врачебно-санитарного законодательства. Но вплоть до февраля 1917 г. в системе здравоохранения России и организации медицинского обслуживания населения каких-либо существенных изменений не произошло. Приход к власти большевиков в октябре 1917 г. был ознаменован кардинальными изменениями в организации системы здравоохранения в РСФСР. Окончательно решился вопрос о централизованном управлении и доступности медицинских услуг, но экономическая ситуация не позволила в полной мере реализовать намеченные планы. После учреждения 11 июля 1918 г. Народного комиссариата здравоохранения и завершения Гражданской войны в регионах приступили к активной работе по оценке состояния учреждений здравоохранения и их реорганизации в соответствии с поставленными задачами. Такие мероприятия в Кубано-Черноморской области были проведены в начале 1920-х гг.

Статья основана на делопроизводственных документах из фондов Государственного архива Краснодарского края (ГАКК). Они позволяют изучить процесс формирования органов управления здравоохранения Кубано-Черноморской области в 1920–1921 гг. В отчётных документах содержатся сведения об эпидемиологическом положении отделов области и состоянии медицинского обслуживания населения. Исследование содержит статистические материалы о количестве медицинских работников и учреждений по состоянию на 1921 г.

В ходе исследования авторы обращались к принципу историзма, который позволил рассмотреть исследуемое явление с учётом хронологических рамок и конкретной исторической обстановки, сложившейся в Кубано-Черноморской области. Принцип объективности

применялся с целью воссоздания исторической картины начала 1920-х гг. в сфере медицинского обслуживания населения казачьего региона. Нарративный метод авторы исследования использовали для описания событий на территории региона и тех новых явлений, которые были реализованы Областным революционным комитетом в сфере организации медицинской помощи населения.

Историография советской медицины нашла своё отражение в партийно-советских документах и исследованиях историков [2–6]. В советской историографии особое внимание уделяется вопросам подготовки медицинских кадров и охвата населения амбулаторным лечением и профилактике заболеваний. Современные исследователи, обращаясь к теме здравоохранения в советский период пытаются критически оценить её достижения. При этом признают успехи и значимость её опыта для современного развития российской медицины [7–16]. Авторы статьи отмечают рост интереса современных исследователей к развитию региональной медицины советского периода, изучению особенностей местного опыта в контексте формирования советской системы здравоохранения.

Целью данной статьи является изучение содержания организационных мероприятий Кубано-Черноморского областного ревкома по формированию региональной системы здравоохранения в 1920–1921 гг. В соответствии с целью были поставлены следующие задачи: 1) рассмотреть состояние системы здравоохранения в условиях перехода от военного коммунизма к нэпу; 2) выявить региональные особенности на этапе складывания советской системы здравоохранения.

Из истории медицины России

Здравоохранение представляет собой комплекс мер организационно-правового, финансового, социального и кадрового характера, направленных на укрепление здоровья населения и его количественный рост. На протяжении существования советского государства медицина была приоритетной сферой и находилась под постоянным контролем правящей партии коммунистов. Но своё начала история отечественной медицины берёт со времён феодального общества, когда первые правители Руси стали приглашать заморских лекарей. Традиция использовать иностранных медицинских специалистов сохранялась достаточно долго. Поэтому, обращаясь к истории развития здравоохранения в России, отметим такой важный факт, как развитие земской медицины в XIX в. Именно эта реформа стала свидетельством необходимости обеспечения доступности здравоохранения всему населению страны. В 1897 г. в Санкт-Петербурге был учреждён Женский медицинский институт, что позволило женщинам получать медицинское образование и расширило возможность организации обследования женщин, в том числе на национальных окраинах империи.

Одним из приоритетных направлений деятельности медицинских учреждений конца XIX в. стала борьба за трезвый образ жизни. Государство даже объявило монополию на торговлю спиртным. После революционных событий 1917 г. и начала формирования нового общественного строя в Советской России приступили к определению теоретических основ системы здравоохранения. Экономические и демографические последствия Гражданской войны оказали влияние на процесс организации медико-санитарной помощи населению. Борьба с эпидемиями и болезнями в масштабах страны требовала организационного единства здравоохранения. Эта работа началась уже в годы Гражданской войны. Во главе этого процесса был первый нарком здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко, который ввёл единые принципы организации и оказания медицинской помощи населению. В основе этой концепции была государственная ответственность и контроль, всеобъемлющий охват населения, особое внимание защите детства и материнства. В условиях экономического кризиса эти принципы выглядели как пропагандистские лозунги, но практика социалистического строительства доказала их жизнеспособность. Заслугой первого наркома здравоохранения стало введение в Советской России жёстких санитарных норм против сыпного тифа, малярии и холеры. В стране широко пропагандировались масштабные бытовые профилактические мероприятия и регулярные медицинские осмотры.

Именно на таких принципах в начале 1920-х гг. в Советской России складывалась государственная система здравоохранения, что было закреплено в действующих декретах СНК РСФСР и Конституции. С учётом идей социальной справедливости, провозглашённых в программе партии РКП(б) и первых документах СНК, это означало право на бесплатную и доступную медицину и подразумевало ответственность государства за охрану здоровья населения. «В то же время система строилась на жесткой регламентации деятельности лечебно-профилактических учреждений, доминировании государственной собственности, методах трудовой мобилизации, имела региональные различия» [17, с. 42].

В 1920-х гг. для Советской России в условиях экономического кризиса данный вопрос приобретал важное значение не только в контексте взаимоотношения власти и общества, но и решения проблемы народонаселения, сохранения его численности.

Становление системы здравоохранения на Кубани и в Черноморье в 1920–1921 гг.

Последние выстрелы Гражданской войны прозвучали на юге России весной 1920 г., ознаменовав собой победу большевиков в борьбе за власть. При этом они столкнулись с последствиями Первой мировой и Гражданской войн, которые принесли экономическое разорение и серьёзные социальные последствия. Первоочередной задачей было формирование новых органов

власти и распространение их влияния по всей территории региона. Кубано-Черноморский ревком был создан в марте 1920 г. во главе с Я. Полуяном, которому предстояло решить эти проблемы.

В социальной сфере были определены приоритеты, в том числе образование, оказание помощи семьям красноармейцев, а также восстановление и поддержка действующих учреждений здравоохранения. Первоочередное внимание уделялось развитию медико-санитарного дела. На территории области в начале XX в. функционировало 11 войсковых больниц и 33 приёмных покоя.

Весной 1920 г. на территории Кубано-Черноморской области насчитывалось 103 врачебных пункта. К концу года их было уже 153, в том числе в 120 в Краснодаре и 28 участковых больниц в Краснодарском отделе, насчитывающих 620 койко-мест. Если обратиться к сельским населённым пунктам, то в них сохранялась сложная ситуация. Например, в Тимашевском отделе в 1921 г. действовало 16 участковых больниц с 800 койками, в которых работали 17 врачей, 9 стоматологов и младший медицинский персонал в количестве 87 чел. За период 1921–1922 гг. медицинские учреждения отдела обслужили 7 420 чел. Услугами фельдшерско-акушерских пунктов воспользовались 89 122 чел., а стоматологи обслужили 15 600 пациентов.

В целом же состояние учреждений здравоохранения было неудовлетворительным, сохранялся острый дефицит финансов. Низкая заработная плата негативно сказывалась на кадровом составе медицинских учреждений. В Черноморском округе в Туапсинском отделе было всего лишь 2 больницы, которые насчитывали 200 койко-мест. Одной из проблем данного региона была борьба с малярией, большее внимание уделялось вопросам санитарной профилактики и просветительской деятельности среди населения. Как и в других отделах восстановлению и развитию учреждений здравоохранения препятствовали дефицит денежных средств и кадров [18, л. 233–235об.]. Например, в Краснодаре один врач обслуживал до 800 чел., в других городах этот показатель достигал более 2 тыс. В сельской местности с учётом особенностей расселения на одного врача приходилось в среднем 12,5 тыс. чел. Наибольшая нагрузка на врача была зарегистрирована в Баталпашинском отделе: один врач – на 35 тыс. чел. Таким образом, города области практически в три раза превосходили станицы и сёла по обеспеченности медицинской помощью. Данное количество не могло удовлетворить потребности населения с учётом того, что в годы Гражданской войны происходило неконтролируемое переселение на юг России большого количества беженцев.

Было установлено, что на территории области существует достаточное количество разнообразных медицинских учреждений, которые оказывали медицинскую помощь вне каких-либо инструкций и распоряжений Советской власти. Требовалось провести их учёт, инвентаризацию оборудования и медикаментов, сформировать штат в соответствии с

требованиями здравоотдела и определить их порядок работы. Например, стоматологам (в документах 1920-х гг. – зубные врачи и зубоврачебные техники) предписывалось пройти регистрацию при Областном Кубанско-Черноморском отделе здравоохранения. Те, кто не успел в установленные сроки зарегистрироваться и не представил описи кабинетов и технических мастерских, передавались суду Ревтрибунала [19, л. 8]. Очередным решением была конфискация оборудования «зубных кабинетов» для обеспечения «общественных зубных амбулаторий материалом и инструментом» [20, с. 276–277].

Решением Кубанского Областного революционного комитета были национализированы аптеки. «Все аптеки в пределах Области, кому бы они не принадлежали и в чьем бы ведении они не состояли, со всем находящимся в них инвентарем, и всеми принадлежностями, и запасами, с существующими при них лабораториями и складами, а также с оборотными капиталами, переходят в ведение Областного и Отдельских Здравоотделов по принадлежности» [21, л. 26].

По состоянию на 10 мая 1920 г. в области было практически закончено организационное оформление областного здравоотдела. Были сформированы штаты в Анапе и Темрюке, штаты областной больницы, городских и участковых больниц и эпидемических лазаретов. Удалось установить новые нормативы по обеспечению населения бесплатной и доступной врачебной помощью: из расчёта 1 кровать на 500 чел. (койко-оборот). Окрыли новые амбулатории, например, в г. Екатеринодаре – 9. Для предотвращения распространения эпидемий сформировали 15 прививочных отрядов и дезинфекционные отряды. В населённых пунктах, где были зарегистрированы холерные заболевания, открыли больницы, а в таких крупных городах области, как Новороссийск, Анапа, Славянск, Майкоп и Туапсе, сформировали химико-бактериологические лаборатории с целью организации проверки источников водоснабжения и сточных вод.

Было признано, что наибольшую опасность для населения с учётом сложившихся неблагоприятных условий представляли инфекционные болезни, которые могли вызвать эпидемии. Лидирующее место среди инфекционных болезней занимала малярия – до 80 % инфицированных [22, л. 205, 205 об.]. Поэтому в начале 1921 г. были созданы санитарно-технические отряды во всех населённых пунктах, где возможно было предотвратить развитие эпидемии. Для этих целей использовались дезинфекционные камеры и прачечные, но так как не было достаточного количества кадров, а население относилось с настороженностью, реализовать данный проект в полном объёме не удалось. Руководство области предостерегало о возможности распространения холеры, источниками которой могли служить артезианские колодцы и открытые водоёмы, которые использовались для хозяйственных нужд. Местные лаборатории вынуждены были самостоятельно разрабатывать

противохолерную сыворотку с последующим проведением массовой прививочной кампании.

Штаты всех городских отделов дополнительно укомплектовали санитарными врачами. Особое внимание уделяли санитарной очистке столицы области. Взаимодействуя с отделом образования, здравоотдел изучил санитарное состояние школ и их санитарное обслуживание. Учащихся осматривали, заводили медицинские карты и назначали при необходимости курс лечения [23, л. 2, 2 об., 3, 3 об., 4].

По предварительным данным системе здравоохранения требовалось до 1 тыс. врачей. Невзирая на эти проблемы, облздравотдел применял мобилизационные методы в отношении городских врачей, которых отправляли в станицы и сёла Кубани. В случае отказа врачи подвергались административному воздействию. Решение кадрового вопроса во многом связывали с открытием 5 сентября 1920 г. Кубанского медицинского института. В институт принимали без экзаменов, что позволяло расширять социальную базу абитуриентов за счёт привлечения пролетарских слоёв. Дополнительно открыли подготовительные отделения с числом слушателей 500 чел. [14, с. 11].

Организационные вопросы по созданию и функционированию учреждений здравоохранения рассмотрели на первом Областном медико-санитарном съезде. Областное руководство подтвердило в своих выступлениях, что они будут делать медицинскую помощь в регионе доступной, квалифицированной и бесплатной. Но начали они свою работу со снятия икон в медицинских учреждениях. Кроме того, большевики столкнулись с отказом в сотрудничестве некоторых медицинских кадров, что оказывало влияние на качество предоставляемых услуг.

Альтернативный вариант – частная медицинская практика – продолжала существовать, потому что в сложившихся условиях государственные учреждения не могли в полном объёме охватывать население и оказывать услуги. Это признание было сделано областным ревкомом на первых встречах с медицинскими работниками и партийно-советским активом. Вместе с тем наличие частных практикующих врачей и аптек вызывало возмущение. Возникал вопрос об источниках медицинских препаратов в этих учреждениях, в то время как в государственных наблюдался их острый дефицит.

Региональные органы власти не могли обеспечить население области достаточным количеством медицинских препаратов и подготовить помещения для оказания врачебной помощи. Практикующие врачи испытывали трудности с уровнем обеспеченности медикаментозными средствами и инструментами, что сказывалось на качестве оказываемых услуг. Однако при сохранявшихся проблемах организационного и финансового обеспечения амбулаторная сеть области смогла принять 420158 больных, что составило 477107 посещений в год. Одним из нововведений в медицинском обслуживании населения было учреждение

санитарных советов и попытка отказа от участковых врачей. Реализация потребовала создания районных больниц, которые могли бы обслуживать несколько станиц. Медицинское обслуживание предполагало четыре вида помощи: хирургическую, акушерскую, венерологическую и глазную. Что касается охраны материнства и детства (в документах здравотдела это обозначалось как охрана материнства и младенчества), то на всех промышленных предприятиях области с весны 1921 г. предполагалось создать ясли. Такое внимание к женщинам было обусловлено желанием вовлечь их в активную политическую деятельность, тем самым расширить социальную базу власти большевиков.

К началу нового 1921 г. здравотдел области представлял следующую структуру: санитарно-эпидемиологический, лечебный, организационный, охраны материнства и младенчества, охраны здоровья детей, фармацевтический, хозяйственно-снабженческий, финансово-сметный, военно-санитарный, медицинской экспертизы, статистический, санпросветительный и общая канцелярия. Функциональные обязанности были определены в соответствии с профилем каждого отдела. Санитарно-эпидемиологический осуществлял профилактические меры по предотвращению развития заразных болезней и их массовому распространению. На местах сотрудники отдела проводили дезинфекцию населённых пунктов и санитарное просвещение населения. Лечебный отдел должен был приближать медицинское обслуживание к населению посредством организации различных видов помощи. Одним из приоритетных направлений была помощь инвалидам – участникам войн, которые должны были получать протезы. В обязанности сотрудников лечебного отдела входило также медицинское обследование заключённых. Организационный отдел выполнял функции координатора местных медучреждений со здравотделом области. Таким образом, в его функционал входила разработка нормативных, организационных документов, в которых были представлены планы, бюджет учреждений и порядок отчётности. Подотдел охраны материнства и младенчества занимался вопросами сохранения здоровья беременных женщин и их младенцев. Эти мероприятия предусматривали создание детских садов, яслей, проведение консультаций, организацию медицинского просвещения среди женщин. Немаловажное значение в условиях начатой школьной реформы приобретала деятельность подотдела охраны здоровья детей и школьников. Подотдел проводил медицинское обследование учащихся, пытаясь выявить на ранней стадии заболевания и проводить профилактические мероприятия. Сметно-финансовый, фармацевтический и хозяйственный подотделы ведали вопросами лекарственного обеспечения и финансирования медучреждений. Подотдел санитарно-просветительской работы был одним из приоритетных, в то же время самым доступным, который занимался организацией выставок и лекций. Таким образом, в 1921 г. на территории Кубано-Черноморской области сеть медицинских учреждений была

представлена 256 больницами, 236 врачебными амбулаториями, 257 фельдшерскими пунктами и 174 аптеками, в которых работали 626 врачей, 850 медицинских сестёр и 413 фармацевтов [24]. Организационно-координирующую роль играл отдел здравоохранения в структуре областного революционного комитета.

Заключение

Социальная сфера является отражением содержания политики государства к существующим проблемам в образовании, здравоохранении, науке, культуре и т.д. Один из приоритетных вопросов – здравоохранение как наиболее уязвимая часть повседневности населения. От качества оказанных медицинских услуг, в том числе на бесплатной или платной основе, зависит отношение общества к политической системе. В России с учётом её территории и многонационального состава населения вопрос медицинского обслуживания всегда имел особое значение. Начало государственной медицине России было положено Иваном IV в 1581 г., когда он учредил Аптекарскую палату, но только со второй половины XIX в. можно говорить о медицинском обслуживании населения империи.

Коренные изменения произошли после прихода к власти РКП(б) в октябре 1917 г. Правительство РСФСР практически с первых дней своей работы уделяло внимание развитию здравоохранения, созданию государственной аптечной сети и др. В регионах, в том числе Кубано-Черноморской области, учреждались медико-санитарные отделы.

Начало 1920-х гг. отличалось сохранением политической напряжённости в регионе, отсутствием достаточных бюджетных средств, специалистов, но местные органы предпринимали меры по реорганизации здравоохранения с целью полного охвата населения медицинским обслуживанием. Так как регион стал местом сосредоточения большого количества людей, вызванного вынужденной миграцией в период Гражданской войны, существовала опасность возникновения массовых эпидемий. Именно этот факт стал определяющим в деятельности здравотдела Кубано-Черноморского областного революционного комитета в 1920–1921 гг.

Октябрьские события 1917 г. стали началом создания кардинально новой системы медицинского обслуживания населения, которая смогла преодолеть тяжёлый экономический и политический кризис начала 1920-х гг. В основу советской медицины легли принципы бесплатности, доступности и профилактики заболеваемости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Егорышева И.В., Морозов А.В. Реформа здравоохранения в Российской империи, попытки переустройства управления врачебно-санитарной частью (1886–1916) // Медицинский вестник Северного Кавказа. 2019. № 4. С. 718–722.
2. Каневский Л.О., Лотова Е.И., Идельчик Х.И. Основные черты развития медицины в России в период капитализма. (1861–1917). М.: Медгиз, 1956. 194 с.
3. Мультиановский М.П. История медицины. М.: Медицина, 1961. 348 с.
4. Серенко А.Ф., Соболевский Г.Н. Здравоохранение социалистического общества. М.: Медицина, 1975. 310 с.
5. Ненароков А.П. 1917. Великий Октябрь: краткая история, документы, фотографии. М.: Издательство политической литературы, 1976. 239 с.
6. История Коммунистической партии Советского Союза: в 6 т. Т. 4: Коммунистическая партия в борьбе за построение социализма в СССР 1921–1937 гг. Кн. 1 (1921–1929 гг.) / ред. Б.Н. Пономарёв. М.: Политиздат, 1979. 663 с.
7. Кремлёвская медицина / С.П. Миронов, Ю.Л. Перов, В.М. Цветков, В.М. Ястребов. М.: ППО «Известия», 1997. 294 с.
8. История Кубани. XX век: очерки / под ред. В.Е. Щетнёва. Краснодар: ОИПЦ Перспективы образования, 1998. 224 с.
9. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи 1802–1917. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 992 с.
10. Ивкин В.И. Государственная власть СССР. Высшие органы власти управления и их руководители. 1923–1991 гг. М.: РОССПЭН, 1999. 639 с.
11. Улащик В.С. Михаил Иванович Барсуков (1890–1974) // Здравоохранение. 2014. № 2. С. 78–80.
12. Моисеев В.В. Здравоохранение в России: история и современность: монография. М.: Директ-Медиа, 2023. 244 с.
13. Сорокина Т.С. История медицины. М.: Академия, 2008. 560 с.
14. Кубанский государственный медицинский университет. 1920–2010 / под ред. В. С. Тен-Ковин. Краснодар: Гриппогриф, 2010. 160 с.
15. Вдовин А.И. СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). М.: РГ–Пресс, 2019. 768 с.
16. Симонян Р.З. История медицины: с древнейших времен до современности. Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2020. 224 с.
17. Становление советского здравоохранения в Российской провинции в 1920-е годы / Т.А. Катцина, И.И. Крылов, Н.В. Пашина. Мезит Л. Э. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2017. №1. С. 41–45.
18. Доклад Заведующего курортным подотделом отдела здравоохранения врача Е.Н. Сакуна // Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 101.
19. Всем зубным врачам и зубоучастным техникам // ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 15.
20. Обязательное постановление Кубанско-Черноморского Областного Ревкома по отделу здравоохранения // Яхутль Ю.А. Кубань и Черноморье в 1920–1922 гг.: от военного коммунизма к новой экономической политике. Документы и материалы. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. С. 276–277.
21. Обязательное Постановление № 33 Кубанско-Черноморского Революционного Комитета 15 апреля 1920 года г. Екатеринодар // ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 6. 1 л.
22. Доклад Здраводела I съезду Советов крестьянских и казачьих депутатов Кубано-Черноморской области 5–8 декабря 1921 г. // ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 152. 4 л.

23. Состояние строительства советской медицины к 10-му мая 1920 года. Отдел здравоохранения Кубано-Черноморского ревкома г. Екатеринодар // ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 101. 4 л.

24. Чупрынников С. А. Становление советской системы здравоохранения на Кубани в начале 1920-х годов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 1. С. 64-69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sovetskoy-sistemy-zdravooohraneniya-na-kubani-v-nachale-1920-h-godov>.

REFERENCES

1. Egorysheva, I. V., Morozov, A. V. Reforma zdravookhraneniya v Rossijskoj imperii, popytki pereustrojstva upravleniya vrachebno-sanitarnoj chast'yu (1886–1916) [Healthcare reform in the Russian Empire, attempts to reorganize the management of the medical and sanitary unit (1886-1916)]. In *Medicinskij vestnik Severnogo Kavkaza*, no.4, 2019: 718–722 (in Russian).

2. Kanevskij L.O., Lotova, E.I., Idel'chik, K.H.I. Osnovnye cherty razvitiya mediciny v Rossii v period kapitalizma. (1861–1917) [The main features of the development of medicine in Russia during the period of capitalism]. Moscow: Medgiz, 1956 (in Russian).

3. Mul'tanovskij, M.P. Istoriya mediciny [History of medicine]. Moscow: Medicina, 1961 (in Russian).

4. Serenko, A.F., Sobolevskij, G.N. Zdravookhranenie socialisticheskogo obshchestva [Health care of the socialist society]. Moscow: Medicina, 1975 (in Russian).

5. Nenarokov, A.P. 1917 Velikij Oktyabr': kratkaya istoriya, dokumenty, fotografii [1917 Great October: a brief history, documents, photographs]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1976 (in Russian).

6. Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza: v 6 t. T. 4 Kommunisticheskaya partiya v bor'be za postroenie socializma v SSSR 1921–1937 gg. Kn. 1 (1921–1929 gg.) [History of the Communist Party of the Soviet Union: in 6 volumes Vol. 4 The Communist Party in the struggle for building socialism in the USSR 1921-1937. Book 1 (1921-1929)]. Edited by B.N. Ponomaryov. Moscow: Politizdat, 1979 (in Russian).

7. Mironov, S.P., Perov, YU.L., Cvetkov, V.M., Yastrebov, V.M. Kremlyovskaya medicina [Kremlin medicine]. Moscow: PPO «IzvestiYA», 1997 (in Russian).

8. Istoriya Kubani. XX vek: ocherki [The history of Kuban. XX century: essays]. Edited by V.E. Shchetnyov. Krasnodar: OIPC Perspektivy obrazovaniya, 1998 (in Russian).

9. Shilov, D.N. Gosudarstvennye deyateli Rossijskoj imperii 1802–1917 [Statesmen of the Russian Empire 1802-1917]. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2002 (in Russian).

10. Ivkin, V.I. Gosudarstvennaya vlast' SSSR. Vysshie organy vlasti upravleniya i ikh rukovoditeli. 1923–1991 gg. [State power of the USSR. The highest authorities of the administration and their leaders. 1923–1991]. Moscow: ROSSPEHN, 1999 (in Russian).

11. Ulashchik, V.S. Mikhail Ivanovich Barsukov (1890–1974) [Mikhail Ivanovich Barsukov (1890–1974)]. In *Zdravookhranenie*, no. 2, 2014: 78–80 (in Russian).

12. Moiseev, V.V. Zdravookhranenie v Rossii: istoriya i sovremennost': monografiya [Healthcare in Russia: history and modernity: a monograph]. Moscow: Direkt-Media, 2023 (in Russian).

13. Sorokina, T.S. Istoriya mediciny [History of medicine]. Moscow: Akademiya, 2008 (in Russian).

14. Kubanskij gosudarstvennyj medicinskij universitet. 1920–2010 [Kuban State Medical University. 1920–2010]. Edited by V.S. Ten-Kovin. Krasnodar: Grippograf, 2010 (in Russian).

15. Vdovin, A.I. SSSR. Istorija velikoj derzhavy (1922–1991 gg.) [USSR. The History of a great power (1922–1991)]. Moscow: RG–Press, 2019 (in Russian).
16. Simonyan, R.Z. Istorija mediciny: s drevnejshikh vremen do sovremennosti [The history of medicine: from ancient times to the present]. Cheboksary: izdatel'skij dom «SredA», 2020 (in Russian).
17. Katcina, T.A., Krylov, I.I., Pashina, N.V., Mezit, L.EH. Stanovlenie sovetskogo zdravookhraneniya v Rossijskoj provincii v 1920-e gody [The formation of Soviet healthcare in the Russian province in the 1920s]. In Problemy social'noj gigieny, zdravookhraneniya i istorii mediciny, no. 1, 2017: 41–45 (in Russian).
18. Doklad Zaveduyushchego kurortnym podotdelom otдела zdravookhraneniya vracha E. N. Sakuna [Report by the Head of the resort department of the Department of Health, doctor E.N. Sakun]. Gosudarstvennyj arkhiv Krasnodarskogo kraya [The State Archive of the Krasnodar Territory (GAKK)], f. R-158, op. 1, d. 101.
19. Vsem zubnym vracham i zubovrachebnym tekhnikam [To all dentists and dental technicians]. Gosudarstvennyj arkhiv Krasnodarskogo kraya [The State Archive of the Krasnodar Territory (GAKK)], f. R-158, op. 1, d. 15.
20. Obyazatel'noe postanovlenie Kubansko-Chernomorskogo Oblastnogo Revkoma po otdelu zdravookhraneniya [Mandatory resolution of the Kuban-Black Sea Regional Revkom on the Department of Health]. Yakhutl', YU.A. Kuban' i Chernomor'e v 1920–1922 gg.: ot voennogo kommunizma k novoj ehkonomicheskoy politike. Dokumenty i materialy [Kuban and the Black Sea Region in 1920-1922: from War Communism to a new Economic Policy. Documents and materials]. Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj universitet, 2023. P. 276–277.
21. Obyazatel'noe Postanovlenie № 33 Kubansko-Chernomorskogo Revolyucionnogo Komiteta 15 aprelya 1920 goda g. Ekaterinodar [Mandatory Resolution No. 33 of the Kuban-Black Sea Revolutionary Committee on April 15, 1920, Ekaterinodar]. Gosudarstvennyj arkhiv Krasnodarskogo kraya [The State Archive of the Krasnodar Territory (GAKK)], f. R-158, op. 1, d. 6.
22. Doklad Zdravotдела I s"ezdu Sovetov krest'yanskikh i kazach'ikh deputatov Kubano-Chernomorskoy oblasti 5–8 dekabrya 1921 g. [Report of the Health Department to the First Congress of Soviets of Peasant and Cossack deputies of the Kuban-Black Sea region on December 5-8, 1921]. Gosudarstvennyj arkhiv Krasnodarskogo kraya [The State Archive of the Krasnodar Territory (GAKK)], f. R-102, op. 1, d. 152.
23. Sostoyanie stroitel'stva sovetskoj mediciny k 10-mu maya 1920 goda. Otdel zdravookhraneniya Kubano-Chernomorskogo revkoma g. Ekaterinodar [The state of construction of Soviet medicine by May 10, 1920. Department of Health of the Kuban-Black Sea Revolutionary Committee of Ekaterinodar]. Gosudarstvennyj arkhiv Krasnodarskogo kraya [The State Archive of the Krasnodar Territory (GAKK)], f. R-158, op. 1, d. 101.
24. Chuprynnikov, S. A. Stanovlenie sovetskoj sistemy zdravookhraneniya na Kubani v nachale 1920-kh godov [The formation of the Soviet healthcare system in the Kuban in the early 1920s]. In Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya, no. 1, 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sovetskoy-sistemy-zdravookhraneniya-na-kubani-v-nachale-1920-h-godov>.

Сведения об авторах

Яхутль Юрий Асланбиевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040, г. Краснодар, Российская Федерация, a075ca@yandex.ru, orcid.org/0000-0002-6750-4110

Диривянкина Мария Сергеевна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории России, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040, г. Краснодар, Российская Федерация, dirivyankina@mail.ru, orcid.org/0000-0003-3014-8199

About the Authors

Yakhutl Yuri Aslanbievich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, 350040, Krasnodar, Russian Federation, a075ca@yandex.ru, orcid.org/0000-0002-6750-4110

Dirivyankina Maria Sergeevna, Candidate of Historical Sciences, Lecturer at the Department of Russian History Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, 350040, Krasnodar, Russian Federation, dirivyankina@mail.ru, orcid.org/0000-0003-3014-8199

Король-дракон Восточного моря: непреходящая ценность корейской культуры

Смертин Юрий Григорьевич

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

my@jusmertin.ru

Аннотация. В статье анализируется феномен мифологического образа Короля-дракона Восточного моря, важного для понимания истории и традиционной культуры Кореи. Основными источниками для изучения поставленной проблемы служат корейские мифы и сказания, в которых излагается деятельность Короля-дракона. Это мифическое существо, известное как Ёнван, – не просто легендарный персонаж, а глубоко укоренившийся символ силы, таинственности и жизненно важной связи Мирового океана с жизнью на суше. Он олицетворяет внушающую благоговение силу природы и властвует над водами, окружающими Корейский полуостров. Образ и роль Короля-дракона менялись на протяжении веков. Из грозной и непредсказуемой силы, каким его изображали в ранних произведениях, он превратился в доброжелательную фигуру. Этот сдвиг можно объяснить растущим влиянием буддизма и конфуцианства, продвигавших ценности сострадания и гармонии, что еще больше усилило его символическое значение и связь с духовными и этическими основами корейской культуры. Главный вывод заключается в том, что Ёнван был и остается значимой фигурой в корейской мифологии, воплощая культурные ценности, связанные с водой, сельским хозяйством и социумом. В современном обществе истории о нем служат связующим звеном между прошлым и будущим, побуждая современных корейцев к изучению и сохранению своего богатого мифологического наследия. Образы Короля-дракона присутствуют в искусстве и литературе, он остается притягательной фигурой, сочетающей в себе мифическое и практическое, духовное и земное.

Ключевые слова: Ёнван, корейская мифология, фольклор, шаманизм, конфуцианство, буддизм, Тэборым.

Для цитирования: Смертин Ю.Г. Король-дракон Восточного моря: непреходящая ценность корейской культуры // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 1. С. 92–106.

The Dragon King of the East Sea: An Enduring Value of Korean Culture

Smertin Yuri G.

Kuban State University, Krasnodar, Russia

my@jusmertin.ru

Summary. This article analyzes the mythological figure of the Dragon King of the East Sea, which is important for understanding the history and traditional culture of Korea. The

primary sources for this study are Korean myths and folktales that describe the activities of the Dragon King. This mythical creature, known as Yongwang, is not simply a legendary figure but a deeply rooted symbol of power, mystery, and the vital connection between the world's oceans and life on land. He embodies the awe-inspiring power of nature and rules over the waters surrounding the Korean Peninsula. The image and role of the Dragon King have evolved over the centuries. From the fearsome and unpredictable force depicted in early works, he has evolved into a more benevolent figure. This shift can be explained by the growing influence of Buddhism and Confucianism, which promoted the values of compassion and harmony, further strengthening his symbolic significance and connection to the spiritual and ethical foundations of Korean culture. The main conclusion is that Yongwang remains a significant figure in Korean mythology, embodying cultural values associated with water, agriculture, and community. In modern society, stories about him serve as a link between the past and the future, encouraging modern Koreans to explore and preserve their rich mythological heritage. Images of the Dragon King are present in art and literature, and he remains a compelling figure, combining the mythical and the practical, the spiritual and the mundane.

Key words: Yongwang, Korean mythology, folklore. Shamanism, Confucianism, Buddhism, Daeboreum.

For citation: *Smertin Yuri G.* The Dragon King of the East Sea: An Enduring Value of Korean Culture. *Journal of the Kuban State University Historical Sciences*, 2026, no. 1, p. 92–106.

Введение

В корейской мифологии над бескрайними просторами Восточного моря (Японское море или Восточно-Китайское море) царит величественная и могущественная фигура Короля-дракона. Его связь с Восточным морем перекликалась с морской культурой Кореи, где океан имел огромное значение для средств существования, логистики и системы верований. Изучение истоков мифов о Ёнване, их эволюции и влияния на общественное сознание представляется важной научной задачей. Тем не менее фундаментальных работ, посвященных этим проблемам, в мировой науке пока нет. Значительную работу в этом направлении проделали корейские ученые, исследующие различные аспекты корейской мифологии, обращаясь при этом и к мифам о Ёнване [12; 14; 15; 19; 21]. В западной историографии ситуация в основном такая же. Ученые обращаются к образу Короля-дракона в работах общего характера, сравнивая драконьи мифы Китая, Японии и Кореи [22; 23]. Значительный объем информации по нашей теме содержится в книге А. Ковелла, посвященной шаманизму и его проявлениям в народной культуре Кореи [11].

Отечественная наука пока не проявила должного интереса к изучаемой нами проблеме во всей ее полноте. Можно выделить работу Е.А. Колобовой, в которой в краткой форме описывается образ дракона в корейских мифах [3]. Е. Баранова в научно-популярном стиле рассказывает о китайских японских и корейских драконах, делая основной упор на визуальные изображения [1]. Образ дракона в корейском кинематографе стал предметом исследования О.Ю. Крыгиной [6]. Основными источниками для написания данной статьи стали корейские мифы и сказания, в которых присутствует и

действует Король-дракон. С ними можно ознакомиться как в специальных сборниках [4; 9], так и в авторских изложениях, встречающихся в перечисленных научных работах. О влиянии мифологии на политику можно узнать из сочинения буддийского монаха Ирёна, описавшего события, происходившие в период Трех государств (I в. до н.э. по VII в. н.э.) [2]. Связь образа дракона с королевской властью демонстрирует официальное сочинение XV в., призванное легитимизировать правление династии Ли [8].

Цель исследования – изучение мифологического образа Короля-дракона и его преломление в идеологии, политике и массовом сознании. Поставлены следующие задачи: 1) выявить место и роль Короля-дракона в корейской мифологии; 2) рассмотреть степень влияния буддизма и конфуцианства на первоначальный, преимущественно шаманистский, образ Короля-дракона; 3) проанализировать соответствующие мифы и сказания на предмет их символического смысла и значения; 4) определить место Короля-дракона в современной бытовой и художественной культуре Республики Корея.

Для достижения поставленной цели был использован цивилизационный подход, дающий возможность рассмотреть основные направления развития корейской цивилизации с ее культурными, религиозными и политическими особенностями. Исторический метод позволил проследить эволюцию образа Короля-дракона в разные исторические периоды. Семиотический анализ применялся для расшифровки символического значения образа дракона в зависимости от контекста, в котором он представлен.

Король-дракон в корейской мифологии

В мировой мифологии и теологии образ дракона занимает важное место, но существенно отличается в восточной и западной культурах. В европейской и христианской истории змей/дракон считается злобным и коварным существом. Из-за его упоминания в Книге Бытия в связи с дьяволом дракон стал частью мира зла [18, с. 37–56]. На Востоке дракон был всегда олицетворением мудрости, повелителем стихий, особенно почитаемым из-за его помощи сельскому хозяйству и рыболовству. Это повелитель моря, осуществляющий контроль над дождем и ветром. Хотя в морях, озерах и реках обитает множество духов-драконов, есть один, самый главный, самый могущественный их повелитель и хозяин – Король-дракон. По другим представлениям, эти местные драконы суть его воплощения [4, с. 185].

Корни образа дракона уходят глубоко в корейскую мифологию, в древние времена. Истоки Ёнвана тесно связаны с корейским шаманизмом, который появился на Корейском полуострове в доисторические времена, намного раньше буддизма и конфуцианства. В шаманистской традиции духи и боги обитают в природных явлениях, а змееподобные – важные

персонажи, олицетворяющие силу и воду. Появление Ёнвана в качестве значимой фигуры связано с процессом влияния китайской культуры на местные верования, который стал заметным в первые века новой эры.

В Китае роль дракона сформировалась во времена династии Чжоу (1046–256 гг. до н.э.), он символизировал императорскую власть и космическую энергию. Императоры династии Цин (221–206 гг. до н.э.) и последующих династий использовали изображение дракона на регалиях, тронах и в архитектуре, утверждая тем самым, что происходят от мифических прародителей, таких как совершенномудрый Желтый император, который, по легенде, вознесся на небеса на спине дракона. Считалось также, что легендарный основатель китайской цивилизации Фу Си был наполовину человеком, наполовину драконом [10]. В восточной философии дракон начинает цикл времен года: он – дух перемен, олицетворяет восток, он извивается в бездонных глубинах морей, расправляется в грозных тучах, его когти видны в молниях на небе. Дракон всегда где-то рядом.

Змеевидная форма китайского дракона, его связь с управлением водными ресурсами и имперская символика распространились в Корею благодаря буддийским учениям, конфуцианским текстам и вассальным отношениям, начиная с периода Трех королевств (I в. до н.э. – VII в. н.э.) При этом его образ и функции адаптировались к местной космологии и реалиям, сохраняя при этом основные атрибуты – доброжелательность и силу.

В традиционном искусстве и литературе Ёнван изображается в виде величественного и могущественного дракона, часто в форме гуманоида с драконьей головой. Такой образ подчеркивает его двойственную природу, объединяющую мир людей и мир сверхъестественного. Тело его покрыто разноцветной чешуей, что свидетельствует о его богатстве и процветании. Длинная белая борода олицетворяет мудрость и возраст. Часто он держит в когтях или в пасти шар (жемчужину), символизирующий всемогущество, мудрость и энергию Вселенной *ци* [3].

Согласно художественной традиции Восточной Азии, это мифическое существо представляет собой комбинацию девяти элементов. Каноническое изображение дракона можно описать как «голову верблюда, рога оленя, глаза кролика, уши быка, тело змеи, брюхо лягушки, губы карпа, лапы орла и когти тигра» [26, с. 243]. Это эклектичное сочетание символизирует огромную силу, мудрость и связь дракона как с земным, так и с небесным мирами. Число 9 – особенное в Китае, оно является последним яньским (сильным, мужским) числом в традиционной десятиричной нумерологической системе, а потому считается числом Неба. Число 9, умноженное на 9, дает количество яньских чешуек на теле дракона (81), а умноженное на 4 (36), – число иньских (женских) чешуек [1]. Такое сочетание символизирует идею взаимозависимости и взаимодействия двух мировых начал: ян не существует без инь, в каждом ян есть частица инь, и

наоборот. Обитель корейского Короля-дракона, великолепный дворец (Ёнгун), является свидетельством его могущества и величия. Он описывается как город из кораллов, жемчуга и нефрита, что отражает власть Ёнвана над богатствами океана.

Власть Короля-дракона безгранична и охватывает все силы природы. Как повелитель вод он управляет осадками и тем самым помогает или мешает сельскому хозяйству. Ёнван управляет морскими водами, успокаивая их по своему желанию или вызывая штормы. Он создает приливы и отливы и повелевает обитателями морских глубин. Его влияние распространяется и на сушу, воздействуя на природные условия, плодородие почв и даже на судьбы людей. С древних времен корейцы искали благосклонности Короля-дракона, молясь о хорошем урожае, безопасных путешествиях и защите от стихий. Его силу одновременно почитали и боялись. Она напоминала о непредсказуемости океана и о том, как важно уважать его мощь.

Интеграция древнего мифа с буддизмом и конфуцианством

Образ и роль Короля-дракона менялись на протяжении веков, адаптируясь к меняющемуся культурному контексту. Из грозной и непредсказуемой силы, какой его изображали в ранних произведениях, он постепенно превратился в более доброжелательную и защищающую фигуру. Этот сдвиг можно объяснить растущим влиянием буддизма, продвигавшего ценности сострадания и гармонии. Зримым выражением этой тенденции стали многочисленные изображения драконов на горизонтальных балках и внешних поверхностях буддийских храмов [21, с. 93–140].

Король-дракон играет важную роль в буддийских верованиях. По мере того, как это учение с VII в. набирало популярность в Корее, Ёнван органично вписался в новую мировоззренческую систему. Он фигурирует в корейских буддийских легендах как могущественное существо, принявшее учение Будды и защищающее его. В буддийском контексте Король-дракон иногда рассматривается как защитник Дхармы (Учения), а непредсказуемая природа океана служит метафорой непостоянства жизни [16].

С окончательным утверждением буддизма в период Корё (935–1392) бодхисаттва Гуаньинь (кор. Кваным) взяла на себя многие из обязанностей и полномочий Короля-дракона. Как простые люди, так и элита нуждались в божестве, которому можно помолиться, чтобы облегчить страдания. Гуаньинь (Слушающая звуки мира) изображается в виде женщины, обладающей чудодейственной силой помогать всем, кто к ней обращается со своими бедами и желаниями. Эта богиня милосердия видит все людские беды и помогает всем нуждающимся. Ей приписывали великие чудеса и помощь, в то время как Король-дракон находился далеко в своем подводном дворце, его поведение характеризовалось стихийностью и

непредсказуемостью, а участие в людских делах было не столь очевидным. Но в стране, окруженной морями, Гуаньинь не могла не быть связана с водой [11, с. 64]. Богиня изображалась сидящей на скалистой вершине, ее ноги омывали океанские волны, и она объединяла таким образом воду и землю – инь (кор. *ым*) и ян.

Конфуцианство, уделяющее особое внимание социальной гармонии и этике, также нашло место для Ёнвана, подчеркивая его роль в обеспечении социального благополучия путем обеспечения изобилия в сельском хозяйстве и рыболовстве. Способность Короля-дракона поддерживать порядок в подводном царстве отражает конфуцианский идеал справедливого и доброжелательного правителя. Он почти всегда изображается как мудрый старец, носящий сложные дворцовые одежды корейских королей [24]. Это гуманизированное изображение подчеркивает его роль именно как правителя, а не простого чудовища. Его проявление стали интерпретироваться в рамках конфуцианской этики и политической философии.

В период господства неоконфуцианства, государственной идеологии в эпоху Чосон (1392–1910), дракон стал символом власти правителя, следуя стилю китайского двора. Однако Ёнвану разрешалось иметь только четыре когтя, так как дракон с пятью когтями был исключительной прерогативой королевских одежд китайских императоров. Но особой популярностью у рационально мыслящих конфуцианских ученых дракон не пользовался, поскольку был таинственным и непредсказуемым существом, связанным с «суевериями». Тем не менее, по приказу Седжона Великого, основателя правящей династии, ученые, состоявшие в придворной академии Чипхёнджон (Павильон собрания мудрейших), в 1444 г. составили поэтическое произведение «Ода о драконах, летящих к небу». Драконами в нем выступают великие предки, предшествующие новой правящей династии Ли. В первом стихе, открывающем «Оду», говорится следующее.

*Летят шесть драконов страны, что к востоку от моря,
в каждом деянии – благословение Неба.*

*С древними совершенномудрыми схожи,
как половинки верительной бирки [8, с. 37].*

Известно, что во время засух в стране корейские ваны принимали участие в церемониях вызывания Ёнвана перед специально возведенным алтарем и молили его о даровании спасительного дождя, задабривая жертвоприношениями [11, с. 68]. Считалось также, что Король-дракон способен защитить государство от внешних врагов. Король Мунму (661–681 гг.), один из самых известных правителей, создатель государства Объединенное Силла, перед кончиной завещал кремировать свое тело в соответствии с буддийским обрядом и развеять прах над Восточным морем, откуда часто приходила японская угроза. Как сказано в «Самгук юса», фундаментальном источнике по истории Кореи (автор буддийский монах Ирён, 1206–1289), он пожелал «стать огромным драконом, защищающим

государство, [чтобы с] почтением служить Закону Будды [и] надежно охранять родную страну» [2, с. 307]. Гробница Мунму возведена под водой, недалеко от Кёнджу, а сам он стал известен как Король-дракон.

Конфуцианство в большой степени присвоило и символизировало образ дракона, сделав его атрибутом государственной власти и частью официальной ритуальной системы. Оно не столько развивало мифологию дракона, сколько регламентировало и подчиняло ее государственным интересам.

Интеграция мифологического образа Короля-дракона с буддизмом и конфуцианством демонстрирует гибкость и адаптивность корейского религиозного мышления.

Ёнван в народных сказках и легендах

Король-дракон – центральная фигура в многочисленных корейских сказках и легендах. В зависимости от сюжета он предстает то как доброжелательный правитель, то как грозная сила. В одних историях он помогает людям в беде, исполняя желания или оказывая содействие, в других выступает в роли хранителя природного порядка, защищая моря от бедствий, или карая тех, кто осмеливается бросить ему вызов [16]. Эти сказки преподносят уроки человеческой природы, взаимосвязи всего живого и важности бережного отношения к миру природы.

Король-дракон учит детей правильному поведению и проявлению сыновней почтительности на практике. В одной из сказок он способствует девушке по имени Сим Чхон преодолеть все трудности и воссоединиться со своим слепым отцом [14].

Но не всегда Ёнван ассоциировался с чистой добродетелью. Легенда повествует о том, что у чиновника Сончона, служившего во времена силланской королевы Сондок (632–647), была красавица жена по имени Суро. Король-дракон был осведомлен о ее неземной красоте. Однажды супруги обедали на берегу моря. По просьбе жены Сончон сорвал цветок азалии. Тут же явился Ёнван, похитил ее и утащил в свой подводный дворец. Но свита чиновника стала громко петь песни, выражая недовольство господина, и Дракон был вынужден вернуть Суро [17, с. 1–10]. С одной стороны, это говорит о великодушии Ёнвана, а с другой, – что ему не чужды человеческие желания.

Иногда плотские желания Короля-дракона имели важные для Кореи последствия, отраженные в официальных хрониках. Некоторые из корейских правителей прямо или косвенно вели свое происхождение от Ёнвана. Так, Кён Хвон, основатель позднего Корё (892–935 гг.), считался сыном Короля-дракона, а бабушка основателя государства Корё Ван Гона (936–943 гг.) была его дочерью [22, с. 4].

У Короля-дракона Восточного моря есть и собственная дочь, образ которой занимает важное место в иконографии и почитании. Это одно из

самых древних восточноазиатских божеств, связанное с так называемыми королевами-драконами. Они контролировали ветры и осадки, защищали моряков, путешественников, всех, кто ходит по морю, обеспечивали людям защиту и процветание, исцеляли болезни и улучшали плодородие. Эти духи символизируют инь – женскую, стабильную, первородную силу и противоположную, но взаимосвязанную мужскую силу ян, олицетворенную в Ёнване и означающую твердость, подвижность. В постоянном взаимодействии этих равноправных начал создается гармония Вселенной. Первоначальный пол и идентичность королев-драконов были подавлены, а олицетворением силы инь стала дочь Короля-дракона, которая по конфуцианским правилам заняла подчиненное положение по отношению к отцу, взяв на себя функции драконьих королев [13, с. 462].

В древних историях роль дочери Ёнвана не была однозначно положительной, а поведение не отличалось безупречностью. В «Песенном сказе о Самсын-хальман» рассказывается, что Король-дракон очень любил свою маленькую дочь и всячески ее баловал. Она выросла взбалмошной особой и стала совершать неблаговидные поступки и даже злодеяния в отношении окружения отца. В конце концов терпение Ёнвана лопнуло, он посадил непутевую дочь в кованый сундук, запер его и отослал из морских глубин в мир людей. Напоследок жена правителя, дочь Дракона Западного моря, приказала пленнице стать Сэнбульван – богиней, помогающей зачать и родить детей. Однако из-за спешки не успела сказать, что делать, когда женщине настанет время рожать.

Когда через три года сундук прибило к берегу, некто Имбакса сумел его открыть. Дочь Короля-дракона впервые в жизни увидела земной мир. Она заявила, что является богиней чадородия Сэмбульван, чем очень обрадовала престарелого Имбаксу, поскольку у них с женой не получалось заиметь детей.

Дочь Короля-дракона помогла зачатию, чем очень обрадовала супружескую пару. Но когда настало время рожать, женщина не знала, что нужно делать в такой ситуации. Ее живот «вздымался как высокий холм». Новоявленная богиня чадородия пыталась распороть бок роженицы серебряными ножницами, чем поставила под угрозу ее жизнь. Имбакса поведал Небесному владыке всю сложность ситуации. Тот понял, что дочь Короля-дракона не годится на роль Сэнбульван и решил сделать таковой принцессу из королевства Мёнчжон, к добродетелям которой он давно присматривался. Он призвал ее из земного мира в свой дворец и рассказал, что нужно делать, чтобы помочь роженице разрешиться. Принцесса спасла женщину, находящуюся при смерти. Она сделала по-акушерски все правильно, и ребенок вышел на белый свет.

Дочь Короля-дракона, узнав об этом, сильно разозлилась; она поняла, что отныне лишена звания богини чадородия, а значит, и уважения. В споре с новой Сэнбульван она подчеркивала свою роль в зачатии ребенка и даже таскала ее за волосы. Принцессе удалось уговорить соперницу отправиться

к Небесному владыке и решить все миром. Тот решил устроить соревнование между ними, велел высадить по семечку в песках Западных земель (т.е. в загробном мире). Выросли два дерева, покрытых цветами. Дерево дочери Короля-дракона имело одну ветку, а цветы на ней сразу завяли, а на дереве принцессы было очень много ветвей, покрытых прекрасными цветами. Небесный владыка назначил принцессу богиней чадородия по имени Самсын-хальман. Дочь Короля-дракона стала Чосым-хальман – нянькой умерших детей в загробном мире, заботящейся об их душах [7, с. 80–99].

В легенде о братьях Чан и Пау дочь Короля-дракона выступает как защитница и покровительница простых людей. Братья рано потеряли родителей и жили в бедности. Однажды Пау заболел, ему становилось все хуже. Чану во сне явилась покойная мать и сообщила, что болезнь можно вылечить с помощью снадобья из Драконьего дворца, находящегося в Небесном озере на горе Пэктусан, самой высокой горе Корейского полуострова. Дорога оказалась долгой и очень трудной, но ожидания оправдались. Дочь Короля-дракона дала Чану три желтых гриба, наказав сделать из них отвар и напоить больного брата. Король-дракон вырвал два волоска из своей бороды и вручил их Чану. Вернувшись домой, Чан сделал все, что надо, и Пау поправился, а два волоска превратились в золото и серебро, что позволило братьям отныне жить в полном достатке [9, с. 77–79].

Эти сказания и легенды преподносят ценные уроки человеческой природы, взаимосвязи всего живого и важности бережного отношения к миру природы. Они, как и подобное творчество других народов, имеют к тому же и назидательный характер.

Ёнван в современном социокультурном контексте

В Южной Корее сохраняется религиозное почитание Короля-дракона у значительной части населения. Наиболее ярко это проявляется во время праздника Тэборым (Большая луна), приходящегося на первое полнолуние нового года по лунному календарю. Он восходит к временам древнего государства Силла, когда шаманизм был основной религией и символизировал пожелание богатого урожая в следующем году, а значит и всех сопутствующих благ, включая здоровье. Жители деревень собирались вместе, приносили жертвы небесам и совершали различные церемонии [11, р. 65–66]. Со временем Тэборым стал связываться с Королем-драконом, теперь уже к нему обращались за исполнением желаний. Этот обычай, превратившийся в большой народный праздник традиционной корейской культуры, сохраняется и поныне в Сеуле и других районах страны. Участники заходят в реку или море, спускают на воду миниатюрные плотки, каждый из которых несет зажженную свечу и прикрепленное письменное послание Королю-дракону с просьбами здоровья для членов их

семей [15]. На Тэборым готовят особое блюдо из пяти злаков – *огокпан*, приготовленное из клейкого риса, смешанного с просом, сорго, красной и черной фасолью [20, р. 37].

Тэборым празднуется и в Северной Корее. Как повествуют официальные СМИ, в 2002 г. «великий Ким Чен Ир объяснил руководящим работникам историю Дня тэборым и особые национальные блюда этого дня», а также дал указание «весело отметить» его в следующем году. С тех пор это «национальный праздник, полный духа эпохи, революционной романтики и благородной эмоции» [5].

Ритуал поклонения Королю-дракону практикуется также в домашних условиях. Он называется *обусим* (милосердие к водным существам) и проводится в 14-й день первого лунного месяца, в день рождения Будды, но также может проводиться в особых случаях, таких как неприятности в семье. Считается что Ёнван следит за водой, поэтому любое место у водоемов, включая море, озеро, реку, колодец или родник, может служить местом проведения ритуала [25]. В каждой деревне обычно есть несколько специально отведенных мест поклонения. Жертвенные продукты включают приготовленный на пару рис, минтай, фрукты трех цветов, свечи и священные тексты. Хозяйка дома кланяется и сжигает написанные тексты, молясь о мире и безопасности, начиная с текста для Ёнвана, затем для мужчины в доме, и наконец для сыновей и дочерей. Иногда сожжение текста заменяется процедурой бросания в воду пропаренного риса или сушеных морских водорослей в качестве подношения Ёнвану. Этот процесс сопровождается произнесением имени членов семьи или конкретного человека. За этим следует спуск на воду плошки, сделанной из тыквы, или лодочки, сплетенной из соломы, освещенной маленькой масляной лампой. Считается, что они унесут прочь все семейные несчастья [19].

Ёнвандже как деревенский ритуал соблюдается в приморских деревнях и на островах прибрежных регионов. В большинстве деревень он принимает форму общинного праздника с участием всех жителей, но организуется женщинами, которые приносят приготовленные дома жертвенные продукты и возносят свои личные молитвы. Уплывающая соломенная лодка избавляет общину от накопившихся невзгод [12].

Во многих регионах Южной Кореи в пятый день первого лунного месяца отмечается праздник *ённаль*. Считается, что в этот «драконий день» драконы откладывают яйца в колодцы, и после этого вода в них становится целебной. Если ею обрызгать комнаты дома и употребить внутрь, удача будет сопутствовать весь год [4, с. 187].

Драконы фигурируют в красочных фестивалях, которые проводятся в традиционные корейские праздники, такие как Чхусок (праздник урожая), отмечающийся в 15-й день восьмого лунного месяца, и в праздник Тано, связанный с окончанием посевного сезона (5-го числа 5-го месяца по лунному календарю) [1].

Наследие Короля-дракона продолжает оказывать влияние на современную корейскую культуру. Его образ перешел из древних мифов и королевских гербов в айдентику брендов, сюжеты аниме, клипы айдолов. Он по-прежнему олицетворяет силу, мудрость и удачу, но теперь также может быть романтическим героем, сложным антигероем или стильным поп-культурным атрибутом, оставаясь при этом важной частью корейской самоидентификации [16].

В фантастических дорамах дракон появляется в самых разных обликах; он близок к людям, помогает главным героям побеждать зло, но может быть и антагонистом, неся зло и разрушение [6, с. 411–415]. Король-дракон в кино перестал быть просто сказочным существом. Он стал универсальным культурным кодом, который режиссеры используют для воплощения конфликта между природой и цивилизацией, обсуждения тем неотвратимости судьбы, памяти и искупления.

В последние годы в Республике Корея возродился интерес к корейскому фольклору, в том числе к легендам о драконах. Люди стремятся восстановить связь со своими культурными корнями и изучить предания, которые повлияли на жизнь их предков.

Заключение

Король-дракон занимает важное место в корейской мифологии и фольклоре. Это могущественное, мудрое и в целом благосклонное к людям божество, контролирующее водную стихию. Его роль выходит за рамки простого «повелителя морей» и воплощает в себе связь между природными силами, человеческим благополучием и небесным покровительством. Он отражает глубокую связь корейской культуры с водой, земледелием и идеей гармонии с природой. Образ дракона исторически был символом королевской власти в Корее, олицетворяя мудрость, силу и справедливость.

Корейская культура наслаивала традиции шаманизма, буддизма и конфуцианства на архетипический образ Ёнвана. До прихода буддизма в Корею Король-дракон был природным духом. После буддийского влияния он стал защитником Дхармы и покровителем монашеской общины, этическим судьей, чьи действия соответствуют закону кармы, интегрированным персонажем буддийского пантеона. Это превращение – яркий пример культурного синкретизма, характерного для Кореи: местное божество не было уничтожено новой религией, а было ассимилировано, переосмыслено и наделено новыми функциями, став неотъемлемой частью буддийского ландшафта и народного сознания. Влияние конфуцианства на образ Ёнвана было менее прямым, по сравнению с буддизмом, но все же значительным, особенно в социально-политическом и ритуальном контексте. Образ дракона стал официальным символом королевской власти. Королевская одежда, трон, интерьеры дворцов украшались изображениями драконов.

Мифы и сказания о Короле-драконе в сжатой, образной форме кодируют основные принципы традиционного корейского мировоззрения: священность природы, необходимость поддержания гармонии во всех сферах бытия, взаимосвязь этики, власти и природного благополучия, надежда на высшую справедливость и покровительство сверхъестественных сил тем, кто следует моральным принципам. В сказках и легендах драконы изображаются как защитники, так и антагонисты людей, иллюстрируя тем самым сложность корейской мифологии.

В современной Корее Ёнван по-прежнему является значимой культурной фигурой. Это живой архетип, который не забыт, а перезагружен. Король-дракон присутствует в кино и телесериалах (дорамах), аниме, литературе, народных фестивалях и ритуалах. При этом он сохраняет свою глубинную связь с идеями защиты мудрости, власти и гармонии с природой, выступая мостом между корейским прошлым и ее динамичным настоящим. Этот образ продолжает быть ресурсом для творчества и рефлексии о корейской идентичности в глобализованном мире.

Таким образом, Король-дракон – это ключевой образ, через который можно понять экологическую, социальную, политическую и духовную философию традиционной Кореи. Его история – это история поиска баланса между человеком, обществом и Вселенной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранова Е. Драконы в китайской японской и корейской культурах. URL: <https://hsedesign.ru/project/0de49ea101f74639bf85032025fb009b>.
2. Ирён. Оставшиеся сведения о трех государствах (Самгук юса). СПб.: Гиперион, 2018, 894 с.
3. Колобова Е.А. Образ восточного дракона в корейской мифологии // Наука в мегаполис. 2025. № 1. URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-69/literaturovedenie-i-yazykoznanie/obraz-vostochnogo-drakona-v-korejskoj-mifologii.html>
4. Корейские мифы. М.: Эксмо, 2024. 240 с.
5. Корейские народные обычаи в День чонвор тэборым. URL: <https://koreanradio.info/korean-folk-customs-on-chongvor-taborym-day>.
6. Крыгина О.Ю. Интерпретация мифологического образа дракона в современном корейском кинематографе // Язык и коммуникация в контексте культуры: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д.: Ростовский государственный экономический университет, 2023. С. 411–415.
7. Ли Кёндок. От Небесного владыки и принцессы Пари до королей-драконов и духов-хранителей / пер. с кор. Л. Азариной. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022. 272 с.
8. Ода о драконах, летящих к небу / пер. со среднекор. Е.Н. Кондратьевой. М.: Восточная литература, 2011. 239 с.
9. То Хёнсин. Мифы и легенды Кореи / пер. с кор. А. Сорокиной. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2025. 439 с.
10. Chinese_dragon. URL: https://grokipedia.com/page/Chinese_dragon.
11. Covell A.C. Folk Art and Magic. Shamanism in Korea. Seoul: Hollym Corporation Publishers, 1998. 216 p.

12. Han Yangmyung. Ritual for Dragon King // Encyclopedia of Korean Folk Culture. URL: <https://folkency.nfm.go.kr/topic/detail/2623?pageType=search&keyword=dragon+king>.
13. Illes J. The Encyclopedia of Spirits: The Ultimate Guide to the Magic of Fairies, Genies, Demons, Ghosts, Gods, and Goddesses. New York: HarperOne. 2009. 1072 p.
14. Kim Amber Hyun Jung. Korea's Natural Wonders: Exploring Korea's Landscape. Seoul: Seoul Selection, 2015. URL: https://www.google.ru/books/edition/_/MsdfCgAAQBAJ?hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwjy7-qB7vuRAxV1IRAIHQJZNWYQ8fIDegQIEBAJ
15. Kim Hyunju. Daeborum: The First Full Moon Day. URL: <https://cafe.daum.net/KOHEC/6xib/262>
16. Korean Dragon King: Mythical Ruler of the Eastern Sea. URL: <https://mythologyworldwide.com/korean-dragon-king-mythical-ruler-of-the-eastern-sea/>.
17. McCann D. Early Korean Literature: Selections and Introductions. New York: Columbia University Press, 2000. 185 p.
18. Miller R.D. Dragon Myths and Biblical Theology // Theological Studies. 2019. Vol. 80 (1). P. 37–56.
19. Oh Segil. Dragon King // Encyclopedia of Korean Folk Culture. URL: <https://folkency.nfm.go.kr/topic/detail/2618>.
20. Pettid M.J. Korean Cuisine: An Illustrated History. London: Reaktion Books, 2008. 224 p.
21. Tcho Hye-young. The Dragon in the Buddhist Korean Temples // International Journal of Buddhist Thought & Culture. 2008. Vol. 8. P. 93–144.
22. Uphoff J. Dragons in East Asian Culture: Being a Brief Overview and Cross-Cultural Comparison of their Evolution // Numismatics International Bulletin, 2019. URL: https://www.academia.edu/39203856/Dragons_in_East_Asian_Culture_Being_a_Brief_Overview_and_Cross_Cultural_Comparison_of_their_Evolution.
23. Visser M. W. de. The Dragon in China and Japan. Amsterdam: J. Müller, 1913. URL: https://web.archive.org/web/20100119201804/http://fax.libs.uga.edu/GR830xD7xV8/1f/dragon_in_china_and_japan.pdf#page/.
24. Who is Yongwang in Korean mythology. URL: <https://worldhistoryedu.com/who-is-yongwang-in-korean-mythology/>.
25. Yongwang: The Dragon King of Sea and Storms. URL: <https://mythlok.com/yongwang/>.
26. Zhao Q. Chinese Mythology in the Context of Hydraulic Society // Asian Folklore Studies. 1989. Vol. 48. P. 231–246.

REFERENCES

1. Baranova E. “Drakony v kitajskoj yaponskoj i korejskoj kul'turakh” [Dragons in Chinese, Japanese and Korean cultures]. URL: <https://hsedesign.ru/project/0de49ea101f74639bf85032025fb009b> (in Russian).
2. Iryon. “Ostavshiesya svedeniya o trekh gosudarstvakh (Samguk yusa)” [Memorabilia of the Three Kingdoms (Samguk yusa)]. St. Petersburg: Giperion Publ., 2018 (in Russian).
3. Kolobova E.A. “Obraz vostochnogo drakona v korejskoj mifologii” [Kolobova E.A. The Image of the Eastern Dragon in Korean Mythology]. In Nauka v megapolise, no.1 (2025). URL: https://mgpu.media.ru/issues/issue69/literaturovedenie_i_yazykoznanie/obraz_vostochnogo-drakona-v-korejskoj-mifologii.html (in Russian).
4. Korejskie mify [Korean Myths]. Moscow: Ehksmo Publ., 2024 (in Russian).

5. Korejskie narodnye obychai v Den' chonvor tehbyorm [Korean Folk Customs on Chonvor Daeboreum Day] URL:<https://koreanradio.info/korean-folk-customs-on-chongvor-taborym-day/> (in Russian).
6. Krygina O.Yu. "Interpretaciya mifologicheskogo obraza drakona v sovremennom korejskom kinematografe" [Interpretation of the mythological image of the dragon in modern Korean cinema]. In *Yazyk i kommunikaciya v kontekste kul'tury. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Rostov-na-Donu: Rostovskij gosudarstvennyj ehkonomicheskij universitet Publ., 2023: 411–415 (in Russian).
7. Li Kyondok. "Ot Nebesnogo vладыki i princessy Pari do korolej-dragonov i dukhov-khranitelej" / per. s kor. L. Azarinoj [From the Heavenly Lord and Princess Pari to the Dragon Kings and Guardian Spirits / trans. from the original by L. Azarina]. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2022. (in Russian).
8. Oda o drakonakh, letyashchikh k nebu / per. so srednekorejskogo E.N. Kondrat'evoj [Ode to the Dragons Flying to the Sky] Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2011. (in Russian).
9. To Hyonsin. "Mify i legendy Korei" / per. s kor. A. Sorokinoj [Myths and Legends of Korea]. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2025. (in Russian).
10. Chinese_dragon. URL: https://gropedia.com/page/Chinese_dragon
11. Covell, A.C. "Folk Art and Magic. Shamanism in Korea". Seoul: Hollym Corporation Publ., 1998.
12. Han Yangmyung. "Ritual for Dragon King". In *Encyclopedia of Korean Folk Culture*. URL: <https://folkency.nfm.go.kr/topic/detail/2623?pageType=search&keyword=dragon+king>
13. Illes J. "The Encyclopedia of Spirits: The Ultimate Guide to the Magic of Fairies, Genies, Demons, Ghosts, Gods, and Goddesses". New York: HarperOne Publ., 2009.
14. Kim Amber Hyun Jung. "Korea's Natural Wonders: Exploring Korea's Landscape". Seoul: Seoul Selection Publ., 2015. URL: https://www.google.ru/books/edition/_/MsdfCgAAQBAJ?hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwjy7-qB7vuRAXV1IRAIHQJZNWYQ8fIDegQIEBAJ
15. Kim Hyunju. "Daeborum: The First Full Moon Day". URL: <https://cafe.daum.net/KOHEC/6xib/262>.
16. Korean Dragon King: Mythical Ruler of the Eastern Sea. URL:<https://mythologyworldwide.com/korean-dragon-king-mythical-ruler-of-the-eastern-sea/>
17. McCann, D. "Early Korean Literature: Selections and Introductions". New York: Columbia University Press Publ., 2000.
18. Miller R.D. "Dragon Myths and Biblical Theology". In *Theological Studies*. 2019, vol. 1 (2019): 37–56.
19. Oh Segil. "Dragon King". In *Encyclopedia of Korean Folk Culture*. URL: <https://folkency.nfm.go.kr/topic/detail/2618>
20. Pettid M.J. "Korean Cuisine: An Illustrated History". London: Reaktion Books Publ., 2008.
21. Tcho Hye-young. "The Dragon in the Buddhist Korean Temples". In *International Journal of Buddhist Thought & Culture*. vol. 8 (2008): 93– 144.
22. Uphoff, J. "Dragons in East Asian Culture: Being a Brief Overview and Cross-Cultural Comparison of their Evolution". In *Numismatics International Bulletin* (2019). URL: https://www.academia.edu/39203856/Dragons_in_East_Asian_Culture_Being_a_Brief_Overview_and_Cross_Cultural_Comparison_of_their_Evolution
23. Visser M. W. de. "The Dragon in China and Japan". Amsterdam: J. Müller Publ., 1913. URL :https://web.archive.org/web/20100119201804/http://fax.libs.uga.edu/GR830xD7xV8/1f/dragon_in_china_and_japan.pdf#page/
24. Who is Yongwang in Korean mythology. URL:<https://worldhistoryedu.com/who-is-yongwang-in-korean-mythology/>.

25. Yongwang: The Dragon King of Sea and Storms. URL: <https://mythlok.com/yongwang/>.

26. Zhao Q. "Chinese Mythology in the Context of Hydraulic Society". In Asian Folklore Studies, vol. 48 (1989): 231–246.

Сведения об авторе

Смертин Юрий Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и востоковедения, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040, г. Краснодар, Российская Федерация, my@jusmerten.ru, orcid.org/0000-0002-0432-0197

About the Author

Smerten Yuri Grigor'evich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Foreign Regional Studies and Oriental Studies, Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, 350040, Krasnodar, Russian Federation, my@jusmerten.ru, orcid.org/0000-0002-0432-0197

Процесс формирования капиталистических отношений в болгарских городах XVIII в.

Вартаньян Эгнара Гайковна

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

vartaneg@yandex.ru

Аннотация. Аннотация. Статья посвящена анализу процесса формирования капиталистических отношений в болгарских городах XVIII в. Отмечается, что в последние десятилетия XVIII в. Порты не смогла преодолеть феодальную анархию, господствующие классы не заботились о развитии производительных сил в связи со своей инертностью и ограниченностью. У Балканских народов, входивших в состав Османской империи, не существовало нормальных возможностей для формирования буржуазии, на пути своего развития они встречали большие трудности. Но вопреки этому городская и сельская буржуазия европейских владений Турции формировалась быстрее, чем в других её провинциях. Рассматривается состояние болгарских городов, показан процесс формирования в городах торговых и ремесленных цехов, появление первых мануфактур. Делается вывод о том, что молодая болгарская буржуазия рождалась в специфических общественно-экономических условиях сдерживающего влияния турецкого государства на зарождающиеся новые производственные отношения. Развитие товарно-денежных отношений расширяло обмен товарами, внутреннюю и внешнюю торговлю, включало болгарские земли в европейские капиталистические отношения. Ускорялся процесс социального расслоения в обществе. Буржуазия была важным фактором сплочения болгарского народа, сохранения и укрепления болгарской культуры. Из семей торгово-ремесленного сословия вышли представители болгарской интеллигенции периода Национального Возрождения.

Методологической основой работы являются основополагающие научные принципы историзма, объективности и системности. В статье использованы историко-хронологический, сравнительно-исторический, статистический методы исследования, а также цивилизационный подход в рассмотрении проблемы.

Ключевые слова: Болгария, Османская империя, торговля, ремесленные цехи, буржуазия, товарно-денежные отношения.

Для цитирования: Вартаньян Э.Г. Процесс формирования капиталистических отношений в болгарских городах XVIII в. // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 1. С. 107–120.

The process of formation of capitalist relations in Bulgarian cities of the 18th century

Vartanyan Egnara Gaikovna

Kuban State University, Krasnodar, Russia

vartaneg@yandex.ru

Summary. The article is devoted to the analysis of the process of formation of capitalist relations in Bulgarian cities of the 18th century. It is noted that in the final decades of the 18th century, the Ottoman Empire failed to overcome feudal anarchy. It is noted that in the last decades of the 18th century, the Porte was unable to overcome feudal anarchy; the ruling classes did not care about the development of productive forces due to their inertia and limitations. The Balkan peoples that were part of the Ottoman Empire lacked adequate opportunities for the formation of a bourgeoisie and encountered significant difficulties along the path of their development. Despite this, however, the urban and rural bourgeoisie of Turkey's European possessions developed more rapidly than in its other provinces. The article examines the state of Bulgarian cities, demonstrating the formation of trade and craft guilds and the emergence of the first manufactories. It concludes that the young Bulgarian bourgeoisie emerged in specific socio-economic conditions, characterized by the restraining influence of the Turkish state on the emerging new relations of production. The development of commodity-money relations expanded the exchange of goods, domestic and foreign trade, and integrated the Bulgarian lands into European capitalist relations. Social stratification accelerated. The bourgeoisie was an important factor in uniting the Bulgarian people and preserving and strengthening Bulgarian culture. Representatives of the Bulgarian intelligentsia of the National Revival period emerged from families of the merchant and artisan class. The methodological basis of this work is the fundamental scientific principles of historicism, objectivity, and systematicity. The article uses historical-chronological, comparative-historical, statistical research methods, as well as a civilizational approach in considering the problem.

Key words: Bulgaria, Ottoman Empire, trade, craft guilds, bourgeoisie, commodity-money relations.

For citation: *Vartanyan Egnara G.* The process of formation of capitalist relations in Bulgarian cities of the 18th century. *Journal of the Kuban State University Historical Sciences*, 2026, no. 1, p. 107–120.

Введение

В Османской империи процесс зарождения буржуазных отношений в Новое время в немалой степени был связан с разложением военно-ленной системы. Ослабление империи началось в XVII в., в частности, это проявилось в ее поражении в войне с коалицией европейских держав (Австрией, Речью Посполитой и Венецианской Республикой), получившей отражение в Карловицком мире 1699 г., результатом которого стали территориальные изменения, продемонстрировавшие новое соотношение сил в Европе [1, с. 225]. А в последней трети XVIII в. был заключен Кючук-Кайнарджийский договор (1774 г.) [2], завершивший победоносную для России войну с Турцией [3]. В результате этих войн Турция понесла

территориальные потери, и это было проявлением глубокого кризиса Османской империи.

Производительные силы в Османской империи в XVIII в. находились на гораздо более низком уровне по сравнению со странами Западной и Центральной Европы. Империя была аграрной страной, важное значение в ее развитии имели поземельные отношения. В последние десятилетия XVIII в. Порта не смогла преодолеть феодальную анархию, господствующие классы не заботились о развитии производительных сил в связи со своей инертностью и ограниченностью в противовес большей части европейских феодалов, чувствующих тенденции эпохи. В сущности, турецкие феодалы и в целом вся феодальная система были препятствием на пути дальнейшего социально-экономического развития Османской империи. В то время, как в Европе утвердился мануфактурный период развития, завершился процесс первоначального накопления капитала, буржуазия вышла на историческую арену, Османская империя оставалась отсталым государством, управляемым недалекими феодалами, не желающими обновления общества и приспособления к новым условиям. Переход от феодализма к капитализму в Турции проходил мучительно медленно.

В таких условиях у Балканских народов, входивших в состав Османской империи, не существовало нормальных возможностей для развития капитализма, формирования буржуазии, на пути своего развития они встречали большие трудности. Но вопреки этому городская и сельская буржуазия европейских владений Турции зарождалась быстрее, чем в других её провинциях.

Автор статьи задается целью рассмотреть процесс формирования и развития ремесла и торговли в болгарском городе XVIII в. как предпосылку для развития капиталистических отношений.

Эмпирической базой исследования явился труд основоположника Болгарского национального возрождения, святогорского монаха Паисия Хилендарского, а также документы, фиксирующие результаты войн Турции с соседними державами и изменение территориальных границ государств. Научной основой исследования являются статьи болгарских авторов В. Паскалевой, Х. Гандева, И. Снегарова, Н. Начова, Н. Райнова, С. Табакова, И. Снегарова, Х. Семерджиева, П. Цончева и др., посвященные истории развития отдельных болгарских городов рассматриваемого периода, а также статьи Х. Гандева, В. Хаджиниколова, Д. Косева, Ж. Натана, анализирующих общие вопросы хозяйственного развития Болгарии, ее торгово-экономические связи с другими странами. Использованы также труды отечественных авторов Э.Г. Вартаньян, В.П. Грачева, М.М. Якушева. Следует отметить, что комплексные труды по развитию болгарского города в XVIII в. в научной литературе отсутствуют.

Методологической основой работы являются основополагающие научные принципы историзма, объективности и системности. В статье

использованы историко-хронологический, сравнительно-исторический, статистический методы исследования, а также цивилизационный подход в рассмотрении проблемы.

Основная часть

В XVIII в. были заметны перемены в хозяйственном развитии Болгарии, которые можно было охарактеризовать как полуфеодальные и полукапиталистические. Зарождение болгарской буржуазии тесно переплеталось с проблемами демографического и хозяйственного облика болгарских городов, образования и расширения внутреннего рынка [4]. В XV–XVII вв. большую часть внутренней и внешней торговли Болгарии контролировал Дубровник [5, с. 20, 147, 157] (с 1358 по 1808 г. Дубровницкая Республика). Но эта торговля по большей части имела феодальный, ограниченный характер, номенклатура и количество ввозимых товаров не отличались большим объемом и разнообразием [6, с.76].

Развитию экономики и торговли в балканских владениях Османской империи мешали не только ограничения со стороны центральной и местных властей, а также, как отмечает В.П. Грачев, – частые австро-турецкие войны, эпидемии чумы, которые имели место в 1774 г. в 1792–1795 гг., массовые миграции, а на рубеже XVIII–XIX вв. – междоусобные войны пашей, разбои и т. д. [7, с. 19]. Но эти процессы хотя и замедляли темпы развития экономики страны, но приостановить их не могли.

Формирующаяся болгарская буржуазия в XVIII в. не представляла собой однородной массы. В начальной своей стадии она была главным образом торговой, но в ее среде можно было заметить несколько групп. Первая, более значительная, состояла из разбогатевших болгарских купцов, занимавшихся экспортной торговлей и проживающих в Австрии, Валахии и России. Вторая группа была сосредоточена на внутренней торговле и представлена в значительной степени торговцами крупным рогатым скотом и овцами, ростовщиками и другими представителями зарождающейся буржуазии. Самой значительной была группа мелких ремесленников и торговцев (мелкая буржуазия), которая играла важную роль в общественной жизни Болгарии рассматриваемого периода.

В XVIII в. на болгарских землях расширяется внутренняя и внешняя торговля, увеличивается объем ввозимой продукции, растет мануфактурное производство, ассортимент товаров. С 40-х гг. XVIII в. Болгария постепенно включается в международный товарообмен, что имело положительное значение для ее экономического развития. В таких болгарских городах, как София, Пловдив, Русе, Шумен, быстро развивались ремесло, торговля. Полное включение болгарских земель в средневропейскую торговлю относится ко второй половине XVIII в. Это было обусловлено двумя факторами: ускоренным внутренним развитием болгарской товарной экономики и развитием мануфактурного производства средневропейских

стран. Эти факторы благотворно отражались на хозяйственном развитии болгарских земель. Вывоз товаров был выше ввоза, т. е. торговый баланс в Болгарии оставался активным до конца столетия.

Главными рынками для болгарских товаров были трансильванские города. Вся Северная Болгария, македонские земли и многие южноболгарские города (Пловдив, Сливен) были активно включены в эту торговлю. Дунайские города Болгарии – Видин, Свищов, Никопол, Русе тоже стали играть важную роль в торговле. Французские, английские, голландские, итальянские, австрийские товары постепенно проникали на болгарские земли [8, с. 11]. Торговля с этими европейскими государствами стала значительно разнообразнее [9, с. 61–74]. После заключения Кючук-Кайнарджийского мира торговля с Россией расширилась по Дунаю и бассейну Черного моря [10, с. 60–68]. Но если сравнить уровень развития производительных сил Чехии, Австрии и Саксонии того же времени с балканскими провинциями Турции, можно констатировать замедленные темпы развития последних. Тем не менее экономика болгарских земель постепенно развивалась, во многих городах Болгарии стали появляться рынки, воскресные ярмарки. Но не только городские рынки и ярмарки способствовали развитию внутреннего товарообмена. В XVIII в. расширилась розничная торговля, ремесленное производство, что тоже способствовало развитию товарно-денежных отношений [11, с. 149].

В конце XVIII – начале XIX в. стали появляться первые болгарские мануфактуры. Так, габровский торговец Христо Рачков организовал мануфактурное шелкопрядельное предприятие, на котором работали наемные рабочие. По некоторым сведениям, в 1797 г. в Пловдиве существовала одна фабрика [12, с. 34]. Но в основном в болгарских городах доминировала цеховая организация.

Численность болгар в городах в XVIII в. постепенно увеличивалась. До середины XVIII в. большие города были деболгаризированы, однако с середины века болгарский элемент в городах стал быстро расти [13, с. 8–10]. Поскольку отсутствовала официальная статистика численности населения Османской империи XVIII в., болгарский исследователь Н. Михов приводит приблизительные данные на основе сведений путешественников: в городе Одрин (Адрианополь) проживало 80 тыс. чел., в Софии – 70 тыс., Солуни – 50 тыс., Пловдиве – 50 тыс., Русе – 30 тыс., Шумене – 30 тыс., Видине – 20 тыс. [14, с. 9] и т.д. Болгарское население этих городов в рассматриваемый период занималось активной хозяйственной деятельностью. К примеру, город Видин, стратегический пункт на Дунае, был торговым городом с высоким уровнем развития ремесла. Болгары там занимались ремесленно-цеховым производством, имели магазины, владели недвижимостью. Имущественное расслоение среди болгар Видина стало наблюдаться с XVII в. Наиболее многочисленной была группа ремесленников, имеющих магазины, дома, прослойка богатых купцов была небольшой, росло число мелких болгарских торговцев среди

преобладающего турецкого населения Видина. Болгары Видина занимались производительным трудом, постепенно увеличивалось их участие в хозяйственной жизни города. Что касается численности населения города, то рост происходил за счет естественного прироста и притока сельского населения.

В первые десятилетия XVIII в. в Придунайских городах ремесленное производство и торговля стали развиваться в связи с усилением хозяйственных связей с Центральной Европой. Большая часть македонского хлопка отправлялась через болгарские Никополь, Свищов и Русе в румынскую Браилу. В Никополе и Свищове оформилась группа предприимчивых болгарских торговцев с собственным капиталом [15, с. 9]. Исследователь К. Велики называет имена свищовских торговцев, участвующих в крупных сделках с хлопком – это хаджи Илия Алексу, Георги Маринович, Никола Попсакелариев, Никола Ненович, Никола Станкович и др. [9, с. 63, 69, 70–72]. В городах были также агенты болгарских и греческих торговых домов.

Крупным дунайским городом был Русе. Большинство путешественников называют его не только главным торговым городом Дуная, но и центром обмена товарами между Болгарией (в первую очередь Адрианополем) и Валахией. В последние десятилетия XVIII в. Русе стал большим транзитным центром в торговле хлопком. Транспортировка хлопка в Русе осуществлялась из Смирны (Измир) кораблями через Стамбул и Варну. Из Русе хлопок отправляли в Трансильванию [6, с. 91].

Крупным городом по пути из Русе в Варну был Разград. Разградские болгары принимали участие в торговле с Дубровником. Разград в 1759 г. подвергся опустошительному вторжению янычар. Но к концу XVIII в. он восстановился и вновь превратился в оживленный торговый город, в котором насчитывалась около тысячи домов болгар, турок и греков.

Важным стратегическим поселением Болгарии был Шумен, состоящий преимущественно из турецкого населения. В конце XVIII в. из 4 тыс. домов в городе только 750 принадлежало болгарам [6, с. 92]. Это был укрепленный торгово-ремесленный город. Ввиду своей малочисленности шуменским болгарам приходилось сложнее в контексте торгово-предпринимательской деятельности.

Одним из важных портовых городов Черноморского побережья была Варна – торговый «мост» Болгарии с турецкими городами, прежде всего Стамбулом. В варненском порту находилось много турецких и греческих кораблей, которые везли разные товары в столицу империи.

Росло болгарское население Плевена. В городе была большая группа богатых, авторитетных болгар, занимавшихся торговой деятельностью. Они отправлялись в паломничество на Святую гору Афон и в Иерусалим [16, с. 68, 79]. Ремесленное производство было развито и во Враце. Большого расцвета там достигло ювелирное дело.

Центром транзитной торговли между Северной и Южной Болгарией был Ловеч. Там собиралось много торговцев и покупателей. Постоянно по пути Ловеч – Троян – Пловдив двигались торговые караваны с такими товарами, как бархат, шелк, вельвет, воск и другими, далее торговцы направлялись в город Брашов (Румыния), оттуда держали путь в Будапешт, Вену, даже достигали Лейпцига. В Ловече хорошо развивались торговля и ремесло. В начале XVIII в. там имелось около 25 торговых гильдий, среди которых было немало болгар [6, с. 95]. Самой значительной отраслью ремесленного производства в Ловече было металлургическое дело, которое производило разные предметы из железа – гвозди и другие металлические изделия не только для местного рынка, но и для других городов империи.

Габровские торговцы поддерживали прямые хозяйственные связи с Валахией, Россией и Австрией. Нельзя не назвать крупных габровских торговцев, которые сконцентрировали внутреннюю и внешнюю торговлю города в своих руках [17, с. 460]. Наибольшего внимания заслуживает личность хаджи Христо Рачкова, который к концу XVIII в. накопил значительные богатства. Его сын был мастером по выделке кожи, зять Драган, тоже занимался предпринимательством, был видным габровским чорбаджи (зажиточная прослойка населения среди христиан). Христо Рачков торговал в Стамбуле, Валахии, Москве, занимался также ростовщичеством. Попытки габровского торговца организовать предприятие с наемными рабочими были началом развития мануфактурного производства. Можно привести пример родоначальника габровского торгового рода Палаузовых – Стефана. Стефан Палаузов был родом из села Мечковица, вместе с отцом начал заниматься в Габрово предпринимательством и постепенно накопил немалый капитал.

После падения столицы Второго болгарского царства Тырново в конце XIV в. численность болгарского населения там резко сократилась. Но к XVII в. число болгар в городе возросло, и гильдией ювелиров Тырново уже тогда руководили болгары [6, с. 97]. В XVIII в. болгары Тырново жили в шести христианских районах, в которых проживали кроме болгар греки, армяне, но болгарский элемент там преобладал.

Почти во всех путевых заметках XVIII в. София предстает большим городом – центром торговли и ремесла. Численность болгарского населения города к XVIII в. увеличилось. Большая часть болгар занималась ремесленным производством, имелись цеховые организации. Были известны случаи, когда при конкуренции с турецкими ремесленниками городские кадии принимали решения, запрещающие болгарам продавать свои товары в районах, в которых торговали турки. Зажиточные болгарские ремесленники и торговцы Софии покровительствовали христианским храмам, в частности, помогли реставрировать храм Святого Николая, покупали русские церковные книги, а в четырех софийских церквях в середине XVIII в. были записаны имена болгарских ремесленников и торговцев – покровителей этих церквей [6, с. 101]. В Софии была

образована настоящая церковная община, не имеющая широкой гласности, но объединяющая вокруг себя болгарское население.

Развитие ремесла, увеличение объема товарного производства создавали условия для социального расслоения в обществе, стали обособляться прослойки, имеющие какой-то первоначальный капитал. В Софии, как и в других городах, существовало имущественное неравенство, расслоение среди населения. В частности, там имелась группа болгарских торговцев со значительным капиталом, но они намного уступали по имущественному положению богатым туркам.

Рядом с Софией расположено поселение Самоков, известное как центр производства железа. Там были развиты ремесла, продукция ремесленного производства продавалась не только на внутреннем, но и на внешнем рынке. Подобно софийским, самоковские ремесленные цехи вкладывали средства в строительство болгарских церквей, играли важную роль в объединении христианской общины болгар [18]. В конце XVIII в. Самоковская долина выглядела как огромное железорудное предприятие. Все население окружающих сел работало в шахтах. Использовался наемный труд. В Самоков приходило в поисках работы население других поселений. Доходы от добычи железной руды принадлежали десятку беев, которые не вносили никаких усовершенствований в технический и производственный процесс на рудниках.

Самоковское железо складировалось в Пазарджике, который в XVIII в. представлял собой торговый центр с развитым ремесленным производством. Хотя Пазарджик был сравнительно новым городом, удобное географическое расположение (пересечение крупных торговых путей – царьградского и боснийского), а также большое количество железа из Самокова способствовали его быстрому развитию. Из Пазарджика вывозилось много товаров во все концы Болгарии, даже в Сербию и другие Придунайские страны. Все эти процессы вели к имущественному неравенству в городе, там было много бедных людей, в большинстве своем – болгары, многие из которых жили на грани нищеты и вынуждены были просить милостыню. Болгарское и христианское население проживало в условиях национального угнетения и феодального деспотизма.

Несомненно, самым крупным торговым и ремесленным южноболгарским городом был Пловдив. С покорением Болгарии турками там оставалось небольшое болгарское население, но постепенно численность болгар в городе росла. Пловдив был городом с большим количеством магазинов. Одни торгово-ремесленные прослойки города имели собственные лавки, магазины, другие торговали на рынке. К концу XVIII в. в Пловдиве было около 26 тыс. домов [6, с. 106]. Болгары в численном отношении среди христианского населения города доминировали, там также проживали армяне и греки. Население города росло за счет притока жителей из Сливена Чирпана, Врацы и других поселений.

Болгарское население Пловдива подвергалось насильственному греческому влиянию. Пловдивский митрополит был ревностным поборником греческого образования. Болгарская грамота с большим трудом проникала в среду пловдивских ремесленников и торговцев. Не все болгарские купцы, ремесленники, мастера Пловдива писали на болгарском языке. Некоторые болгары меняли свои фамилии на греческие, например, Димиров записывался как Димиртаки, Косток – Костаки. Греческий митрополит Пловдива выполнял не только гражданские, но и судебные функции при рассмотрении материальных, финансовых споров между христианами, вел бракоразводные процессы и т. д. вместе с членами Совета, в который входили официальные греческие чиновники города. Между митрополитом и его окружением, с одной стороны, и болгарскими населением Пловдива, с другой, существовал антагонизм, порой достигающий глубокой вражды [19].

В Пловдиве существовала богатая группа греческих торговцев. Они торговали с Европой и Малой Азией. В XVIII в. были постоянные торговые связи пловдивских купцов с австрийскими и румынскими землями, особенно с румынским городом Брашов.

Большую известность в качестве торгового города с разнообразными продуктами, мощными улицами, хорошими магазинами, лавками, большими домами снискал город Одрин (Адрианополь). Там встречались торговцы из Смирны, Бурсы и других анатолийских городов с торговцами балканских стран. Во второй половине XVIII в. в Одрине стали торговать и французы, образовав там католическую колонию. В городе проживали болгары, но часть из них переселилась во внутренние области страны, в частности, в город Троян.

В 1743 г. в г. Стара Загора была построена маленькая деревянная церковь, что объясняло наличие там болгарского населения. Там постепенно к концу века возникла маленькая группа разбогатевших болгар.

Ремесленное производство в городе Сливен начало появляться в XVII в. А в XVIII в. оружейное производство в городе достигло истинного расцвета. С конца указанного столетия там также стало развиваться производство роз [20, с. 54–55]. Цеховые организации города были в руках болгар, которые составляли большую часть населения (в первые десятилетия XIX в. в Сливене проживало около 20 тыс. человек, в большинстве своем болгары) [20, с. 87]. Болгары здесь занимались земледелием и скотоводством. Ремесленники и купцы города в рассматриваемое время достигли завидного финансового положения. Можно констатировать, что в XVIII в. Сливен сформировался как торговый центр. На ярмарки здесь собиралось много торговцев из разных стран, особенно из Румынии. Некоторые сливенские торговцы отправлялись в румынские города Брашов и Сибиу, заключали там сделки, оттуда отправлялись в Трансильванию на постоянное место жительства, продолжая поддерживать связи с родным городом. Наиболее известные среди этих

торговцев – Антон Иоан Камбуроглу и хаджи Сиву (последний даже входил в руководство Греческой торговой компании в Брашове) [9, с. 74].

Видное место среди горных поселений Болгарии занимал город Копривщица. Здесь население занималось скотоводством и ремеслом. В начале XVII в. в Копривщице было около 20 тыс. голов крупного рогатого скота, 120 тыс. овец и 2 тыс. лошадей [21, с. 486]. Развивалось и ремесло, ремесленному делу жители города обучались в Пловдиве. В конце XVIII в. в Копривщице было до 12 ремесленных цехов средней руки и несколько известных ремесленных родов, в частности род Чальковци. Представители этого рода в течение нескольких поколений жили в центральной части города по соседству с богатыми горожанами. Надгробия некоторых членов богатых семейств Копривщицы отличаются необыкновенным изяществом и изготовлены из дорогостоящего материала [22, с. 226–247].

Несмотря на близость к Пловдиву, жители Копривщицы не поддались на греческую пропаганду и старались сохранять болгарскую грамотность и культуру. В немалой степени в этом заслуга зажиточных людей, которые изыскивали средства для охраны болгарского общества от чуждого влияния. Семья Чальковци была в числе тех, кто внес вклад в развитие родного города. Представитель первого поколения этого рода хаджи Вълко в начале XVIII в. выделил средства для строительства церкви Святой Богородицы. Его сыновья продолжили эту традицию – построили больницу в Хилендарском монастыре в 1785 г. При участии всех зажиточных горожан в 1779 г. был построен и отделан хилендарский храм Святого Димитрия [23, с. 269]. В благодарность за все это из Хилендарского монастыря были отправлены в Копривщицу монахи для обучения молодёжи болгарской письменности.

В последние десятилетия XVIII в. в болгарском городе Калофер было много торговых домов – Бракаловы, Золотовичи, Караминковы и др. [24]. В городе Котел в 1740-х гг. почти все население составляли болгары (численность населения города в указанный период составляла около 6 тыс. чел., немало было среди них торговцев). Благодаря развитию скотоводства, в первую очередь овцеводства, в городе появились богатые люди, у некоторых насчитывалось по несколько тысяч овец. Использовался наемный труд, была тяжелая эксплуатация наемных работников.

Что касается македонских земель, то они были главным центром производства хлопка. Македонский хлопок вывозился в Западную Европу, особенно в Австрию и Саксонию, и назывался там «восточным хлопком». Торговля хлопком включала Болгарию и Центральную Европу. Из Македонии также вывозились табак, пшеница, ячмень, шерсть, кожа, воск. Численность болгарского населения Македонии росла в основном за счет притока сельского населения в города. Цеховые организации Охрида играли большую роль в хозяйственной и общественной жизни не только города, но и всей Македонии. Особенно известны были охридские кожевники, которые установили торговые связи с Европой в XVIII в., в конце столетия в Вене

работали охридские торговцы. Они материально помогали Охридской церкви и защищали ее независимость от Константинопольской патриархии [25, с. 113].

В конце XVIII в. в Охриде образовалась группа богатых горожан, ставших родоначальниками известных торговых и ремесленных семейств Македонии XIX в. – Янчевых, Дедовых, Бодлеви, Хаджиоглу и др. К середине XIX в. их насчитывалось около 50 чел. [25, с. 114].

Таким образом, в течение исследуемого периода болгарская буржуазия была экономически слаба, находилась на начальном этапе своего развития (еще в зачаточном состоянии), она больше была устремлена на личное обогащение, не сформировалось ее национальное самосознание. Во многом все это было обусловлено тем, что буржуазии в XVIII в. еще трудно было выйти за рамки существующего тогда в Османской империи феодального способа производства.

Заключение

Из изложенного можно сделать вывод о том, что в XVIII в. на болгарских землях происходил процесс зарождения буржуазных отношений. В условиях чужеземного гнета и феодальной анархии Османской империи покоренным народам крайне сложно было успешно заниматься хозяйством. Формирование капиталистических отношений в Болгарии происходило в условиях эксплуатации и ограбления народа, поэтому процесс зарождения капиталистических отношений в XVIII в. происходил медленно. Молодая болгарская буржуазия рождалась в специфических общественно-экономических условиях сдерживающего влияния турецкого феодального государства на зарождающиеся новые производственные отношения. Тем не менее, появлялись торговые и ремесленные цехи, мануфактуры. Развитие товарно-денежных отношений расширяло обмен товарами, внутреннюю и внешнюю торговлю, вовлекало болгарские земли в европейские капиталистические отношения. Ускорялся процесс социального расслоения в обществе. Мелкая буржуазия была важным фактором сплочения болгарского народа, сохранения и укрепления болгарского образования и культуры. Из семей торгово-ремесленного сословия вышли представители болгарской интеллигенции периода Национального Возрождения.

Болгарская торговая буржуазия вышла на историческую арену тогда, когда крупная греческая буржуазия уже имела торговые компании в европейских городах. На всех международных ярмарках она занимала первое место среди представителей разных балканских народов. Греческое духовенство усиливало свое влияние на православное население империи, многие болгарские торговцы в среде греческой буржуазии нередко выдавали себя за греков. Но греческое влияние в XVIII в. еще не пустило глубокие корни среди болгарской торговой буржуазии, хотя такая опасность

существовала. Об этом писал и святогорский монах Паисий Хилендарский в 1760-е гг. [26, 27].

Можно констатировать, что болгарская буржуазия XVIII в. только формировалась, но нельзя отрицать ее роль в процессе разложения феодальной системы и постепенном переходе к капиталистическим отношениям. Зарождающаяся болгарская буржуазия была продуктом общественно-экономического развития XVIII в. в медленном и мучительном процессе перехода общества от феодализма к капитализму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вартаньян Э.Г. История Турции. Краснодар: КубГУ, 2013. 611 с.
2. Кючук-Кайнарджийский мирный договор между Россией и Турцией // Электронная библиотека исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/kuchuk.htm>.
3. Якушев М.М. «Разгромленная Турция лежала у ног Российской монархии...» // Военно-исторический журнал. 2021. № 8. С. 42–49.
4. Вартаньян Э.Г. Болгарский город в XIV–XVIII вв.: основные тенденции развития // Синергетика образования. Шестые Международные Кирилло-Мефодиевские научно-педагогические чтения. М.; Ростов н/Д, 2010. № 2 (18). С. 97–101.
5. Сакъзов И. Стопанските връзки между Дубровник и българските земи през XVI и XVII столетие. София: Държавна печатница, 1930. 205 с.
6. Паскалева В. Развитие на градското стпанство и генезисът на българската буржоазия прех XVIII в. // Паисий Хилендарски и неговата епоха. София: БАН, 1962. С. 71–127.
7. Грачев В.П. Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. М.: Наука, 1990. 198 с.
8. Гандев Х. Търговската обмяна на Европа с българските земи през XVIII и начало XIX в. // Годишник на университета «Климент Охридски». Том X. 1943–1944 гг. София: Университетско изд-во «Климент Охридски», 1944. С. 10–23.
9. Велики К. За търговията на българските градове с Австрия в края на XVIII и началото на XIX в. // Исторически преглед. Год XV, 1959. Кн. 6. С. 61–74.
10. Хаджиниколов В. Българо-руски стпански отношения и връзки до освобождения от турско иго // Трудове на Висшия икономически институт (ВИИ) «Карл Маркс». 1957. Кн. 1. С. 60–68.
11. Натан Ж. Стопанска история на България. София: БАН, 1957. 499 с.
12. Косев Д. Към изясняване някои проблеми от историята на България през XVIII и началото на XIX в. // Исторически преглед. Год XII. № 3. 1956. С. 26–62.
13. Гандев Х. Проникването и укрепването на българите във Видин към края на XVII и през XVIII в. // Известия на Етнографския институт и музей при БАН. Кн. IV. София: Б.м., 1961. С. 5–26.
14. Михов Н. Населението на Турция и България прѣз XVIII и XIX в. Библиографски издирвания с статистични и етнографски данни. Т. 1. София: БАН, 1915. 170 с.
15. Сакаров Н. Търговското и икономическото значение на Свищов. София: Свищовска дружба, 1928. С. 7–21.
16. Трифонов Ю. История на града Плевен до Освободителната война. София: Държавна печат, 1933. 373 с.
17. Цончев П. Из стопанското минало на Габрово. София: Художник, 1929. 674 с.

18. Семержиев Х. Самоков и околността му. Самоков: Ист. музей, 2014. 319 с.
19. Снегаров И. Гръцки кодекс из Пловдивската митрополия / Сборник БАН. София: Б.м., 1949. С. 177–400.
20. Табаков С. История на град Сливен. Т. 3. София: Изд-во «Стайков», 1929. 352 с.
21. Ослеков Л. Юбилеен сборник по миналото на Копривщица (20 април 1876 – 20 април 1926). София: Издава Копривщенското дружество, 1926. 770 с.
22. Райнов Н. Копривщенски надгробни кръстове, плочи и зидани извори // Годишник на Народната библиотека в Пловдив, 1923. София: Държавна печатница, 1925. 314 с.
23. Иванов Й. Български старини из Македония. София: БАН, 1931. 671 с.
24. Начов Н. Калофер в миналото. 1707–1807. София: Изд-во «Кожухаров», 1927. 136 с.
25. Снегаров И. Град Охрид. Исторически очерк // Макдонски преглед, 1928. Год IV. Кн. I. С. 113. С. 91–128.
26. Паисий Хилендарский. История славяноболгарская. София: Св. Климент Охридски, 1998. 330 с.
27. Вартанян Э.Г. «История славяноболгарская» Паисия Хилендарского как отправная точка болгарской историографии эпохи раннего Возрождения (XVIII – первая половина XIX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 158–167.

REFERENCES

1. Vartanyan E.G. Istoriya Turtsii. Krasnodar: KubGU, 2013. 611 p.
2. Kyuchuk-Kainardzhiiskii mirnii dogovor mezhdu Rossiei i Turtsiei // E`lektronnaya biblioteka istoricheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/kuchuk.htm>.
3. Yakushev M. M. «Razgromlennaya Turtsiya lezhala u nog Rossiiskoi monarkhii...» // Voенно-istoricheskii zhurnal. 2021. № 8. P. 42–49.
4. Vartanyan E.G. Bolgarskii gorod v KhIV–KhVIII vv.: osnovnie tendentsii razvitiya // Sinergetika obrazovaniya. Shestie Mezhdunarodnie Kirillo-Mefodievskie nauchno-pedagogicheskie chteniya. M.: R/nD, 2010. № 2 (18). P. 97–101.
5. Sakzov I. Stopanskite vrzki mezhdu Dubrovnik i blgarskite zemi prez KhVI i KhVII stoletie. Sofiya: Drzhavna pechatnitsa, 1930. 205 p.
6. Paskaleva V. Razvitie na gradskoto stlpanstvo i genezist na blgarskata burzhoaziya prekh KhVIII v. // Paisii Khilendarski i negovata yepokha. Sofiya: BAN, 1962. P. 71–127.
7. Grachev V.P. Balkanskite vladeniya Osmanskoi imperii na rubezhe KhVIII –KhIKh vv. Moskva: Nauka, 1990. 198 p.
8. Gandev Kh. Trgovskata obmyana na Yevropa s blgarskite zemi prez KhVIII i nachalo KhIKh v. // Godishnik na universiteta «Kliment Okhridski». Tom Kh. 1943–1944 g. Sofiya: Universitetsko izd-vo «Kliment Okhridski», 1944. P. 10–23.
9. Veliki K. Za trgoviyata na blgarskite gradove s Avstriya v kraia na KhVIII i nachaloto na KhIKh v. // Istoricheski pregled. God KhV, 1959. Kn. 6. P. 61–74.
10. Khadzhinikolov V. Blgaro-ruski stpanski otnosheniya i vrzki do osvobozhdeniya ot tursko igo // Trudove na Visshiya ikonomicheski institut (VII) «Karl Marks». 1957. Kn. 1. P. 60–68.
11. Natan Zh. Stopanska istoriya na Blgariya. Sofiya: BAN, 1957. 499 p.
12. Kosev D. Km izasnyavane nyakoi problemi ot istoriyata na Blgariya prez KhVIII i nachaloto na na KhIKh v. // Istoricheski pregled. Kn. KhII. № 3. 1956. P. 26–62.

13. Gandev Kh. Pronikvaneto i ukrepvaneto na blgarite vv Vidin km kraya na KhVII i prez KhVIII v. // Izvestiya na Yetnografskiya institut i muzei pri BAN. Kn. IV. Cofiya: B.m.,1961. P. 5–26.
14. Mikhov N. Naselenieto na Turtsiya i Blgariya prbz XVIII i XIX v. Bibliografski izdirvaniya s statistichni i yetnografski dannii. T. 1. Sofiya: BAN, 1915. 170 p.
15. Sakarov N. Trgovskoto i ikonomicheskoto znachenie na Svishchov. Sofiya: Svishchovska družba, 1928. P. 7– 21.
16. Trifonov Yu. Istoriya na grada Pleven do Osvoboditelnata voina. Sofiya: Drzhavna pechat, 1933. 373 p.
17. Tsonchev P. Iz stopanskoto minalo na Gabrovo. Sofiya: Khudozhnik, 1929. 674 p.
18. Semerzhiev Kh. Samokov i okolnostta mu. Samokov: Ist. muzei, 2014. 319 p.
19. Snegarov I. Grtski kodeks iz Plovdivskata mitropoliya / Sbornik BAN. Sofiya: B.m., 1949. P. 177–400.
20. Tabakov S. Istoriya na grad Sliven. T. 3. Sofiya: Izd. «Staikov», 1929. 352 p.
21. Oslekov L. Yubileen sbornik po minaloto na Koprivshchitsa (20 april 1876 – 20 april 1926). Sofiya: Izdava Koprivshchenskoto družhestvo, 1926. 770 p.
22. Rainov N. Koprivshchenski nadgrobni krstove, plochi i zidani izvori // Godishnik na Narodnata biblioteka v Plovdiv, 1923. Sofiya: Drzhavna pechatnitsa, 1925. 314 p.
23. Ivanov Y. Blgarski starini iz Makedoniya. Sofiya: BAN, 1931. 671 p.
24. Nachov N. Kalofer v minaloto. 1707–1807. Sofiya: Izd. «Kozhukharov», 1927. 136 p.
25. Snegarov I. Grad Okhrid. Istoricheski ocherk // Makedonski pregled, 1928. God IV. Kn. I. S. 113. P. 91–128.
26. Paisii Khilendarskii. Istoriya slavyanobolgarskaya. Sofiya: Sv. Kliment Okhridski, 1998. 330 p.
27. Vartanyan E.G. "Istoriya slavyanobolgarskaya" Paisiya Khilendarskogo kak otpravnaya tochka bolgarskoi istoriografii epokhi rannego Vozrozhdeniya (KhVIII – pervaya polovina KhIX v.)» // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2023. № 85. P. 158–167.

Сведения об авторах

Вартаньян Эгнара Гайковна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040, г. Краснодар, Российская Федерация, vartaneg@yandex.ru, orcid.org/0000-0001-5030-8941

About the Authors

Vartanyan Egnara Gaikovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of World History and International Relations, Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, 350040, Krasnodar, Russian Federation, vartaneg@yandex.ru, orcid.org/0000-0001-5030-8941

Неравные возможности: женщины в высшем образовании и науке Германии в 2000–2025 гг.

Назаров Сергей Васильевич

Армавирский государственный педагогический университет,
г. Армавир, Россия
senaza@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье проводится комплексный анализ ситуации с гендерным равноправием в академической и научной сферах Германии. Несмотря на декларируемое стремление к равенству, современная немецкая система высшего образования и науки продолжает демонстрировать наличие системных проблем, препятствующих полному достижению гендерного паритета. В статье исследуются причины гендерной дискриминации в современной Германии в сферах высшего образования и науки. Указываются основные аспекты проявления гендерного дисбаланса в исследуемых сферах. Особое внимание уделяется анализу статистических данных, выявляющих гендерный разрыв на различных уровнях академической карьеры, от доступа к высшему образованию до продвижения по службе на профессорские позиции. Исследование выявляет ключевые барьеры, с которыми сталкиваются женщины в научной карьере. Немецкие женщины чаще вынуждены отвлекаться от преподавательской и научной деятельности в связи с перерывами на рождение ребёнка и его уход. Многие вынуждены работать неполный рабочий день. Важную роль в гендерном дисбалансе играют также «стеклянный потолок», неформальные сети, поддерживающие мужское доминирование, недостаточная инфраструктура для совмещения профессиональных обязанностей с семейной жизнью, а также гендерные стереотипы, влияющие на карьерные ожидания и распределение ролей в академической среде. Анализируются также особенности финансирования научных исследований и их влияние на гендерный состав научных коллективов. В заключение делается вывод, что гендерная сегрегация в сферах высшего образования и науки в Германии имеет социальные и культурно-мировоззренческие причины.

Ключевые слова: Германия, гендер, высшее образование, наука, дискриминация, традиции.

Для цитирования: Назаров С.В. Высшее образование и наука в современной Германии: основные проблемы гендерного равноправия и пути их решения // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 1. С. 121–129.

Unequal opportunities: women in higher education and research in Germany 2000–2025

Nazarov Sergey V.

Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russia
senaza@yandex.ru

Summary: This article provides a comprehensive analysis of gender equality in Germany's academic and scientific fields. Despite a declared commitment to equality, the

contemporary German higher education and research system continues to exhibit systemic problems that hinder the full achievement of gender parity. This article examines the causes of gender discrimination in higher education and research in contemporary Germany, identifying the main aspects of gender imbalance in these fields. Particular attention is paid to analyzing statistical data revealing the gender gap at various levels of the academic career, from access to higher education to promotion to professorships. The study identifies key barriers facing women in academic careers. German women are more likely to be forced to take time off from teaching and research due to childbirth and childcare. Many are forced to work part-time. The glass ceiling, informal networks that support male dominance, inadequate infrastructure for reconciling professional responsibilities with family life, and gender stereotypes that influence career expectations and the distribution of roles in academia also play a significant role in gender imbalance. Research funding patterns and their impact on the gender composition of research teams are also analyzed. The conclusion is that gender segregation in higher education and research in Germany has social, cultural, and ideological causes.

Key words: Germany, gender, higher education, science, discrimination, traditions.

For citation: *Nazarov Sergey V.* Higher Education and Science in Modern Germany: Main Problems of Gender Equality and Ways to Solution Them. Journal of the Kuban State University Historical Sciences, 2026, no. 1, p. 121–129.

Введение

Образование приобретает всё большее значение в процессе прогрессивного развития постиндустриального общества. Это касается как общей социальной перспективы в плане обеспечения конкурентоспособности и инновационных возможностей, социальной сплочённости общества, так и индивидуальных перспектив в отношении рынка труда и возможностей заработка.

Сфера образования – важная «лакмусовая бумага», проявляющая реальное положение равноправия мужчин и женщин в той или иной стране. Данную проблему можно рассматривать во многих аспектах:

- доступность высшего образования для мужчин и женщин;
- в каких науках достигнут паритет, а в каких нет и почему;
- половые показатели занятия высших должностей в вузах и научных организациях;
- размер оплаты труда (мужчин и женщин) научных сотрудников и преподавательского состава высшей школы;
- наличие организаций и программ, в том числе государственных, поддерживающих продвижение женщин в науку.

Обозначенные проблемы далеко не исчерпывают перечня поднимаемых вопросов при рассмотрении заявленной в статье темы.

В качестве методологической базы выступают метод сравнительного анализа, статистико-социологический метод, принцип единства логического и исторического в историко-культурном процессе.

При написании статьи автор опирался на работы зарубежных исследователей. Проблему гендерного неравенства в академической науке исследуют в своих статьях Х. Сарсонс [12], А. Зукко [13]. Стоит отметить

статью К. Болл и Ю.С. Леппена, в которой авторы изучают гендерные различия в оплате труда в Германии. Объясняя разрыв в заработной плате мужчин и женщин, они указывают, что «дискриминация» начинается с выбора профессий, что и определяет разные жизненные образовательные стратегии. Исследователи отмечали, что по данным Федерального статистического офиса (2014 г.), гендерный разрыв в оплате труда в Германии составлял 22 % [2].

Особое значение для раскрытия темы имели законодательные акты [4] и статистические данные Германии [1; 8].

Основная часть

Во второй половине XX в. германское общество (ФРГ и ГДР) сделало серьёзные шаги по достижению гендерного равноправия в своих странах. Данная политика продолжилась и после объединения Германии. На первый взгляд дискриминационные по признаку пола законы прекратили своё действие. Расширились права и свободы германских женщин. За дискриминацию по половому признаку на рабочих местах наказывают и преследуют по закону. И тем не менее, несмотря на многие достижения Германии, в вопросе равенства полов по-прежнему актуальной является проблема дисбаланса мужчин и женщин в системе высшего образования и науке. Почему это происходит, если на законодательном уровне осуществляется поддержка девушек / женщин, стремящихся заниматься научными изысканиями. Почему сами женщины выбирают чаще всего гуманитарные направления своей научной деятельности, а не точные науки? Возможно, ли ситуацию изменить только нормативно-правовыми методами? На многие эти вопросы однозначного ответа нет.

Согласно данным Федерального статистического управления, в 2020 г. 52,5 % всех студентов первого курса составляли женщины. Их доля увеличилась почти на 5 % по сравнению с 2011 г. Данные показывают, что с 2011 г. доля студенток не только значительно выросла, но впервые в 2020 г. превысило долю мужчин [8].

Ситуация с гендерным равноправием начинает меняться, если рассматривать получаемую профессию в высшем учебном заведении. Например, в 2007 г. в соответствии с официальной статистикой в Германии было 44676 заявлений на выпускные экзамены по инженерной специальности, среди них 9931 заявление подали женщины – это приблизительно 22,2 % по всей стране [1, с. 32]. Ситуация в процентном соотношении в последующие годы сильно не изменилась. Так, в 2015 г. женщины составляли лишь треть студентов первого курса в математике и естественных науках; в инженерных специальностях этот показатель был ещё ниже – всего четверть [13].

В 2020 г. в общей сложности около 289600 студентов получили свою первую университетскую степень. Из них примерно 155600 были

женщинами и 134000 – мужчинами. В период с 2010 по 2015 г. показатель первого выпуска был примерно на три процентных пункта выше у женщин, чем у мужчин. С 2015 г. этот разрыв ещё больше увеличился: в 2020 г. он составил около 7 %. В 2020 г. показатель первого выпуска составил 34 % для женщин и 27 % для мужчин [3]. Итак, несмотря на то что количество мужчин, поступивших в высшие учебные заведения в указанные годы превышало количество женщин, к моменту выпуска из вузов их доля значительно сокращалась.

Совершенно очевидно, что доля женщин уменьшается с повышением уровня академической квалификации. Из 23754 докторских диссертаций, защищённых в 2007 г., 10033 были успешно защищены женщинами, т.е. их доля в среднем по стране составила 42,2 % [1, с. 36], в 2024 г. этот показатель составил 46,2 % [5].

Хабилитацию (габилитацию) – процедуру получения высшей академической квалификации, которая следует после учёной степени доктора и дает право на занятие профессорской должности в университете (Priv.- Doz. и / или Dr. habil.), в 2007 г. из общего числа 1881 успешно завершённых процедур 457 были пройдены женщинами (24,3 %) [1, с. 38]. В 2024 г. доля женщин, прошедших процедуру хабилитации, составила 36,3 % [5].

В 2007 г. из 802 профессорско-преподавательских должностей 269 были заняты женщинами (33,5 %). Самый большой процент женщин-профессоров (около 49 %) был в Берлине, что отчасти связано и с количеством вузов в столице и с особой образовательной культурой столицы [1, с. 40]. Очень похожее распределение наблюдается и среди новых сотрудников. В 2018 г. женщины составляли 43 % младших профессоров, но лишь 34 % профессоров уровня W2 и всего 27 % профессоров уровня W3 [10]. В начале 2020-х гг. доля женщин среди профессоров сократилась и в 2024 г. составила 29,7 % профессоров уровня W2 и всего 11,8 % профессоров уровня W3 [11].

Итак, корреляция между уменьшением доли женщин и повышением уровня академической квалификации также известна как «протекающий трубопровод» и описывает феномен постепенного исчезновения женщин из академической системы по мере продвижения по карьерной лестнице.

В связи с растущей потребностью профессиональных кадров в научно-технической сфере большое внимание стало уделяться привлечению в данную сферу деятельности женщин. Но статистика показывает, что многие немки не готовы посвятить свою жизнь точным, техническим и информационным наукам, что приводит к разрыву в оплате труда.

На законодательном уровне в Германии запрещена дискриминация в оплате труда по признаку пола. В § 611a и § 612(3) Гражданского кодекса Германии закреплено: «В трудовых отношениях для равного или равноценного труда не должно быть меньшего размера оплаты из-за пола работника». Учитываются такие показатели, как рабочее время, профессия,

квалификация, вид деятельности и другие показатели [4]. Номинально гендерной дискриминации в сферах высшего образования и науки в разрезе оплаты не существует. С чем тогда связан разрыв доходов между мужчинами и женщинами? Во-первых, мужчины занимают более высокие должности, а следовательно, и более высокооплачиваемые [2]. Во-вторых, немки чаще вынуждены отвлекаться от преподавательской и научной деятельности в связи с перерывами на рождение ребёнка и его уход (дефицит времени может быть важным препятствием для продвижения по карьерной лестнице). Многие стараются работать неполный рабочий день. Неравенство в оплате можно объяснить и отказом многих женщин от длительных командировок с целью повышения своего профессионализма, в то время как сотрудники мужчины чаще всего соглашаются или даже сами инициируют своё обучение, конференции или командировки по обмену опытом. В-третьих, это специализация мужчин и женщин. Мужчины чаще делают открытия или работают на факультетах точных, инновационных, медицинских, инженерных специальностей. Предпочтение отдаётся математике, физике, химии, биологии, археологии, компьютерным и инженерным специальностям (конечно, есть и многочисленные исключения, но средние показатели подтверждают этот вывод).

Женщины специализируются чаще на гуманитарных специальностях: искусствоведение, литературоведение, история и т.д. Другими словами, мужчины вращаются там, где больше возможности для высокооплачиваемых грантов, где изобретения могут иметь прикладной характер, а следовательно, возможно найти заинтересованного инвестора. Многие немки стремятся работать в педагогической сфере начальной и средней ступени, тогда как в высшей школе численно преобладают мужчины. Женщины в Германии не идут в хорошо оплачиваемые отрасли такие как компьютерные науки, информационные и коммуникационные технологии (ИТ). Именно в этих сферах есть гендерная диспропорция – 85 % сотрудников мужчины [10].

В-четвёртых, наиболее важным фактором продвижения в академической карьере является публикация в престижных журналах. Однако даже здесь становится очевидным, что женщины представлены в этих журналах реже: например, в «Quarterly Journal of Economics», одном из четырех ведущих журналов по экономике, в период с 2015 по 2017 г. не было ни одной статьи, написанной исключительно женщинами. По мнению Э. Хенгель, одна из возможных причин этого заключается в том, что к женщинам предъявляются более высокие требования к качеству написания, чем к мужчинам. В этой области распространена практика перечисления авторов в алфавитном порядке, а не в соответствии с их вкладом в статью. Это означает, что читатели статьи не знают, какой автор внес какой вклад в работу [6]. Исследование Х. Сарсон выявило, что успех высококачественных публикаций, написанных в соавторстве мужчинами и женщинами, чаще приписывается мужчинам [12, с. 142].

Таким образом, неравенство в оплате считается законным, если работа оплачивается в соответствии с показанными результатами, т.е. эффективностью работника. Это является сильной мотивацией к профессиональному и научному росту, но просто не всегда женщины и мужчины могут оказаться в равных условиях для своего роста. Не менее важную роль играют готовность к работе и ориентация на научную карьеру. Несмотря на то что женщин с высшим образованием в процентном соотношении больше, на этапе научной деятельности мы увидели снижение этих показателей. То есть мужчины, которые получили высшее образование, чаще продолжают научную карьеру, чем женщины.

Незаконные различия возникают, когда существует разница в оплате труда женщин и мужчин даже при одинаковом образовании, количестве рабочего времени, при одинаковой профессиональной подготовке и возможностях, но в рассматриваемых нами сферах в современной Германии такое практически исключено.

С учетом традиций, семейных ценностей и представлений немецкого общества о мужском и женском предназначении, происходит специализация мужчин и женщин, следовательно, и различия в профессиональной деятельности, карьерном росте обоих полов. Таким образом, происходит самостоятельный отбор женщин и мужчин на различные иерархические должности.

Конечно, в последние десятилетия благодаря политике властей, развитию идей феминизма, популяризации идеи гендерного равноправия в искусстве, СМИ, происходят серьёзные сдвиги, которые приводят к усилению позиций женщин в науке и в высшей образовательной системе. Но такие характеристики, как целеустремленность и приверженность делу и организации, могут иметь отношение к производительности и, следовательно, узаконивать различия в оплате труда. В 2021 г. во многих отчётах по гендерной ситуации в Германии, а также в работах исследователей отмечалась необходимость законодательного закрепления гендерного равенства и на работе, и в семье, что позволило бы немецким женщинам продолжать профессиональный рост даже после рождения ребёнка или при необходимости ухаживать за престарелыми родственниками. Указывается и необходимость менять «гендерный климат» в Германии путём образования и популяризации идеи гендерного равноправия, особенно среди молодёжи, через фильмы, музыку, СМИ, различные общественные инициативы и т.д. [9].

Заключение

Итак, неравенство в сфере высшего образования и в науке в современном германском обществе имеет больше социальную и культурно-мировоззренческую подоплёку. Как показала практика, улучшение на законодательном уровне не может кардинально изменить ситуацию.

Необходим комплексный подход для расширения возможностей женщин в данных сферах. К концу второго десятилетия XXI в. наблюдалось усиление общественного внимания к проблеме гендерного баланса в науке и образовании. Введение квот в некоторых федеральных землях и на уровне отдельных университетов, а также активная работа женских советов и исследовательских центров, начали приносить первые результаты. Повысилась осведомленность о «скрытых» механизмах дискриминации, таких как предвзятое отношение при найме и продвижении, а также сложности совмещения научной карьеры с семейными обязанностями.

Таким образом, период 2000–2020 гг. в Германии характеризовался постепенным, но не всегда равномерным прогрессом в достижении гендерного паритета в высшем образовании и науке. Несмотря на количественный рост числа женщин в академической среде, качественные изменения, затрагивающие достижение истинного равенства возможностей на всех уровнях, по-прежнему требовали системных усилий. Вызовы, связанные с вертикальной сегрегацией, горизонтальным разделением сфер деятельности и поддержкой женщин-ученых, оставались центральными для дальнейшего развития немецкой науки и образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Atlas zur Gleichstellung von Frauen und Männern in Deutschland. Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend. 2007. URL: <https://www.bmfsfj.de/resource/blob/93282/54bc2ae0e85ce1d1a6484d948d2233bc/atlas-gleichstellung-deutschland-data.pdf>
2. Boll, C. Die geschlechtsspezifische Lohnlücke in Deutschland: Umfang, Ursachen und Interpretation / C. Boll, J. Leppin //Wirtschaftsdienst, 95(4), S.249-254. URL: <https://www.wirtschaftsdienst.eu/inhalt/jahr/2015/heft/4/beitrag/die-geschlechtsspezifische-lohnluecke-in-deutschland-umfang-ursachen-und-interpretation.html>
3. Bildung in Zahlen 2020/2021 im Digitalen Magazin. URL: https://www.destatis.de/DE/Mediathek/Digitales-Magazin/Bildung/_inhalt.html# 579808
4. German Civil Code. BGB. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bgb/.
5. Der Anteil von Frauen in verschiedenen Phasen der akademischen Laufbahn. URL: <https://www.destatis.de/EN/Themes/Society Environment/Education Research Culture/Institutions-Higher-Education/Tables/frauen-anteile-akademische-laufbahn.html>.
6. Hengel E. Publishing while female Are women held to higher standards? Evidence from peer review. URL: https://www.erinhengel.com/research/publishing_female.pdf.
7. Hinz T., Gartner H. Lohnunterschiede zwischen Frauen und Männern in Branchen, Berufen und Betrieben URL: https://www.researchgate.net/publication/5101758_Lohnunterschiede_zwischen_Frauen_und_Mannern_in_Branchen_Berufen_und_Betrieben.
8. Institutions of higher education. Students by sex (total and German students)/ URL: <https://www.destatis.de/EN/Themes/SocietyEnvironment/EducationResearchCulture/Institutions-Higher-Education/Tables/lrbil01.html#242476>.
9. Koll, W. Zur Gleichstellung beim Entgelt von Frauen und Männern mit gleicher Qualifikation / W. Koll // Wirtschaftsdienst. 2021. Heft 8. URL: <https://www.wirtschaftsdienst.eu/inhalt/jahr/2021/heft/8/beitrag/zur-gleichstellung-beim-entgelt-von-frauen-und-maennern-mit-gleicher-qualifikation.html>.

10. Male jobs, female jobs? Employment is still characterised by traditional role models International. URL: https://www.destatis.de/EN/Press/2019/11/PE19_N009_122.html
11. Prozentualer Anteil der von Frauen erfolgreich absolvierten Promotionen //Atlas zur Gleichstellung von Frauen und Männern in Deutschland. Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend. 2007. URL: <https://www.bmfsfj.de/resource/blob/93282/54bc2ae0e85ce1d1a6484d948d2233bc/atlas-gleichstellung-deutschland-data.pdf>
12. Sarsons H. Recognition for Group Work: Gender Differences in Academia // American Economic Review. 2017. № 107(5). S. 141-145.
13. Zucco A. Frauen in der akademischen Laufbahn URL: <https://www.wsi.de/de/blog-17857-frauen-in-der-akademischen-laufbahn-40520.htm>.

REFERENCES

1. Atlas zur Gleichstellung von Frauen und Männern in Deutschland. Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend. 2007. URL: <https://www.bmfsfj.de/resource/blob/93282/54bc2ae0e85ce1d1a6484d948d2233bc/atlas-gleichstellung-deutschland-data.pdf>.
2. Boll, C. Die geschlechtsspezifische Lohnlücke in Deutschland: Umfang, Ursachen und Interpretation / C. Boll, J. Leppin //Wirtschaftsdienst, 95(4), S.249-254. URL: <https://www.wirtschaftsdienst.eu/inhalt/jahr/2015/heft/4/beitrag/die-geschlechtsspezifische-lohnluecke-in-deutschland-umfang-ursachen-und-interpretation.html>.
3. Bildung in Zahlen 2020/2021 im Digitalen Magazin. URL: https://www.destatis.de/DE/Mediathek/Digitales-Magazin/Bildung/_inhalt.html# 579808.
4. German Civil Code. BGB. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bgb/.
5. Der Anteil von Frauen in verschiedenen Phasen der akademischen Laufbahn. URL: <https://www.destatis.de/EN/Themes/Society Environment/Education Research Culture/Institutions-Higher-Education/Tables/frauen-anteile-akademische-laufbahn.html>.
6. Hengel E. Publishing while female Are women held to higher standards? Evidence from peer review. URL: https://www.erinhengel.com/research/publishing_female.pdf.
7. Hinz T., Gartner H. Lohnunterschiede zwischen Frauen und Männern in Branchen, Berufen und Betrieben URL: https://www.researchgate.net/publication/5101758_Lohnunterschiede_zwischen_Frauen_und_Mannern_in_B Branchen_Berufen_und_Betrieben.
8. Institutions of higher education. Students by sex (total and German students)/ URL: <https://www.destatis.de/EN/Themes/SocietyEnvironment/EducationResearchCulture/Institutions-Higher-Education/Tables/lrbil01.html#242476>.
9. Koll, W. Zur Gleichstellung beim Entgelt von Frauen und Männern mit gleicher Qualifikation / W. Koll // Wirtschaftsdienst. 2021. Heft 8. URL: <https://www.wirtschaftsdienst.eu/inhalt/jahr/2021/heft/8/beitrag/zur-gleichstellung-beim-entgelt-von-frauen-und-maennern-mit-gleicher-qualifikation.html>.
10. Male jobs, female jobs? Employment is still characterised by traditional role models International. URL: https://www.destatis.de/EN/Press/2019/11/PE19_N009_122.html.
11. Prozentualer Anteil der von Frauen erfolgreich absolvierten Promotionen //Atlas zur Gleichstellung von Frauen und Männern in Deutschland. Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend. 2007. URL: <https://www.bmfsfj.de/resource/blob/93282/54bc2ae0e85ce1d1a6484d948d2233bc/atlas-gleichstellung-deutschland-data.pdf>.
12. Sarsons H. Recognition for Group Work: Gender Differences in Academia // American Economic Review. 2017. № 107(5). S. 141-145.
13. Zucco A. Frauen in der akademischen Laufbahn URL: <https://www.wsi.de/de/blog-17857-frauen-in-der-akademischen-laufbahn-40520.htm>.

Сведения об авторе

Назаров Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории, Армавирский государственный педагогический университет, улица Розы Люксембург, 159, 352901, г. Армавир, Российская Федерация, senaza@yandex.ru.

About the Author

Nazarov Sergey Vasilyevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University, Rosa Luxemburg Street, 159, 352901, Armavir, Russian Federation, senaza@yandex.ru.

Dialogue between Russia and the Republic of Korea through the prism of Olympic diplomacy

Izmaylova Anastasiya Nikolaevna
Kuban State University, Krasnodar, Russia
izmaylova_nast@mail.ru

Summary. Olympic diplomacy is a part of the "soft power" which is capable of reconciling the confrontation and establishing interstate relations. Sports competitions promote closer contact between representatives of different countries, who otherwise would have little in common. We'll look at the development of relations between Russia and the Republic of Korea through participation in the Olympic movement. For both countries it was one of the ways to pursue a foreign policy course due to the limited contacts. Nowadays the sports policy meets the goals of consolidating society and creating a positive image in the international arena. We highlight the difference in the goals and outcomes of the 1980 and 1988 Olympics: if the Moscow Games were held under a boycott, the Seoul Olympics overcame this contradiction. The establishment of official contacts between the USSR and the Republic of Korea dates back to the same period. We note the rise of contacts from the Sochi 2014 to the Pyeongchang 2018, as well as in the post-Olympic period. The Republic of Korea's support for the participation of Russian athletes in a neutral status and its refusal to join US sanctions proved the stability of interstate relations.

Key words: Olympic Games; Sochi 2014; Pyeongchang 2018; Republic of Korea; Russia; "soft power"; international relations.

For citation: *Izmaylova Anastasiya N.* Dialogue between Russia and the Republic of Korea through the prism of Olympic diplomacy. Journal of the Kuban State University Historical Sciences, 2026, no. 1, p. 130–143.

Диалог между Россией и Республикой Корея сквозь призму олимпийской дипломатии

Измайлова Анастасия Николаевна
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
izmaylova_nast@mail.ru

Аннотация. Олимпийская дипломатия – часть «мягкой силы», способная примирить враждующие стороны и наладить межгосударственные связи. Спортивные состязания способствуют более тесному контакту представителей разных государств, которые в ином случае имели бы мало общего. Так мы рассмотрим развитие межгосударственных отношений России и Республики Корея через участие в олимпийском движении. Для обеих стран участие в Олимпиадах являлось одним из способов проведения внешнеполитического курса в силу ограниченности межгосударственных контактов в условиях биполярного мира, в настоящее время спортивная политика государств отвечает целям консолидации общества и создания

положительного образа на международной арене. Выделяем различие в целях и итогах проведения Олимпиад 1980 г. и 1988 г.: если Московские Игры проходили в условиях бойкота, то к Сеульской Олимпиаде это противоречие было преодолено. К тому же периоду относится установление официальных контактов СССР и Республики Корея. В сотрудничестве государств можно выделить более активные периоды и спады. Отмечаем подъем контактов в период от Сочинских Игр 2014 г. до Олимпиады в Пхёнчхане 2018 г., а также в постолимпийский период. Благодаря этому диалогу Россия и Республика Корея стали продуктивно налаживать сотрудничество, создавать совместные проекты. Поддержка Республикой Корея участия российских атлетов в нейтральном статусе и отказ от присоединения к американским санкциям доказали устойчивость межгосударственных связей.

Ключевые слова: Олимпийские игры; Сочи-2014; Пхёнчхан-2018; Республика Корея; Россия; «мягкая сила»; международные отношения.

Для цитирования: *Измайлова А.Н.* Диалог между Россией и Республикой Корея сквозь призму олимпийской дипломатии // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 1. С. 130–143.

Introductin

“Citius, altius, forties – communiter” is an updated slogan that fully reflects the role of the Olympic movement in international relations. The unifying mission of Olympism has been realized since the revival of the Olympic tradition in 1896, but it faced new challenges in the XXI century. In the XX century the Olympics served as a catalyst for cooperation among nations, otherwise in 2020 Olympism coped with another obstacle in the form of the COVID-19 pandemic.

Sports diplomacy is an effective tool in international politics that helps to resolve conflicts, provides an outlet for aggression, and represents the so-called concept “war without shooting”. Sports help to smooth conflicts within and between social groups, as well as interstate contradictions. Another notable function of sports is that competitions facilitate closer contact between representatives of different countries who would otherwise have very little in common.

Within the framework of the “soft power” concept it becomes possible to analyse the role of Olympism as a tool for the establishment and development of international contacts. In this way, it is possible to trace the genesis of diplomatic relations between states, that was originated due to the interaction at the Olympic Games. This phenomenon represents a unique model of using sporting events to strengthen political and cultural dialogue at the global level. An illustrative example is the initiation of relations between the USSR and the Republic of Korea (ROK) after the 1988 Olympic Games: owing to different political systems, the states did not actually interact. The high-level negotiations between countries began only after the participation of the Soviet Union national team in the Seoul Olympics.

First of all, it is worth noting the fundamental works on the concept of “soft power” and sports diplomacy. The Olympic movement has always been a part of sports diplomacy and “soft power”. According to the work of Joseph S. Nye Jr.

[18], a specialist in international relations, the “soft power” conception is expressed through the ability to achieve foreign policy goals by means of indirect influence, economic and socio-cultural dialogue, and also thanks to sports. Thus, during international competitions, states that did not have direct diplomatic contacts could build relationships outside of the political context. These measures might increase the level of trust and contribute to the further development of constructive dialogue.

Dimitris Gargalianos, a sports management expert, provides numerous examples why states administration may prioritize sports diplomacy. One such example is the use of athletes to promote political initiatives and cultural values. As long as renowned athletes have a high level of public trust, they can act as peacekeepers in uneasy situations [16, p. 167–168].

The lack of comprehensive works on the Olympic movement in Russia and abroad is compensated by a number of publications that cover wide-ranging aspects of the Olympics, including economic benefits, political background, government policies in the field of sports and cultural aspects. In that context the Olympic Games as a sport mega-event and its political context are examined alongside so we're able to achieve the integral understanding of the event. This approach also contributes to the interdisciplinary nature of the research.

The goal is to determine the role of Olympic diplomacy in establishing and developing relations between the Russian Federation and the Republic of Korea. The objectives include studying the sports policies of both countries, evaluating the impact of the 1980 Games and 1988 Games on Russian-Korean relations, and exploring the role of the 2014 Olympics and 2018 Olympics in consolidation of intergovernmental cooperation.

The study was conducted within the framework of a historical approach. The chronological method was used to build a historical timeline of events, while the historical-genetic method focused on the development of Russian-Korean relations in cooperation with the Olympic movement. The systematic approach allowed for a comprehensive presentation of the results of the noted Olympic Games.

The main sources for characterizing sports policy are the Sports diplomacy concepts and Sport developing programs of both countries alongside with the Foreign policy concepts. The use of mass-media publications dedicated to the Olympics provides diverse material for interpretation.

The diplomatic relations between the Russian Empire and the Joseon Kingdom were established in the XIX century. However, these relations were soon prevented. The Russian Empire had to do this due to the defeat in the Russo-Japanese War of 1904–1905 and the intricate political situation at the beginning of the XX century. During the same period Korea was annexed by Japan. That fact led to the interruption of foreign contacts. As a result of the World War I the countries did not restore diplomatic relations. The newly formed USSR was focused on solving internal problems while Korea did not have autonomy under Japanese colonial rule. After the World War II and the subsequent Korean War of

1950–1953 between the North and the South, the territory of the North, where the Democratic People's Republic of Korea (DPRK) was established, came under the control of the USSR, while the South (the Republic of Korea) was controlled by the United States and Japan.

We're able to note several active communication periods and downturns, but since 1990 the USSR and the Republic of Korea have sustained official diplomatic relations. By analysing the political background, economic projects, cultural events and initiatives provided by government leaders, we can examine the role of the Olympic factor in Russian-Korean relations.

Sports policy of the Republic of Korea and Russia

In the Republic of Korea sports diplomacy has been established as a long-lasting system since the very beginning. It is aimed at promoting modification in both domestic policy and international affairs. During the presidency of Chun Doo-hwan (1980–1988) sports and athletes' achievements in international competitions were used to boost national spirit [2, p. 143]. His predecessor Park Chung-hee (1963–1979) can be considered the founder of modern sports in South Korea.

The Ministry of Foreign Affairs (MFA) of the Republic of Korea emphasises the importance of sports diplomacy as a tool for strengthening foreign relations and increasing the country's prestige on the global stage [19]. This strategy is implemented through the development of a wide network of intergovernmental sports exchanges, the training of national team athletes abroad and the organization of top-level international tournaments. The government also focuses on sports that can promote a positive image of the country, such as the national martial art of taekwondo, hockey and the e-sports that rapidly becomes more and more popular.

Since the Russian Federation is a multinational country sports serve several functions. On the one hand, this serves as a tool for social consolidation; on the other hand, it provides an avenue for international dialogue. During the Soviet period, sports achievements significantly influenced the country's geopolitical standing, as international competitions were seen as a form of ideological confrontation between the Western and Eastern blocs. In the strategic document "Foreign Policy Concept of the Russian Federation" (2023) [7] the country's sporting performances are recognized as an important factor of "soft power" that contributes to the establishment and strengthening of international cooperation, demonstrates Russia's friendly attitude, and supports its positive image in the eyes of the global community.

The "Strategy of the Russian Olympic Committee" (2022) presents a number of challenges facing high-performance sports in the country [13]. In addition to emphasizing the role of sport in promoting peace and upholding Olympic ideals of friendship, the document highlights respect for universal ethical principles, fostering personal development, and adherence to the principles

of fair play in the evolving world of sports. It is worth highlighting the counteraction to any forms of discrimination against Russian athletes, closer cooperation in matters of legal support, the protection of athletes' rights. Russian athletes should be capable of implementation of sports achievements despite strict sanctions.

In the modern era, sports diplomacy acts as a key tool for enhancing global influence for both nations. Mass and professional sports are gaining popularity, and national teams are prominent at international competitions. However, Russian athletes have been restricted from participating in the Olympic Games, World Championships, and European Championships since 2018 due to the doping scandal. As a result sports policy has focused on ensuring the participation of athletes at the global level.

Joining the Olympic Movement and the 1980 Moscow Olympics

The Republic of Korea as an independent state joined the Olympic movement during 1948 London Games, while the USSR became involved only in the 1952 Games during the post-war period. For both countries participation in the Olympics was a way of pursuing foreign policy due to the limited interstate contacts in a bipolar world. For the same reason, the Republic of Korea did not attend the 1980 Moscow Olympics.

Time has shown that the boycott of the 1980 Games, as well as the backlash at the 1984 Games, had no impact on the political situation: the confrontation between ideologies had only intensified. These events are considered as a significant example of the Cold War opposition and, without any doubts, a negative legacy of the Olympics. But what were the consequences? Thomas Bach, who left the post of the President of International Olympic Committee (IOC) in the summer of 2025, was one of the German athletes who could not participate in the 1980 Olympics. From his interview on the 40th anniversary after the Games in Moscow:

“The boycott of Moscow achieved nothing at all. And this has been admitted also by all the major actors... . So you had, in fact, two generations of athletes losing their Olympic dream, having prepared for years for nothing. And being sanctioned and punished for something they had nothing to do with, and that they would never have supported.

So there, anybody who is thinking about a boycott should learn this lesson from history; a sports boycott serves nothing. It's only hurting the athletes, and it's hurting the population of the country because they are losing the joy to share, the pride, the success with their Olympic team.

So what is a boycott for? It's against all the Olympic spirit. It's against all the values we have in sport and what we are standing for in sport” [17].

Due to opposing ideologies and the bipolar world order, the Moscow Olympics failed to serve as a unifying factor for Soviet-Korean relations. In contrast to its relations with the Republic of Korea, the USSR maintained ties

with the DPRK, which participated in the 1980 Games. However, by the late 1980s, the established system began to undergo changes. That opened up opportunities for expanding foreign policy relations for the USSR and the Republic of Korea.

The 1988 Seoul Olympics and the establishment of contacts

The 1988 Games in the Republic of Korea were the first to be held outside of a political framework: in response to the boycotts of the 1980 and 1984 Games, the IOC chose South Korea to host the competition. At that time the democratic processes were actively undergoing in the country [15, p. 104]. After a series of political upheavals, on the eve of the Olympics the democratic Sixth Republic was established.

Against the backdrop of the limited number of countries participating in the previous Olympic Games, the Olympic Parade of Nations in Seoul and the joint participation of foreign delegations in the closing ceremony emerged as iconic symbols of bridging political differences. The Seoul Olympic Games went down in history as a symbol of international unity and the affirmation of Olympic values. It brought nations together through the ideals of Olympism: peace, friendship and justice. Universal values were reflected in athletic achievements, the establishment of intercultural connections, the beginning of cooperation between athletes from different countries and the formation of diplomatic affairs. The strategically balanced decision to host the Games in the Republic of Korea contributed to a temporary easing of geopolitical tensions. By taking this step the IOC demonstrated that Olympism can act as a tool for resolving conflicts and stabilizing international cooperation.

The high level of the organization provided South Korea with an opportunity to emerge from the political vacuum: in the post-Olympic period, the government concluded numerous agreements on economic and political cooperation. These included a reevaluation of contacts with the USSR and the further establishment of diplomatic relations in 1990. The expansion of intergovernmental contacts increased the level of political stability and the status of the Sixth Republic worldwide.

After abandoning the post-war practice of dividing contacts for political reasons, the pattern of the USSR-DPRK alliance in opposition to the US-ROK alliance was changed. It showed the countries' mutual interest in preventing crises, economic disasters and environmental catastrophes. The change in foreign policy course was a result of inefficiency of the bipolar world order and transferring to the modern multipolar diplomacy. The establishment of diplomatic relations between states coincides with a general restructuring of the international relations system: the USSR, and later the Russian Federation and the Republic of Korea, have revised their foreign policy approaches, moving beyond outdated stereotypes.

Historically, the interaction between Korean and Russian cultures has been characterized by a steady dynamic and intensity. The cultural dialogue between Russia and the Republic of Korea has served as a foundation for the development of bilateral cooperation and the implementation of joint projects. The introduction of Korean cultural traditions through the Olympic dialogue opened new opportunities for interstate and cross-cultural interaction.

The continuation of the reconciliation policy can be traced back to the presidency of Kim Dae-jung (1998–2003). During the administration of President Vladimir Putin (2000–2008), Russia sought to maintain a balanced approach in relations with the Korean Peninsula. This included building on the normalization of ties with the DPRK and expanding cooperation with the Republic of Korea. Both countries prioritized dialogue and peaceful diplomacy. Russia was supporting the principle of non-interference in the inter-Korean dialogue and advocating for a nuclear-free status for the peninsula [9, p. 142].

In 2010 the countries celebrated the 20th anniversary of the establishment of diplomatic relations, and to mark the occasion, an open international forum engaging civil society representatives was created. “Korea-Russia Dialogue” (KRD) [11] was held for the first time to discuss current issues and promote a productive intercultural dialogue aimed at sharing experiences and fostering mutual understanding between the two nations. This initiative was spearheaded by President Lee Myung-bak (2008–2013), and it played a significant role in expanding cultural affairs. By 2025 the forum's activities cover a wide range of topics, including political and economic issues and promote educational exchange. The implementation of cultural projects remains a priority.

It should be noted that the productivity of Russian-Korean contacts reached its peak at the turn of the XX and XXI centuries. The heads of government sought to expand cooperation. Russia's foreign policy priorities has shifted significantly, moving from a focus on supporting the Democratic People's Republic of Korea to building contacts with the Republic of Korea. In response, the government of the Republic of Korea began to change its preferences. They moved from the USalliance and actively pursued diplomatic affairs with other countries. This was facilitated by the 1988 Seoul Games, which laid the foundation for various agreements with the participating countries, including the USSR.

The 2014 Sochi Olympics and the 2018 Pyeong Chang Olympics

The Winter Games were the second Olympic Games for both countries, which presented certain challenges. Despite the difficulties, the 2014 Sochi Games and the 2018 PyeongChang Games demonstrated the high level of development in both states.

In Russian-Korean relations the pre-Olympic period can be described as a period of recession of contacts. It happened as the consequences of the global financial crisis of 2008–2013.

For the Russian Federation winning the bid to host the 2014 Olympics in Sochi was seen as a way to return the country to the ranks of leading nations. The success of the Sochi Olympics demonstrated the effectiveness of Russia's policies in the areas of economics, sports, tourism, and international relations. The impeccable organization of such a massive sports event has demonstrated an efficient approach to various aspects of domestic and foreign policy, from urban and sports infrastructure development to solutions to environmental issues and international cooperation [4, p. 179]. Despite the provoked conflicts and attempts of a boycott, the Games took place and demonstrated the “soft power” of the Olympic movement and the country's enduring positive image.

At the closing ceremony of the Sochi Olympics Russia handed over the Olympic torch to the Republic of Korea. Comparing the South Korea's arrangement of the Games, we note a change in strategic priorities. While organizing the 1988 Games, the 1964 Tokyo Games served as a model, throughout the time the 2014 Sochi Games became the benchmark for planning the 2018 Winter Games. The specific nature of the Korean sports system, which is dominated by summer sports, necessitated the allocation of additional resources to host the Winter Olympics due to the lower popularity and expansion of winter sports [14, p. 102]. The 2014 Games demonstrated the level of cooperation between Russia and the Republic of Korea. It evolved from mutual support during the planning phase to sharing experience in organizing winter competitions.

When the Sochi Games were being planned, it was decided to transform the city into a multi-functional resort. The region's favorable climate made it possible to implement ambitious plans to create a modern mountain resort and spa center. The successful hosting of the Olympics, in turn, created new opportunities for the city's economic and tourism development. For Sochi, this included expanding recreational activities and using the existing sports facilities as concert venues or reorganizing them for other events, such as Formula One races. The advantage of Gangwon Province, where PyeongChang is located, is its Buddhist temples and other cultural heritage sites. As a result, both cities have managed to expand beyond their sports-focused identity and create attractive conditions for various types of tourism.

The 2018 PyeongChang Winter Olympics were discussed at the 2017 Eastern Economic Forum, which is a traditional meeting ground for representatives of Russia and the Republic of Korea. President Moon Jae-in (2017–2022) invited Russian President Vladimir Putin to the opening of the Olympics [6]. On the eve of the competition, a massive doping scandal erupted in global sports. This led to the exclusion of some of Russia's famous athletes from participating in the Games and other international competitions, as well as the ban on the Russian team competing under their national flag. Instead, they competed under the Olympic flag as “Olympic Athletes from Russia” (OAR) instead of a direct country designation.

The consequences of the scandal had a devastating impact on all parties involved, affecting their reputation and long-term prospects. These restrictions are applied so far. For athletes who had spent years preparing for their careers' biggest event, it was a tragedy that shattered their Olympic dreams. The IOC's credibility was severely undermined. The decision allowing Russian athletes to participate in neutral status was met with harsh criticism and opposition from several national Olympic committees [3, p. 459–462].

Although Russian athletes were required to compete at the 2018 Winter Olympic Games in South Korea under a neutral flag, the Olympic organizers maintained a diplomatic approach, ensuring fair treatment for all participants. They expressed their strong belief that the sporting events would serve as a connecting link for developing friendly relations between the states [1]. The 2018 PyeongChang Winter Olympics became more than just a sporting event — they became a platform for international dialogue thanks to an atmosphere of mutual respect and a shared desire for cooperation. The organizers emphasized that the Olympic principles of unity and peace should take precedence over political differences, and that sports remain an area where countries can find common ground and strengthen their interstate relations.

Korean Cultural Center in the Russian Federation together with the Union of Cinematographers of Russia organized a Korean sports film festival in support of Russian athletes at the PyeongChang Olympics as part of the Year of Korean Cinema in Russia. It presented four films in Korean with Russian subtitles [8]. The Russian side decided to follow the traditional Korean practice of showing foreign films with subtitles. In return a week of Russian cinema took place in Seoul in September 2018.

The creation of national “houses” for participating countries is a relatively new practice at the Olympic Games, allowing countries to showcase a part of their cultural heritage in the Olympic Village. As a global phenomenon, the Olympics have traditionally served as a key catalyst for cross-cultural dialogue and exchange. Therefore, the establishment of national pavilions is highly relevant.

The national pavilions contribute to a deeper understanding and respect for the diversity of global cultures. This process can be seen as an important element of cultural diplomacy, fostering international connections and mutual understanding on a global scale. However, the participation of Russian athletes under the IOC flag prevented the establishment of a “Russian House” in the Olympic Village. Nevertheless, thanks to the Korean Olympic Support Fund, the “House of Sports” was opened in PyeongChang instead of the “Russian House” [12]. This fact proved that the Korean side was supporting Russian athletes despite the sanctions imposed by the IOC.

Special support teams were formed to assist Russian Olympic athletes at the 2018 PyeongChang Olympics. They attended the competitions and cheered for the Russian team. This idea was proposed by the Korean Democratic Party of Toburo during their leader's visit to Moscow on the eve of the Olympics [5]. It

was noted that the residents of the Republic of Korea cheered for the Russian athletes in popular sports in the Russia, such as figure skating, ice hockey, and skiing.

The inter-Olympic period can be characterized by mutual support between states. The transfer of the Olympic torch from Russia to the Republic of Korea has deepened sports contacts. Despite the doping scandal involving Russian athletes before the PyeongChang Games, the Korean side provided support to the athletes.

The post-Olympic period

In June 2018 President Moon Jae-in paid an official visit to Russia. As a result of the negotiations, a number of bilateral agreements were signed in the fields of electric power engineering, shipbuilding, agriculture and trade. The states confirmed their commitment to constructive dialogue in the “nine bridges” of cooperation [10, p. 62–63] to stimulate state-to-state contacts in priority economic areas and develop joint programs in the Far East.

The continuation of the IOC peacekeeping mission on the Korean peninsula should be emphasized in the context of global political discourse. The most important political event of the beginning of 2018 was the joint decision of the Republic of Korea and the DPRK to compete at the Olympics under a Korean Unification Flag. The initiators were Moon Jae-in with the support of the Olympic Committee. In this context, it is important to note that Russia is one of the key stabilizers of the inter-Korean dialogue. The resumption of diplomatic contacts has become a motivation for expanding affairs with both countries on the peninsula. In addition, Russia participates in international organizations and forums where security and cooperation issues on the Korean Peninsula are discussed. Russian position is to use its influence to maintain stability in the region. Consequently, the revival of the inter-Korean dialogue has also intensified Russian-Korean cooperation.

However, after an active period of negotiations and coordination of joint projects in various industries in 2017–2019, the countries' contacts decreased. This happened due to economic instability, which led to a revision of priorities. The COVID-19 pandemic also affected on interstate communication. Owing to the changing political priorities of the Republic of Korea and the conflict in Ukraine, high-level meetings were postponed.

The foreign policy of the Republic of Korea has demonstrated a balanced approach to international relations. As an ally of the United States, the Republic of Korea has chosen not to join the anti-Russian sanctions, maintaining a neutral status on this issue. This diplomatic maneuver has not only strengthened ongoing economic cooperation but also created new avenues for bilateral relations. By maintaining contacts with Russia, South Korea has opened up opportunities for further dialogue with North Korea. This approach has helped maintain a balance of power in the region and prevent unilateral dominance.

Conclusion

Based on the results of the conducted research, we can clearly determine the influence of the Olympic factor on the development of diplomatic contacts between Russia and the Republic of Korea. First of all, it should be noted that the sports course of both countries is characterized by the use of sports to maintain contacts within the framework of “soft power”. Despite the fact that there was no interaction between the states at the 1980 Games in Moscow due to the boycott by capitalist countries (including the Republic of Korea), the 1988 Olympics in Seoul were the first step towards establishing diplomatic relations between the countries. The positive political climate, coupled with a shift in political priorities and the pursuit of new partnerships, has elevated the Olympic principles of peace and friendship to a foundational role in shaping states’ foreign policy agendas.

During the 2014 Sochi Games and the 2018 PyeongChang Games, there was no longer any talk of confrontation between the states. On the contrary, cooperation between participants and organizers at the Games — as Russia passed the Olympic torch to the Republic of Korea — only strengthened the existing ties and created the foundation for joint programs. This led to an expansion of contacts through the “nine bridges” of cooperation project and the “Korea-Russia Dialogue”.

Nevertheless, we cannot claim that the interaction of the states has been discontinued. Representatives of the countries negotiate within the framework of international meetings, for example, during the UN General Assembly. The economic projects are maintained: since 2017, the delegation of the Republic of Korea has never refused to participate in the Eastern Economic Forum, therefore, Korean companies continue to work in Russia. Within the framework of the “Korea-Russia Dialogue” the discussion club of the Politics and International Relations working group operates, and open lectures on culture and modern realities of the Republic of Korea continue. Despite the overall decline in bilateral cooperation, Russia and the Republic of Korea continue to seek new areas of agreement.

REFERENCES

1. «Seul uvazhaet i privetstvuet pozitsiiu Moskvyy»: Iuzhnaia Koreia prizvala rossiiskikh sportsmenov priekhat na Olimpiadu [“Seoul respects and welcomes Moscow's position”: South Korea encourages Russian athletes to attend the Olympics]. URL: <https://russian.rt.com/sport/article/457350-yuzhnaya-koreya-rossiya-sportsmeny> (in Russian).
2. Bridzhes B. Olimpiiskie igry v Seule: ekonomicheskoe chudo vstrechaet mir [Bridges B. The Seoul Olympics: An Economic Miracle Meets the World]. In *Nasledie Olimpiiskikh igr*. M., 2014: 141–159 (in Russian).
3. Vaitsekhovskaia E.S. Olimpiiskie igry. Ochen lichnoe [Vaitsekhovskaya E.S. Olympic Games. Very personal]. M., 2018: 510 (in Russian).
4. Voinov D.E. «Miagkaia sila» Igr «Sochi-2014» i zarubezhnye media: analiz politiko-informatsionnogo fona rossiiskoi Olimpiady [Voinov D.E. "Soft Power" of the Sochi 2014 Games and Foreign Media: Analysis of the Political and Informational Background of the

Russian Olympics]. In Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika. 2015, no. 2: 155–181 (in Russian).

5. Gubernator provintsii Kanvon: My vseгда rady videt rossiian [Governor of Gangwon Province: We are always happy to see Russians]. URL: <https://rg.ru/2018/02/18/gubernator-provincii-kanvon-my-vsegda-rady-videt-rossiian.html> (in Russian).

6. Zaiavleniia dlia pressy po itogam peregovorov s Prezidentom Respubliki Koreia Mun Chzhe Inom [Press statements following the talks with President of the Republic of Korea Moon Jae-in]. URL: <http://kremlin.ru/catalog/countries/KR/events/55541> (in Russian).

7. Kontseptsiiia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii (utverzhdena Prezidentom Rossiiskoi Federatsii V.V. Putiny 31 marta 2023 g.) [Foreign Policy Concept of the Russian Federation (approved by President of the Russian Federation Vladimir Putin on March 31, 2023)]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (in Russian).

8. Koreiskoe sportivnoe kino pokazhut v podderzhku rossiian na Olimpiade 2018 [Korean sports films will be shown in support of Russian athletes at the 2018 Olympics]. URL: <https://www.kinoafisha.info/news/koreyskoe-sportivnoe-kino-pokazhut-v-podderzhku-rossiyan-na-olimpiade-2018/> (in Russian).

9. Lantsova I.S. Evoliutsiia otnoshenii Rossiiskoi Federatsii i Respubliki Koreia: ot pervykh kontaktov k integratsionnym proektam [Lantsova I.S. The Evolution of Relations between the Russian Federation and the Republic of Korea: From the First Contacts to Integration Projects]. In Evraziiskaia integratsiia: ekonomika, pravo, politika. 2015, no. 18: 141–146 (in Russian).

10. Lukin A.L. Initsiativa «deviati mostov» prezidenta Mun Chzhe Ina: predvaritelnye itogi dlia rossiisko-iuzhnokoreiskikh ekonomicheskikh otnoshenii [Lukin A.L. President Moon Jae-in's Nine-Bridge Initiative: Preliminary Results for Russian-South Korean Economic Relations]. In Izvestiia Vostochnogo instituta. 2020, no. 4 (48): 61–75 (in Russian).

11. O forume «Dialog Rossiia – Respublika Koreia» [About the Forum “Dialogue Russia – Republic of Korea”]. URL: <https://drk.ru/o-forume/> (in Russian).

12. Posol Rossii v Koree: «Otkrytie doma sporta dokazalo, kak mnogo liudei gotovy podderzhivat Rossiiu» [Russian Ambassador to Korea: "The opening of the Sports House has proven how many people are willing to support Russia"]. URL: <https://www.sport-express.ru/olympics/pyeongchang2018/news/posol-rossii-v-koree-otkrytie-doma-sporta-dokazalo-kak-mnogo-lyudey-gotovy-podderzhivat-rossiyu-1369518/> (in Russian).

13. Strategiia obshcherossiiskogo soiuza obshchestvennykh obiedinenii «Olimpiiskii komitet Rossii» do 2028 goda [Strategy of the All-Russian Union of Public Associations "Olympic Committee of Russia" until 2028]. URL: <https://olympic.ru/wp-content/uploads/2023/09/2022-12-07-Strategiya-2028-UTVERZHDENO.pdf> (in Russian).

14. Talyzov S.N. Koreiskaia model upravleniia fizicheskoi kulturoi i sportom [Talizov S.N. The Korean Model of Physical Culture and Sports Management]. In Fizicheskaiia kultura. Sport. Turizm. Dvigatelnaia rekreatsiia. 2016, no. 4: 101–103 (in Russian).

15. Duckworth A. International Security and the Olympic Games, 1972–2020. USA, 2022. 215 p.

16. Gargalianos D. Sport Diplomacy // Contemporary Diplomatic and Consular Relations. Springer, 2025. P. 165–180.

17. IOC President Thomas Bach reflects on the boycott of the Olympic Games Moscow 1980 40 years later. URL: <https://www.olympics.com/ioc/news/ioc-president-thomas-bach-reflects-on-the-boycott-of-the-olympic-games-moscow-1980-40-years-later>.

18. Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, 2004. 191 p.

19. Sports Public diplomacy. URL: https://www.mofa.go.kr/eng/wpge/m_22828/contents.do.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Сеул уважает и приветствует позицию Москвы»: Южная Корея призвала российских спортсменов приехать на Олимпиаду. URL: <https://russian.rt.com/sport/article/457350-yuzhnaya-koreya-rossiya-sportsmeny>
2. Бриджес Б. Олимпийские игры в Сеуле: экономическое чудо встречает мир // Наследие Олимпийских игр. М., 2014. С. 141–159.
3. Вайцеховская Е.С. Олимпийские игры. Очень личное. М., 2018. 510 с.
4. Воинов Д.Е. «Мягкая сила» Игр «Сочи – 2014» и зарубежные медиа: анализ политико-информационного фона российской Олимпиады // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2015. № 2. С. 155–181.
5. Губернатор провинции Канвон: Мы всегда рады видеть россиян. URL: <https://rg.ru/2018/02/18/gubernator-provincii-kanvon-my-vsegda-rady-videt-rossiian.html>
6. Заявления для прессы по итогам переговоров с Президентом Республики Корея Мун Чжэ Ином. URL: <http://kremlin.ru/catalog/countries/KR/events/55541>
7. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>
8. Корейское спортивное кино покажут в поддержку россиян на Олимпиаде 2018. URL: <https://www.kinoafisha.info/news/koreyskoe-sportivnoe-kino-pokazhut-v-podderzhku-rossiyan-na-olimpiade-2018/>
9. Ланцова И.С. Эволюция отношений Российской Федерации и Республики Корея: от первых контактов к интеграционным проектам // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2015. № 18. С. 141–146.
10. Лукин А.Л. Инициатива «девяти мостов» президента Мун Чжэ Ина: предварительные итоги для российско-южнокорейских экономических отношений // Известия Восточного института. 2020. №4 (48). С. 61–75.
11. О форуме «Диалог Россия – Республика Корея». URL: <https://drk.ru/o-forume/> (дата обращения: 16.09.2025).
12. Посол России в Коре: «Открытие дома спорта доказало, как много людей готовы поддерживать Россию». URL: <https://www.sport-express.ru/olympics/pyeongchang2018/news/posol-rossii-v-koree-otkrytie-doma-sporta-dokazalo-kak-mnogo-lyudey-gotovy-podderzhivat-rossiyu-1369518/>
13. Стратегия общероссийского союза общественных объединений «Олимпийский комитет России» до 2028 года. URL: <https://olympic.ru/wp-content/uploads/2023/09/2022-12-07-Strategiya-2028-UTVERZHDENO.pdf>
14. Талызов С.Н. Корейская модель управления физической культурой и спортом // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2016. № 4. С. 101–103.
15. Duckworth A. International Security and the Olympic Games, 1972–2020. USA, 2022. 215 p.
16. Gargalianos D. Sport Diplomacy // Contemporary Diplomatic and Consular Relations. Springer, 2025. P. 165–180.
17. IOC President Thomas Bach reflects on the boycott of the Olympic Games Moscow 1980 40 years later. URL: <https://www.olympics.com/ioc/news/ioc-president-thomas-bach-reflects-on-the-boycott-of-the-olympic-games-moscow-1980-40-years-later>
18. Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, 2004. 191 p.
19. Sports Public diplomacy. URL: https://www.mofa.go.kr/eng/wpge/m_22828/content.s.do

Сведения об авторе

Измайлова Анастасия Николаевна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040, г. Краснодар, Российская Федерация, izmaylova_nast@mail.ru, 0000-0002-3855-870X

About the Author

Izmaylova Anastasiya Nikolaevna, Candidate of Historical Sciences, Lecturer at the Department of Foreign Regional Studies and Oriental Studies, Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, 350040, Krasnodar, Russian Federation, izmaylova_nast@mail.ru, 0000-0002-3855-870X

**Создание и развитие образа ордынского владычества
в профессиональном сознании исторической науки СССР
1920–1950-х гг.**

Смирнов Алексей Викторович

Государственное казенное учреждение Краснодарского края
«Государственный архив Краснодарского края», г. Краснодар, Россия
alexdf247@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется формирование и развитие образа ордынского владычества в исторической науке СССР в условиях новой общественно-политической и культурной ситуации. В 1920-е гг. изучению зависимости Руси от Золотой Орды почти не уделялось внимания, это явление рассматривалось как незначительное для русской истории. С 1930-х гг. заметную роль в формировании образа ордынского владычества начал играть политический заказ Советского государства, который основывался на оценке русско-ордынских отношений К. Марксом, необходимости поиска новых героев-защитников родной земли в отечественной истории и объединении страны перед лицом внешней опасности. В рамках этих задач в исторической науке СССР сформировался и получил дальнейшее развитие образ ордынского владычества как тяжелого иноземного «ига». Этот образ закрепляется в многотомных обобщающих работах по истории 1950-х гг. Историческая наука СССР практически без изменений заимствует из имперского дискурса второй половины XIX – начала XX в. образ ордынского владычества, связанный с национально-освободительной борьбой против иноземных захватчиков. Он лишь несколько видоизменяется в соответствии с требованиями идеологии и классового подхода – вместо князей и православной церкви главная роль в этой борьбе отводится народу. Преобладающим становится тезис о спасении Европы от монгольской угрозы благодаря борьбе Руси с ханом Батыем.

Ключевые слова: ордынское владычество, образы истории, историческое сознание, СССР, историческая наука, Куликовская битва, Золотая Орда.

Для цитирования: Смирнов А.В. Создание и развитие образа ордынского владычества в профессиональном сознании исторической науки СССР 1920–1950-х гг. // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 1. С. 144–156.

The Creation and development of the image of the Golden Horde's rule in the professional consciousness of historical science in the USSR in the 1920s–1950s

Smirnov Alexey Viktorovich

The State Archives of the Krasnodar Krai, Krasnodar, Russia

alexdf247@mail.ru

Summary. The article analyzes the formation and development of the image of the Golden Horde rule in the historical science of the USSR in a new socio-political and cultural situation. In the 1920s, the study of Russia's dependence on the Golden Horde received almost no attention, and this phenomenon was considered insignificant for Russian history. Beginning in the 1930s, the political imperative of the Soviet state began to play a significant role in shaping the image of the Golden Horde's rule. This imperative was based on Karl Marx's assessment of Russian-Horde relations, the need to find new heroes defending the native land in Russian history, and the unification of the country in the face of external threats. Within the framework of these imperatives, the image of the Horde rule as a heavy foreign «yoke» was formed and further developed in the historical science of the USSR. This image is consolidated in multi-volume generalizing works on the history of the 1950s. Soviet historical scholarship borrows virtually unchanged the image of the Horde rule from the imperial discourse of the second half of the 19th and early 20th centuries, which associated with the national liberation struggle against foreign invaders. It is only slightly modified in accordance with the requirements of ideology and class approach – instead of princes and the Orthodox Church, the main role in this struggle is assigned to the people. The prevailing thesis is about saving Europe from the Mongol threat thanks to the struggle of Russia with Batu Khan.

Key words: Golden Horde rule, images of history, historical consciousness, USSR, historical science, Battle of Kulikovo, Golden Horde.

For citation: *Smirnov Alexey V.* The Creation and development of the image of the Golden Horde's rule in the professional consciousness of historical science in the USSR in the 1920s–1950s. *Journal of the Kuban State University Historical Sciences*, 2026, no. 1, p. 144–156.

Введение

Ордынское владычество является одной из базовых категорий для отечественного исторического создания. Его образ не оставался неизменным, в зависимости от времени на него оказывали немаловажное влияние общественно-политическая и культурная обстановка в России. Особый интерес представляют переломные моменты в историческом развитии страны, в ходе которых возникали новые или видоизменялись привычные до того образы событий прошлых эпох. Одним из таких периодов являются 1920–1950-е гг., когда в Советском государстве шло выстраивание новой исторической науки. В ее рамках создавались образы ордынского владычества, имевшие свои характерные особенности.

В диссертационных исследованиях Ф.Ф. Мухаметова [9], В.В. Трубкина [21], В.В. Политова [15] разбираются различные аспекты отечественной историографии XVIII – начала XXI в., посвященной

ордынскому владычеству. Вместе с тем непосредственное формирование образа господства Золотой Орды над Русью в профессиональном историческом сознании СССР 1920–1950-х гг. нуждается в отдельном исследовании.

Целью данной статьи является анализ создания и закрепления образа ордынского владычества в профессиональном историческом сознании СССР 1920–1950-х гг.

Источниками для изучения в статье явились основополагающие труды советской исторической науки 1920–1950-х гг., в которых отразилась тематика ордынского владычества.

Основная часть

В первые годы существования советской исторической науки велись поиски нового общего взгляда на отечественную историю. Такими поисками можно назвать работы М.Н. Покровского (1868–1932) и Н.А. Рожкова (1868–1927). Исторические взгляды этих авторов сформировались еще до Октябрьской революции. Немного позднее (в 1930–1940-е гг.) их труды были раскритикованы, но в 1920-е гг. работы этих ученых задавали тон в отечественной исторической науке.

М.Н. Покровский считал, что никаких новых особенностей ордынское владычество в русскую историю не привнесло, но повлияло на уже действовавшие внутри нее закономерности. По его словам, нашествие Батыеа разом завершило процесс разложения «городской» Руси, который возник и развивался задолго до появления степных завоевателей, в силу внутренних экономических причин. Поэтому города оказывали ордынской власти наибольшее сопротивление, и ханы вступили в союз с князьями и боярами против «черни» [14, с. 99].

Большое внимание М.Н. Покровский уделял взаимоотношениям Орды и русской церкви. Он считал, что чужеземное завоевание для церковной организации явилось благом. Русская церковь стала полностью независимой от князей и городских веч, никогда она еще не получала таких льгот и привилегий, какие устанавливались ханскими ярлыками [14, с. 134]. После критики школы Покровского данная мысль, в отличие от большинства остальных, не была отброшена и продолжала рассматриваться в прежнем ключе. Итак, М.Н. Покровский в своих трудах не давал четкой оценки последствий ордынского владычества для русской истории. Для него оно было лишь катализатором процессов, которые шли на Руси и до появления завоевателей. В этом взгляд историка напоминает работы его учителя В.О. Ключевского и других представителей государственной школы XIX в.

Н.А. Рожков придерживался тенденции государственной школы в отрицании значимости ордынского владычества для русской истории. Основной целью автора был поиск общих законов социальной динамики и статики, ордынцам в этих законах места не нашлось. Владычество Орды не

оказало влияния на внутренние социально-экономические процессы развития Руси. В политическом плане русские князья, по мнению историка, долгое время пренебрегали общественными интересами и использовали ордынскую силу для борьбы с личными соперниками. Зависимость от ханов никак не влияла на характер и действия правителей средневековой Руси [16, с. 53–54]. Н.А. Рожков не выделял ни одного сколь-нибудь важного процесса или явления в отечественной истории, на которые повлияло бы ордынское завоевание.

Своеобразие воззрений Н.А. Рожкова и М.Н. Покровского, на наш взгляд, заключается в переходном характере их трудов от одной эпохи развития исторической науки к другой. Они попытались проанализировать русскую историю с материалистической точки зрения, а факты для построения своих концепций брали у предшествующих историков. Эти ученые стали единственными в СССР специалистами по отечественной истории, которые попытались дать общую картину исторического развития с древности до текущего времени. Последующие поколения советских историков уже не будут замахиваться на написание трудов в духе С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, претендующих на объяснение всей русской истории. Они исследуют отдельные ее периоды и вопросы, а многотомные научные издания, обобщающие исторический материал, станут коллективным творчеством.

Прежде чем рассматривать конкретные работы советских историков 1930–1950-х гг., кратко остановимся на главных политико-идеологических установках, которые оказывали значительное влияние на их построения. Их основой на протяжении 1930–1980-х гг. были слова К. Маркса (1818–1883) из «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» о «кровавом болоте монгольского рабства», которое «не только подавляло, но оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой. Татаро-монголы установили режим систематического террора; опустошения и массовая резня стали непременной его принадлежностью» [8, с. 5]. Данная работа Маркса, написанная в 1856–1857 гг., впервые была опубликована на русском языке в журнале «Вопросы истории» за 1989 г. № 1–4, до этого авторам приходилось цитировать Маркса по английскому изданию.

В 1930–1950-е гг. еще одним важным фактором формирования образа ордынского владычества в общественном сознании СССР было утверждение И.В. Сталина о том, что складывание централизованных государств в Восточной Европе происходило быстрее развития экономических предпосылок этого процесса из-за необходимости «обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока» [18, с. 34]. Заметим, что данное утверждение отчасти базируется на исторической науке XIX в., в которой также рассматривалось влияние ордынского владычества на складывание Русского государства.

Основой построения образов ордынского владычества этого времени были не только отдельные высказывания классиков марксизма (к последним

в 1930-е гг. стали относить и И.В. Сталина), но и директивные документы партии и правительства. В 1944 г. было принято постановление бюро обкома ВКП(б) «Об ошибках и недостатках в работе Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», в котором критиковалось слишком большое внимание и лояльное отношение к Золотой Орде и ее истории. Осуждалось отождествление истории татарского народа с Золотой Ордой и игнорирование ее сущности «как государства агрессивного, проводившего захватнические войны и разбойничьи походы на земли русского народа и его соседей» [5, с. 116]. Данный документ, на наш взгляд, определил дальнейшую работу над образами Золотой Орды в официальной советской исторической науке на несколько десятилетий вперед.

Важной вехой в изучении истории Монголии стал труд Б.Я. Владимирцова (1884–1931) «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» [2]. Он посвящен изучению внутреннего строя монгольских племен в Средние века. Автор полагал, что в XI–XVII вв. у них были феодальные отношения. Нойоны являлись феодалами, которым выделялись земли для кочевок на основе вассально-ленных отношений. Подобный тип феодализма автор называл «кочевым». Были в монгольском обществе крепостные (араты) и зависимый люд, присутствовало имущественное расслоение. Завоевательные походы Чингисхана, подчеркивал ученый, ничего положительного монгольскому народу не принесли.

Первым отечественным исследователем, который посвятил теме ордынской политики на Руси отдельную монографию, стал А.Н. Насонов (1898–1965). В 1930-е гг. ему доверили критику взглядов М.Н. Покровского в области вопросов ордынской зависимости. Главным их недостатком историк называл игнорирование сильного отрицательного влияния, которое зависимость от Орды оказала на все стороны русской жизни [11]. Вскоре после опубликования сборника с критикой взглядов М.Н. Покровского вышла книга А.Н. Насонова «Монголы и Русь», в которой выдвигалась новая концепция оценки влияния ордынского владычества на Русь. Автор описывал деятельную, целенаправленную политику ордынских завоевателей на Руси, которая заключалась в препятствовании объединению русских земель и усилению их раздробленности. Единое великорусское государство создавалось в процессе борьбы с ордынцами, а не при их содействии [10, с. 5]. Монголы, отмечал ученый, использовали существовавшие в русских землях политические противоречия в своих интересах, опираясь при этом на князей против низших слоев населения. Главной целью ордынской политики на Руси было изменение ее внутрисполитических отношений в интересах своего господства.

Работа А.Н. Насонова оказала большое влияние на образ ордынского владычества в последующей исторической мысли. Историки начали видеть в Золотой Орде действующего актора эпохи Средневековья со своими

целями и интересами, который активно препятствовал объединению Руси. Немалую роль в изменении взгляда сыграло изучение завоеваний Чингисхана и политики его преемников на территории, более обширной, чем Восточно-Европейская равнина. Плодотворно изучались советскими исследователями судьбы Монголии, Китая, Средней Азии, Закавказья и влияние на них монгольских походов и владычества кочевников. Это давало материал для более широких обобщений.

Б.А. Рыбаков (1908–2001) посвятил обширный труд изучению древнерусского ремесла. В нем он негативно оценивал значение кочевого завоевания и господства для развития как русского ремесла, так и остальных областей культуры. Ремесло подверглось особенно сильному удару, ведь монголы целенаправленно разоряли города и уводили мастеров в плен [17, с. 525]. По мнению Рыбакова, ремесленное производство на Руси во второй половине XIII в. сильно огрубело и упростилось, многие сложные техники и приемы ремесла вовсе исчезли, некоторые из них так и не возродились. Данная работа, на наш взгляд, послужила одной из основ отрицательной оценки ордынского владычества для русской истории в общественном сознании следующих десятилетий.

Важной вехой в научном изучении ордынского владычества стала совместная монография Б.Д. Грекова (1882–1953) и А.Ю. Якубовского (1886–1953) «Золотая Орда и ее падение», которая подвела итог их многолетним исследованиям данной темы. Это первый в отечественной науке крупный труд по истории Золотой Орды как отдельного государства. Особое внимание ученые уделили социально-экономической истории Золотой Орды. Они опровергали устоявшееся в исторических взглядах XIX в. представление о монголах как варварах, которые стояли на низком цивилизационном уровне. «Однако нельзя впадать и в другую крайность, нельзя ставить их на один уровень с окружавшими их земледельческими народами... особенно в области духовной культуры» [4, с. 161]. Золотая Орда, на их взгляд, была «искусственным» государственным образованием, она могла существовать только за счет захватов и ограблений других народов. Важную роль при описании сопротивления «игу» в монографии играет классовая борьба: против владычества Орды боролись в первую очередь трудовые массы населения Руси, тогда как его верхние слои стремились сотрудничать с ханами [4, с. 227–228].

С книги Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского в советском историческом дискурсе начинается высокая оценка и постоянные ссылки на цитаты А.С. Пушкина и Н.Г. Чернышевского о «всемирно-исторической» роли России в спасении Европы от монголов. Авторы отмечали, что эти писатели справились с оценкой сущности владычества Орды над Русью и важности борьбы русского народа с ним куда лучше, чем профессиональные историки их времени [4, с. 255]. Монография этих историков заложила методологические основы для дальнейшего изучения русско-ордынских отношений в категориях противостояния, решающую роль в котором

играли действия народа. Многие выводы авторов стали устоявшимися в официальной советской исторической науке до конца 1980-х гг.

В.В. Мавродин (1908–1987) описывал ордынское владычество негативно – оно сильно разорило Русь, задержало ее историческое развитие. Больше всего от него пострадали низшие слои населения. Западная Европа, по мнению автора, была спасена от монгольского разгрома и упадка благодаря Руси. В XIV в. все «прогрессивные элементы» русского общества становятся на сторону великого князя, так как он стремился покончить с раздробленностью для более успешной борьбы с внешними врагами и развития государства. Против этого выступали только удельные князья, опасавшиеся потерять свое влияние [7, с. 515]. Огромное значение для всемирной и отечественной истории представляла победа в Куликовской битве. Как видим, В.В. Мавродин в описании образа ордынского владычества не шел дальше проанализированных работ 1930–1950-х гг.

К.В. Базилевич (1892–1950) посвятил свой последний труд внешней политике Московского государства в эпоху Ивана III. Отдельная его глава посвящена освобождению от ордынской зависимости. Для Ивана III хан Ахмат сам по себе, без поддержки короля Казимира IV, «не представлял особой опасности» [1, с. 104]. Иван III не рвал ханскую басму в 1480 г., это, по мысли автора, не сходилась с его осторожными действиями в те годы, кроме того, сам летописный рассказ об этом вызывает сомнения. Мы наблюдаем пересмотр некоторых устоявшихся в науке сюжетов об ордынском владычестве. Это обуславливает и большее внимание к отдельным деталям.

В 1950-е гг. в СССР вышло несколько обобщающих трудов по истории, написанных коллективами советских исследователей. Они были призваны дать единую, стройную картину исторического развития с марксистской точки зрения. В них аккумулировался опыт предшествующих авторов 1930–1950-х гг. Одним из таких трудов стали «Очерки истории СССР». В них утверждалось, что ордынское владычество «принесло неисчислимые страдания и бедствия русскому народу» [12, с. 760]. Русское централизованное государство, по мнению авторов, создавалось не благодаря Золотой Орде, а вопреки ее политике, в результате борьбы со степью. Сопротивление Руси Батыю сыграло решающую роль в спасении Европы от монгольских завоевателей.

Большое внимание при описании событий первой половины XIII в. в «Очерках» уделялось натиску на Русь с Запада, который контролировала папская курия. Она же пыталась организовать союз католических государств и Орды против русских земель, чтобы ослабить и подчинить их себе [12, с. 865]. Западная агрессия в «Очерках» изображалась как более опасная, чем ордынская – европейские завоеватели угрожали самому существованию Руси, ее культуре и независимости. При описании же монгольского завоевания этого не было указано. На подобный взгляд в

немалой степени, по нашему мнению, повлиял опыт Великой Отечественной войны, где опасность с Запада действительно угрожала существованию СССР и его населения. Ордынское владычество всей тяжестью легло на простых людей, крестьян и горожан, тогда как «часть князей, бояр и церковников сравнительно скоро нашла общий язык с татаро-монгольской властью» [12, с. 874], поэтому наиболее активно иноземному владычеству сопротивлялся трудовой народ. Городские движения на Руси XIII–XV вв. выступали одновременно и против иноземного «ига», и против феодального гнета.

Авторы «Очерков» выделяли историческое значение Куликовской битвы: эта победа имела «всемирно-историческое значение», положила начало ликвидации Золотой Орды, укрепила значение Москвы как центра объединения русских земель, стала примером национально-освободительной борьбы для всех славянских народов. Мы видим, как образ Куликовской битвы переходит от общероссийского масштаба к мировому, что показывает рост ее значимости в отечественном дискурсе. В событиях прошлого историки изучаемого времени начали искать те, которым можно придать схожее значение с недавней победой в Великой Отечественной войне и росте влияния СССР на мировой арене.

Построение нарратива в «Очерках» напоминает структуру фильма С.М. Эйзенштейна «Александр Невский», в котором агрессия с Запада, по задумке создателей фильма, представляется более опасной для Руси, чем со стороны степняков. Ярko выведена в фильме роль католического монаха, вдохновителя рыцарей-крестоносцев. Ненависть к нему настолько велика, что народная толпа убивает его вместе с псковскими предателями. Кинематограф сталинской эпохи, очевидно, оказал немалое влияние на взгляды историков.

Во «Всемирной истории», еще одном коллективном научном труде советских историков 1950-х гг., главные тезисы повторяли материал из «Очерков истории СССР». Одинаковой в обеих работах была оценка последствий монгольских завоеваний, термин «иго» применялся при описании власти кочевников и в Китае, и в Корее, и в Иране, и в других подвластных им странах [3, с. 528, 531, 538, 581 и др.]. Таким образом, понятие, характерное прежде для Руси, стало переноситься на подобные процессы во всемирной истории. Это совпадало с положениями официальной советской науки о схожести исторических процессов в различных странах.

Основные параграфы в «Очерках истории СССР» и «Всемирной истории», посвященные ордынскому владычеству, написал В.Т. Пашуто (1918–1983). В 1956 г. вышла его отдельная работа на тему «Героическая борьба русского народа за независимость». Эта научно-популярная книга содержит все те же положения, что и в названных обобщающих работах. В монографии выделено идеологическое обоснование методологии, использованной историком: «Коммунистическая партия и Советское

правительство поставили перед историками задачу: изучать объективные закономерности общественного развития и всесторонне освещать роль народа... К этому были направлены и специальные указания партии и правительства, касающиеся освободительной борьбы нашего народа против монгольских, немецких и иных захватчиков» [13, с. 4]. В соответствии с этими указаниями были сделаны почти все исторические работы в СССР 1950-х гг., они стали общепринятыми для изображения образа ордынского владычества в официальной советской науке. Это говорит о сильном влиянии государственной политики того времени на образы ордынского владычества.

В 1950-е гг. выходит обобщающий труд «История русского искусства» [6]. Ордынское нашествие, по мнению его авторов, задержало и отбросило назад хозяйственное и культурное развитие Руси, в том числе и в области архитектуры. Работа, как видим, следует в русле взглядов Б.А. Рыбакова на роль Орды для русской культуры.

В научном творчестве крупного советского историка М.Н. Тихомирова (1893–1965) существенное внимание отводилось Куликовской битве. Для него она стала поворотным моментом в борьбе русского народа с ордынским «игмом», а затем символом подобной борьбы с захватчиками для последующих поколений [19]. Владычество Орды было «системой грабежа и террора», эксплуатации населения русских земель. Согласно М.Н. Тихомирову, русское войско на Куликовом поле имело всенародный характер, там были представлены все слои древнерусского населения. Благословение Дмитрия Донского Сергием Радонежским на бой с Мамаем историк считал легендой [20, с. 319]. Упоминание этого события, однако, свидетельствует о некоторой реабилитации церковного фактора в Куликовской битве в рамках советского профессионального дискурса об ордынском владычестве.

Заключение

В целом в 1920-е гг. развитие образа ордынского владычества шло в рамках школы М.Н. Покровского, для которой значение этого явления в русской истории виделось несущественным. В следующее десятилетие ситуация меняется, власть начинает оказывать все большее влияние на формирование образов прошлого. Методологическими основами для этого становятся мнение К. Маркса о негативной роли ордынской зависимости для развития Руси и взгляды И.В. Сталина на ордынскую угрозу как важный фактор ускорения создания единого Русского централизованного государства. Поскольку оба эти тезиса базируются на идеях XIX в., образ ордынского владычества в профессиональном историческом сознании в данный период поменялся не слишком значительно.

В официальной науке 1930–1950-х гг. формируется единый образ ордынского владычества. Историки подчеркивали значение народной

борьбы в деле освобождения от иноземной зависимости, основная тяжесть которой легла на трудовые массы Руси. Более предметно ученые начинают исследовать историю Золотой Орды, однако ее положительные оценки не приветствуются. Она предстает как искусственно созданное, паразитическое государство, не оставившее следа в мировой культуре. Возвышается роль борьбы Руси с Ордой в деле спасения Европы от кочевников, которая приобретает всемирно-историческое значение. Ордынская зависимость для Руси в XIII в. видится менее опасной, чем агрессия с Запада. Этот тезис обусловлен сильным влиянием политической обстановки СССР на изучение событий, связанных с владычеством Орды.

В 1920–1950-е гг. на развитие и функционирование образов ордынского владычества большое влияние оказывали представления, сложившиеся в имперский период. В 1920-е гг. наиболее влиятельные тогда советские историки М.Н. Покровский и Н.А. Рожков рассматривали зависимость от Орды в русле государственной школы, как один из факторов, оказавших влияние на действие внутренних закономерностей русской истории. С 1930-х гг. все активнее на образы ордынского владычества воздействует фактор внешней опасности, стоявшей перед Советским государством. Историческая наука и культура СССР практически без изменений заимствуют из имперского дискурса второй половины XIX – начала XX в. образ ордынского владычества, связанный с национально-освободительной борьбой против иноземных захватчиков. Он лишь несколько видоизменяется в соответствии с требованиями идеологии и классового подхода – вместо князей и православной церкви главная роль в этой борьбе отводится народу. Преобладающим становится тезис о спасении Европы от монгольской угрозы благодаря борьбе Руси с Батыем, на что повлияли идеи публицистики XIX в.

Важным приемом концептуализации этого образа становится связь нашествия монголов на русские земли с крестоносной угрозой с Запада. Последняя представлена куда более опасной для существования Руси, чем власть хана Орды. Под влиянием новых взглядов на национальные вопросы монголо-татары избавляются от определений «варвары» и «дикари», однако дихотомия степных и земледельческих народов с культурным преобладанием вторых над первыми остается доминирующей тенденцией при описании русско-ордынских отношений.

Профессиональная историческая наука в 1930–1950-е гг. продолжает изучение ордынского владычества по образцам государственной школы, как фактора, влиявшего на складывание единого государства, только оценка этого влияния меняется с положительной (помощь в возвышении Москвы) на отрицательную (замедление образования Русского централизованного государства).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М.: Изд-во Московского ун-та, 1952. 544 с.
2. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Академия наук СССР, 1934. 223 с.
3. Всемирная история: в 10 т. / отв. ред. Н.А. Сидорова. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 3. 895 с.
4. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.: Академия наук СССР, 1950. 479 с.
5. «Идегеево побоище» ЦК ВКП(б): Постановление обкома ВКП(б) от 06.10.1944 г. / публ. и коммент. И.Л. Измайлова // Родина. 1997. № 8. С. 116–118.
6. История русского искусства / под ред. И.Э. Грабаря, В.С. Кеменова, В.Н. Лазарева. М.: Академия наук СССР, 1955. Т. 3. 745 с.
7. Мавродин В.В. Древняя и средневековая Русь. СПб.: Наука, 2009. 719 с.
8. Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 3–19.
9. Мухаметов Ф.Ф. Отечественная историография монгольского завоевания Руси: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007. 50 с.
10. Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л.: Академия наук СССР, 1940. 178 с.
11. Насонов А.Н. Татарское иго на Руси в освещении М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского: сб. ст. М.; Л.: Академия наук СССР, 1940. Ч. 2. С. 59–90.
12. Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв.: в 2 ч. / под ред. Б.Д. Грекова, Л.В. Черепнина, В.Т. Пашуто. М.: Академия наук СССР, 1953. Ч. 1. 984 с.
13. Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость. М.: Госполитиздат, 1956. 279 с.
14. Покровский М.Н. Русская история: в 3 т. СПб.: Полигон, 2002. Т. 1. 346 с.
15. Политов В.В. Отечественная историография влияния монголо-татарского ига на социально-политические институты княжеств Северо-Восточной Руси: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. 22 с.
16. Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Т. 3: Падение феодализма. 2-е изд. М.; Л.: Книга, 1928. 372 с.
17. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М.: Академия наук СССР, 1948. 792 с.
18. Сталин И.В. Доклад об очередных задачах партии в национальном вопросе. 10 марта 1921 г. X съезд РКП(б) // Сочинения: в 13 т. Т. 5: 1921–1923. М.: Госполитиздат, 1947. С. 33–44.
19. Тихомиров М.Н. Куликовская битва 1380 г. // Вопросы истории. 1955. № 8. С. 11–25.
20. Тихомиров М.Н. Средневековая Москва. М.: Книжный сад, 1997. 480 с.
21. Трубкин В.В. Отечественная историческая литература о русско-ордынских и русско-литовских отношениях в середине XIII – XV в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. 22 с.

REFERENCES

1. Bazilevich, K.V. Vneshnyaya politika Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. Vtoraya polovina XV veka [Foreign policy of the Russian centralized state. Second half of the 15th century]. Moscow: Moscow State University Publ., 1952 (in Russian).
2. Vladimirtsov, B.Ya. Obshchestvennyj stroj mongolov. Mongol'skij kochevoj feodalizm [Social system of the Mongols. Mongol nomadic feudalism]. Leningrad: Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1934 (in Russian).
3. Vsemirnaya istoriya: v 10 t. [World history: in 10 volumes] ed. by N.A. Sidorova. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1957. Vol. 3 (in Russian).
4. Grekov, B.D., Yakubovskij, A.Yu. Zolotaya Orda i ee padenie [The Golden Horde and it's fall]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1950 (in Russian).
5. «Idegeev poboishche» TsK VKP(b): Postanovlenie obkoma VKP(b) ot 06.10.1944 g. [«The Idegeev Massacre» of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks): Resolution of the Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of October 6, 1944]. ed. by I.L. Izmajlov. In Rodina. 1997. № 8. P. 116–118 (in Russian).
6. Istoriya russkogo iskusstva [History of Russian Art]. ed. by I.E. Grabar, V.S. Kemenov, V.N. Lazarev. Moscow: Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1955. Vol. 3 (in Russian).
7. Mavrodin, V.V. Drevnyaya i srednevekovaya Rus' [Ancient and Medieval Rus']. St. Petersburg: Nauka Publ., 2009 (in Russian).
8. Marks, K. Razoblacheniya diplomaticheskoy istorii XVIII veka [Revelations of the Diplomatic History of the 18th Century]. In Voprosy istorii. 1989. № 4. P. 3–19 (in Russian).
9. Mukhametov, F.F. Otechestvennaya istoriografiya mongol'skogo zavoevaniya Rusi [Domestic historiography of the Mongol conquest of Rus']. Moscow, 2007 (in Russian).
10. Nasonov, A.N. Mongoly i Rus'. Istoriya tatarskoj politiki na Rusi [Mongols and Rus']. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1940 (in Russian).
11. Nasonov, A.N. Tatarskoe igo na Rusi v osveshchenii M.N. Pokrovskogo [The Tatar yoke in Rus' as interpreted by M.N. Pokrovsky]. In Protiv antimarksistskoj kontseptsii M.N. Pokrovskogo. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1940. Part 2. P. 59–90 (in Russian).
12. Ocherki istorii SSSR. Period feodalizma IX–XV vv.: v 2 ch. [Essays on the history of the USSR. The period of feudalism of the 9th–15th centuries: in 2 parts]. ed. by B.D. Grekov, L.V. Cherepnin, V.T. Pashuto. Moscow: Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1953. Part 1 (in Russian).
13. Pashuto, V.T. Geroicheskaya bor'ba russkogo naroda za nezavisimost' [The Heroic Struggle of the Russian People for Independence]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1956 (in Russian).
14. Pokrovskij, M.N. Russkaya istoriya: v 3 t. [Russian History: in 3 volumes]. St. Petersburg: Poligon Publ., 2002. Vol. 1 (in Russian).
15. Politov, V.V. Otechestvennaya istoriografiya vliyaniya mongolo-tatarskogo iga na sotsial'no-politicheskie instituty knyazhestv Severo-Vostochnoj Rusi [Domestic Historiography of the Influence of the Mongol-Tatar Yoke on the Sociopolitical Institutions of the Principalities of North-Eastern Rus']. Moscow, 2017 (in Russian).
16. Rozhkov, N.A. Russkaya istoriya v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii (osnovy sotsial'noj dinamiki). T. 3: Padenie feodalizma [Russian History in Comparative Historical Light (Fundamentals of Social Dynamics). Vol. 3: The Fall of Feudalism.]. 2nd ed. Moscow; Leningrad: Kniga Publ., 1928 (in Russian).

17. Rybakov, B.A. Remeslo Drevnej Rusi [Craft of Ancient Rus']. [Moscow]: Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1948 (in Russian).
18. Stalin, I.V. Doklad ob ocherednykh zadachakh partii v natsional'nom voprose. 10 marta 1921 g. X s"ezd RKP(b) [Report on the party's immediate tasks in the national question. March 10, 1921 X Congress of the Russian Communist Party (Bolsheviks)]. In Sochineniya: in 13 vol. Vol. 5: 1921–1923. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1947. P. 33–44 (in Russian).
19. Tikhomirov, M.N. Kulikovskaya bitva 1380 g. [Battle of Kulikovo 1380]. In Voprosy istorii. 1955. № 8. P. 11–25 (in Russian).
20. Tikhomirov, M.N. Srednevekovaya Moskva [Medieval Moscow]. Moscow: Knizhnyj sad Publ., 1997 (in Russian).
21. Trubkin, V.V. Otechestvennaya istoricheskaya literatura o russko-ordynskikh i russko-litovskikh otnosheniyakh v seredine XIII – XV vv. [Domestic Historical Literature on Russian-Horde and Russian-Lithuanian Relations in the Mid-13th – 15th Centuries]. Omsk, 2007 (in Russian).

Сведения об авторе

Смирнов Алексей Викторович, главный специалист, Государственное казенное учреждение Краснодарского края «Государственный архив Краснодарского края», ул. Ставропольская, 151-А, 350040, г. Краснодар, Российская Федерация, alexdf247@mail.ru, 0009-0002-1816-7602

About the Author

Smirnov Alexey Viktorovich, chief specialist, The State Archives of the Krasnodar Krai, Stavropolskaya St., 151-A, 350040, Krasnodar, Russian Federation, alexdf247@mail.ru, 0009-0002-1816-7602

Политико-экономическое развитие Синьцзяна в 1920-е гг. на примере воспоминаний Камского**Месропян Георгий Нерсесович**

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

Bellfam56@mail.ru

Аннотация. В современной синологии Синьцзян является одной из самых изучаемых провинций Китая. При исследовании истории этого региона, особенно первой трети XX в., ученые сталкиваются с проблемой нехватки китайских документов в открытом доступе. Поэтому для изучения Новейшей истории Синьцзяна историки обращаются к многочисленным экземплярам мемуаристики. Многие из этих образцов изучены и активно вовлечены в научный оборот, однако есть и те, которым ещё не уделено внимания в научной литературе. Примером могут служить воспоминания некоего Камского, русского белогвардейца, оказавшегося в Синьцзяне в 1920–1921 гг. Его мемуары посвящены положению разгромленных белогвардейцев в Синьцзяне в 1920–1921 гг., обстоятельствам их эмиграции, положению в синьцзянском обществе и невзгодам, обрушившимся на них. Анализируя мемуары Камского, автор выделил информацию, посвящённую социально-экономическому и политическому положению Синьцзяна в начале 1920-х гг. Она касается характера землепользования и технического уровня земледелия, промышленного развития Синьцзяна, взаимоотношений китайской элиты с коренным населением, состояния вооружённых сил региона, а также обстоятельствам, в силу которых Камский оказался там вместе с другими белогвардейцами. Сравнив эту информацию с аналогичными упоминаниями из воспоминаний современников (как русских, так и иностранцев), автор пришёл к следующему выводу. Информация, содержащаяся в мемуарах Камского, правдива и заслуживает доверия, а следовательно, и широкого использования в научной литературе.

Ключевые слова: история Синьцзяна, мемуаристика, русская эмиграция, эпоха милитаристов.

Для цитирования: Месропян Г.Н. Политико-экономическое развитие Синьцзяна в 1920-е гг. на примере воспоминаний Камского // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 1. С. 157–170.

**The political and economic development of Xinjiang in the 1920s.
on the example of Kamsky's memoirs****Mesropyan Georgiy Nersesovich**

Kuban state university, Krasnodar, Russia

Bellfam56@mail.ru

Summary. In modern Sinology, Xinjiang is one of the most studied provinces in China. When researching the history of this region, especially the first third of the twentieth century, scientists face the problem of a shortage of Chinese documents in the public domain. Therefore, to study the Recent history of Xinjiang, historians turn to numerous copies of memoirs. Many of these samples have been studied and are actively involved in scientific circulation, however,

there are those that have not yet been given attention in the scientific literature. An example is the memoirs of a certain Kamsky, a Russian White Guard who found himself in Xinjiang in 1920-1921. His memoirs are devoted to the situation of the defeated White Guards in Xinjiang in 1920-1921, the circumstances of their emigration, their position in Xinjiang society and the hardships that befell them. Analyzing Kamsky's memoirs, the author identified information on the socio-economic and political situation of Xinjiang in the early 1920s. It concerns the nature of land use and the technical level of agriculture, the industrial development of Xinjiang, the relationship of the Chinese elite with the indigenous population, the state of the region's armed forces, as well as the circumstances that brought Kamsky there along with other White Guards. Comparing this information with similar references from the memoirs of contemporaries (both Russians and foreigners), the author came to the following conclusion. The information contained in Kamsky's memoirs is truthful and trustworthy, and therefore widely used in scientific literature.

Key words: history of Xinjiang, memories, Russian emigration, Militarist Era.

For citation: *Mesropyan Georgiy N.* The political and economic development of Xinjiang in the 1920s. on the example of Kamsky's memoirs. Journal of the Kuban State University Historical Sciences, 2026, no. 1, p. 157–170.

Введение

История Синьцзяна в первой половине XX в. насыщена драматическими событиями. Внутренние противоречия, начавшие возникать ещё в XVIII в., к концу XIX – первой половине XX в., обострились, что в конечном счёте привело к возникновению уйгурского вопроса в современном Китае. В России исторический опыт Синьцзяна необходимо изучать по причине многонациональности и многоконфессиональности нашей страны, равно как и Китая. Изучение причин и предпосылок возникновения проблем на этнической и религиозной почве, способов их разрешения будет способствовать динамичному и устойчивому развитию России в настоящем.

Изучая историю Синьцзяна, особенно в период первой трети XX в., исследователи сталкиваются с рядом сложностей, которые проистекают из малого доступа к китайским источникам, в первую очередь к документам. В силу этого важную роль в исследовании истории этой китайской провинции играют источники личного происхождения, а именно мемуаристика. В настоящем исследовании были изучены мемуары некоего Камского. Подробности о его биографии, не говоря уже об инициалах, на данный момент неизвестны, однако информация, содержащаяся в его мемуарах об истории Синьцзяна, правдива и может быть вовлечена в широкий научный оборот.

Цель исследования – доказать, что мемуары Камского могут быть использованы в качестве исторического источника. Для выполнения поставленной цели автором были определены следующие задачи:

– выявить информацию, касающуюся социально-экономического и политического положения Синьцзяна во время, описанное в мемуарах;

– сравнить информацию, изложенную Камским, с материалами других мемуаристов.

В исследовании используется сравнительный метод. Благодаря этому представляется возможным сопоставлять указанные Камским сведения с материалами, представленными в других источниках. Также для правильной оценки и изучения сведений Камского нельзя обойтись без системного метода. Экономическая, социальная и политическая сферы общества тесно связаны между собой, а потому для верной оценки слов Камского необходимо учитывать, что эти три сферы образуют цельную систему, где каждая из её частей взаимно влияет и обуславливает развитие двух других.

Работа основана на изучении информации, представленной в источнике, а поэтому нельзя обойтись без методов источниковедческого исследования. В первую очередь необходимо оговориться, что автор подвергал источник внутреннему анализу. Внешний был не столь важен для работы. Некоторая информация, предоставленная Камским, дается без пояснений. Это в свою очередь порождает неопределённость или двоякость в понимании. Потому в исследовании совершенно необходима такая часть источниковедческого анализа, как герменевтика.

Синьцзян и его Новейшая история изучались относительно недавно: с 30–50-х гг. XX в. И, тем не менее, уже вышел ряд значимых работ по теме, которые автор активно привлекал в своём исследовании. В соответствии с хронологией, среди отечественных исследований в первую очередь стоит выделить работу П.И. Фесенко «Классовое расслоение и обнищание декханства в синьцзянском кишлаке» (1935 г.). Она является типичной в рамках советской школы историографии. Ей присуща политическая ангажированность и классовый подход, однако это не умаляет достоинств работы. За счёт привлечения китайских источников, материалов прессы и отчётов российской и советской разведки П.И. Фесенко удалось тщательно рассмотреть положение синьцзянского крестьянства и выявить его социальную структуру. В силу того, что общественные отношения в Синьцзяне с конца XIX в. и на протяжении первой трети XX в. проистекали неизменно, общие выводы, высказанные П.И. Фесенко, можно использовать и для характеристики социально-экономического положения Синьцзяна в начале 1920-х гг.

Ещё одной работой, достойной упоминания, является докторская диссертация В.А. Бармина «Политика Советского Союза в Синьцзяне 1918–1949 гг.» (2000 г.). Эта работа на данный момент является фундаментальной в исследовании Новейшей истории Синьцзяна. В труде В.А. Бармина рассмотрены экономические и политические контакты Советского Союза с Синьцзяном. Одним из главных достоинств работы является активное привлечение архивных материалов и зарубежных источников. Главное достоинство труда – помещение советско-синьцзянских связей в исторический контекст развития самого Синьцзяна, что создаёт полноту

картины при их изучении. Также нельзя не упомянуть монографию Е.Н. Наземцевой «Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.)» (2012 г.), в которой подробно изучен феномен русской эмиграции в Синьцзяне. Помимо её истории, автором были рассмотрены культура, повседневность, быт, социальная и политическая роль, правовой статус русской эмиграции в Синьцзяне.

Касаясь зарубежной историографии, необходимо упомянуть работу Э. Форбса «Warlords and Muslims in Chinese Central Asia: a political history of Republican Sinkiang 1911–1949» (1986 г.). Автором этого исследования была проведена скрупулёзная работа по изучению политической истории Синьцзяна с момента Синьхайской революции 1911–1913 гг. и до вхождения провинции в состав коммунистического Китая в 1949 г. Главным достоинством работы является привлечение многочисленных иностранных источников, по разным причинам недоступных для отечественного исследователя. С их помощью автору удалось создать детальную картину политического ландшафта в Синьцзяне и тщательно описать драматические изменения, протекавшие в провинции в первой половине XX в.

Если касаться источников, то необходимо отметить, что главным средством в изучении Синьцзяна в первой половине XX в. являются источники личного происхождения, в частности, мемуаристика. Она особенно важна по той причине, что множество событий, происходивших в Синьцзяне, либо не получили документального свидетельства, либо документы недоступны исследователям. Поэтому изучение мемуаристики критически важно для возможностей исследования истории Синьцзяна.

Из множества мемуарных источников, как отечественных, так и зарубежных, следует выделить мемуары Камского, которому посвящено исследование. Подробнее о его воспоминаниях будет сказано в основной части статьи. Однако на примере его воспоминаний можно вывести общую характеристику для большей части мемуаристики, посвящённой Синьцзяну. Во-первых, для неё характерен взгляд со стороны. Большинство авторов, писавших о Синьцзяне, не были его коренными жителями, а оказывались в провинции в силу различных жизненных обстоятельств. Во-вторых, мемуаристика ставит себе цель или включает в одну из задач составить подробное описание общественной жизни Синьцзяна. Это обуславливается авторами тем, что Синьцзян для большинства европейских обывателей (основных читателей мемуаров) был неизвестным местом, о котором они никогда не слышали.

Кроме мемуаров Камского, в исследовании были использованы воспоминания И.И. Еловского, Н.К. Рериха, К. Скрайна. Они отличаются разными обстоятельствами пребывания авторов в Синьцзяне, разным социальным положением в провинции и разным уровнем осведомлённости о процессах, происходивших там. И.И. Еловский также был эмигрантом и в своих мемуарах повествовал о том, как разгромленные белые части отступали в Синьцзян. Его труд является исключением из общей

характеристики синьцзянской мемуаристики. Повествование о Синьцзяне по большому счёту сведено к минимуму. Центральное и доминирующее место занимает описание отступления частей генерала А.С. Бакича в Синьцзян, повествование о невзгодах и лишениях, выпавших на них. Свидетельства Н.К. Рериха оформлены в формате путевого дневника, и он составил его позднее описываемых Камским и И.И. Еловским событий, в 1926 г. Синьцзян являлся лишь одной из остановок в путешествии знаменитого художника и мистика к Тибету. В отличие от упомянутых выше воспоминаний, в путевом дневнике Н. К. Рериха можно обнаружить больше упоминаний о повседневной жизни населения Синьцзяна, особенностях культуры и быта уйгуров. К. Скрайн в 1922–1924 гг. работал генеральным консулом Великобритании в Синьцзяне, и он был более осведомлён о политической и экономической ситуации в провинции, нежели отечественные путешественники. Также авторов мемуаров разделяет и географическое расположение. И. И. Еловский и Камский проживали в 1920–1921 гг. в Чугучаке, на севере Синьцзяна. Н. К. Рерих большую часть своего пребывания в провинции находился в Урумчи, в центральном районе Синьцзяна. К. Скрайн находился в Кашгаре, на юге провинции. Однако, так или иначе, находясь в разных географических частях провинции, упомянутые авторы практически синхронно наблюдали общие социально-экономические и политические процессы, свойственные для всего Синьцзяна. Таким образом, информацию, представленную Камским, можно адресовать не только северу Синьцзяна, но всей провинции целиком.

Не только мемуаристика является источником по истории Синьцзяна. Не менее важны разнообразные отчёты, доклады и сводки путешественников, чья информация предназначалась для государственных органов. К числу таких материалов можно отнести донесения путешественника и ориенталиста У. Астора, посвящённые социальному анализу китайцев в Синьцзяне, а также отчёт о миссии большевика, партийного и государственного функционера С.А. Нацова, предоставленный для изучения Коминтерном возможности спровоцировать революцию в Синьцзяне. Эти источники отличаются большей документальностью повествования и минимумом субъективной информации.

Основная часть

Исторический контекст. Прежде чем начать разговор о мемуарах Камского, необходимо в общих чертах отметить специфику Синьцзяна. Эта провинция является самым отдалённым китайским владением, граничащим с Индией и Центральной Азией. Китайцы в Синьцзяне к первой половине XX в. были меньшинством, в то время как большинство составляли тюркские народы (преимущественно уйгуры). Попытки китаизации коренного населения, предпринимаемые империей Цин в конце XIX –

начале XX в., провалились. Синьцзян был экономически слабо связан с Китаем, больше ориентируясь на Центральную Азию, торговые связи с которой возникли ещё в период Средних веков. Экономика провинции была ориентирована преимущественно на сельское хозяйство и кочевое скотоводство. Кожа, меха, зерно, а также шёлк и хлопок являлись основным предметом экспорта.

Отсутствие культурно-религиозного единства, слабая экономическая связь в совокупности с примитивными средствами сообщения и географической удалённостью от Пекина привели к тому, что ещё до смерти президента Китайской Республики Юань Шикая (1912–1915 гг.) и наставшей вслед за этим эпохи милитаристов в Китае, синьцзянские бюрократы вели себя достаточно самостоятельно, а к началу 1920-х гг. Синьцзян даже заключал международные договоры без согласия или уведомления центральных органов власти. Примером подобных соглашений может служить Илийский протокол (1920 г.) [1] и Соглашение о помощи Туркфронтом (1921 г.) [2], которые заключил Ян Цзэнсинь с советским правительством (в то время как Бейянское правительство подписало соглашение об установлении дипломатических отношений с СССР только в 1924 г.). Согласно протоколу, возобновлялась торговля Синьцзяна с Советской Россией в районе Или. Соглашение предусматривало военную помощь Советской Россией силами Туркестанского фронта в борьбе против войск А.С. Бакича, начавших прямой вооружённый конфликт с Синьцзяном.

С 1912 г. провинцией руководил Ян Цзэнсинь, стремившийся сохранять статус-кво, балансируя между интересами коренных народов и китайской администрации. Именно его деятельность во многом определит облик Синьцзяна, усугубит внутренние проблемы и противоречия, сформировавшиеся ещё за время существования династии Цин. К началу 1920-х гг. положение Ян Цзэнсиня не было устойчивым. Гражданская война в России привела к прекращению торговли с Центральной Азией, что спровоцировало тяжёлый экономический кризис, последствия которого удалось частично нивелировать. А разгром белых и отступление их отрядов на территорию провинции вызвало политический кризис, грозивший Ян Цзэнсиню потерей власти.

О биографии автора и главной идее его мемуаров. В воспоминаниях Камского (инициалы в издании отсутствуют) за подробным рассказом о невзгодах и мытарствах, которые выпали на участь разгромленных белогвардейцев, можно находить краткие, но оттого не менее ценные упоминания о политико-экономическом состоянии Синьцзяна в начале 1920-х гг. Увы, на данный момент невозможно установить личность загадочного Камского. Невозможно утверждать, была ли это настоящая фамилия человека или псевдоним. Единственное, что мы знаем от него самого, так это то, что автор служил в годы Первой мировой войны в Галиции, затем во время Гражданской войны был на стороне белых, воюя в рядах армии А.В. Колчака в Перми. Позже Камский в составе отрядов под

командованием генерала А.С. Бакича оказался в Синьцзяне. Судя по всему, был помилован и не раньше середины 1921 г. вернулся в Советскую Россию. С 1922 по 1928 г. Камский работал в журнале «Сибирские огни». Что случилось с ним после 1928 г., до сих пор неизвестно. Невозможность идентифицировать автора, отсутствие информации о его биографии могут и вызывают сомнения относительно сведений, которые можно обнаружить в его воспоминаниях. Однако, сравнивая с мемуарами других авторов, можем утверждать, что сведения, приводимые Камским, как минимум не противоречивы и заслуживают доверия.

Мемуары Камского – своего рода отповедь побеждённых. В предисловии он задаёт отчасти фаталистический настрой к прочтению: «За время как я живу в Советской России, мне часто пришлось встречаться с людьми недовольными, брюзжащими, все еще мечтающими, что “вот приедет барин”, но барин не приедет. Барин умер и не приедет более никогда...» [3, с. 4]. Главная задача мемуаров Камского – продемонстрировать бесполезность попыток уже побеждённых белых сопротивляться неизбежному ходу событий, а их пертурбации в Синьцзяне преподносятся как страшная ошибка, за которую многие расплатились своей жизнью. Одни стали жертвой амбиций А.С. Бакича, жаждущего реванша и скорого возвращения в Россию. Другие – произвола и безразличия со стороны китайских властей, третьи – из-за болезней, голода и нищеты. Своим повествованием Камский подталкивает читателя к простому выводу. Красные победили, а потому необходимо прекратить бесполезное сопротивление. Нужно принять это и жить дальше.

Синьцзян служит фоном для главного действия: описания трагичной судьбы разгромленных белогвардейцев, бесправных, обнищавших и доведённых до скотского состояния произволом своих командиров и китайских бюрократов. И оттого сведения, упоминаемые Камским о Синьцзяне, достоверны. У автора нет необходимости преподнести в необходимом ключе или исказить информацию о провинции. Его главная цель – рассказать о невзгодах белогвардейцев, волею судеб, оказавшихся в китайской провинции Синьцзян.

Экономическое развитие провинции в мемуарах Камского. Относительно сельского хозяйства, Камский выделяет два региона Синьцзяна, где земледелие было хорошо развито: Или и Тарбагатай. Во время своего пребывания в провинции автор находился в пограничном Чугучаке, а потому он не осведомлён о том, что земледелие также было хорошо развито в таких районах, как Кашгар, Урумчи, Хами. Далее, повествуя о состоянии сельского хозяйства в Синьцзяне, Камский с сожалением говорит о том, что местная администрация не занимается, за исключением Тарбагатай, серьёзным развитием ирригационных систем [3, с. 29].

Земля считалась государственной собственностью. Простые жители провинции платили аренду за пользование землёй. Конкретно Камский

говорит о синьцзянских кочевниках. А как же обстояло дело с крестьянством? П.И. Фесенко выделил четыре категории синьцзянских крестьян [4, с. 272–276]: батраки-мардакеры, бедняки, середняки, кулаки. Первая категория полностью лишена земли и представляет из себя сельскохозяйственных рабочих. Бедняки владеют мелкими наделами земли и помимо основного занятия сельским хозяйством занимаются домашними ремёслами, отработками, промыслами и т.д. Средняки обеспечивают себя полностью за счёт сельского хозяйства, а кулаки являются местной сельской буржуазией. Как правило, батраки и бедняки берут землю в аренду, в то время как середняки, не говоря уже о кулаках, живут за счёт собственных участков земли. Следовательно, арендаторами земли могли быть китайские чиновники как представители государства, тюркская элита, либо незнатное, но богатое кулачество.

Также Камский упоминает об обширных частных землевладениях, которые, как правило, принадлежали либо китайцам, либо баям. Об этом также упоминает У. Астор. В частности, он говорит о том, что китайский компонент в Синьцзяне неоднороден и состоит из обычных крестьян-переселенцев, ссыльных преступников, демобилизованных солдат, чиновников и купцов (как правило, из Тяньцзиня), которые по совместительству являлись крупными землевладельцами, конкурируя с баями [5, р. 140].

Орудия труда были устаревшими: китмени и деревянные плуги с железным лемехом. Ни о какой механизации сельского хозяйства Камский не говорит. Формы земледелия, как он отмечает, разнились: «Формы полеводства весьма разнообразны – от первобытной системы, когда истощин (sic!) один, распахивают новый участок, до многопольно-травяной с посевом люцерны...» [3, с. 30–31]. Исходя из этого сообщения не вполне понятно, о какой первобытной форме говорит Камский, равно, как и какая именно была многопольная система землепользования: двуполье или трехполье. Камский упоминает о следующих возделываемых культурах: пшеница, джугара (ошибочно относит к одному из сортов кукурузы), овёс, просо (автор подчёркивает, что его сажают в больших количествах и что оно имеет большое значение в рационе местных) и кунжут. Из технических культур выращивают марену (растительный краситель), хлопок, тутовые (он особенно выделяет Хотан как один из главных районов шелководства в Синьцзяне) [3, с. 32]. Скотоводству Камский уделяет мало внимания, отмечая, что скот весь год пасётся под открытым небом, и поголовья часто страдают от падежей из-за экстремальных температур и заболеваний.

Говоря о финансах провинции, Камский упоминает, что, когда А.И. Дутов отправил своего подчинённого, подполковника М.В. Карханина в Чугучак для создания там опорного пункта, в Китае рубли продолжали оставаться ходовой валютой (а использовался рубль в торговом обороте провинции как минимум с середины XIX в.). Причем, отмечает Камский, ходили ещё «николаевские кредитки», а также сибирские деньги

А.С. Колчака, которые после прибытия разгромленных белогвардейцев в Чугучак стремительно обесценивались [3, с. 14, 16]. Об экономическом состоянии Синьцзяна Камский, проживая в Чугучаке, упоминает, что город отличался большим размахом торговли: «торгует и китайский губернатор, и чиновники, и баи, и ребяташки, вообще все...» [3, с. 2]. Касательно того, с кем торгуют, автор мемуаров говорит о том, что рыночный обмен в Чугучаке ведётся с местными кочевниками. Продукция кочевого хозяйства (очевидно, шкуры, кожи, мясо, молоко) обменивается на чай, сухофрукты, предметы быта и т.д. Свидетельство Камского относительно синьцзянской торговли находит своё подтверждение в миссии представителя Коминтерна С.А. Нацова, который в 1923 г. бывал в Синьцзяне. Он в своём отчёте указывает на небывалый размах коррупции в администрации Ян Цзэнсиня и отмечает, что чиновники не чураются ведения коммерции [6, с. 65], что торговля (очевидно, в Чугучаке) в основном ведётся меновая, основанная на «обирании кочевников», и «торговая мелкота» страдает от высокого налогообложения [3, с. 31].

Отдельную главу мемуаров Камский посвящает непосредственно описанию Синьцзяна, где можно обнаружить информацию о местных промышленных проблемах. Он отмечает, что залежи полезных ископаемых не разрабатываются: «Путник часто наталкивается на мощные выходы каменного угля прекрасного качества, во многих местах встречаются руды ртути (sic!) (окрестности Дорбуджина), в провинции есть нефть, золото и залежи: соли, гипса, графита, серы, нашатыря, железных, медных и серебро-свинцовых руд весьма высокого процентного содержания» [3, с. 27–28]. Предложения русских эмигрантов начать добычу полезных ископаемых или организовать современное ткацкое производство за редким исключением встречали решительный отказ [3, с. 35].

Камский не даёт подробного пояснения, почему власти Синьцзяна пренебрегали развитием промышленности, однако ответ на этот вопрос можно найти в путевом дневнике Н.К. Рериха. Он приводит в своих записях пересказ местными жителями слов губернатора о том, что увеличение промышленного производства приведет к росту нежелательных настроений в провинции [7, с. 127]. Что же это за нежелательные настроения, уточняет Э. Форбс. Он говорит, что Ян Цзэнсинь с неприязнью относился к коммунистической идеологии, несмотря на ряд договоров с СССР, запрещал местным жителям вступать в контакты с советскими работниками [8, р. 17]. В таком случае под нежелательными настроениями можно понимать усиление коммунистической идеологии в Синьцзяне, чьей опорой как раз являются рабочие. Тем не менее Камский перечисляет некоторые производства в Синьцзяне, которые имелись к началу 1920-х гг.: в Кашгаре и Куче располагались немногочисленные заводы по выделке кож и производству мыла, в Или велись незначительные разработки угля и выплавка чугуна и стали, производство бязи в Кашгаре и Турфане, в Аксу располагался основной центр выделки войлока, а также ремесленного

производства. Кроме этого Камский упоминает о добыче серебра, проводившейся во многих местах Синьцзяна без конкретных упоминаний [3, с. 31].

Камский говорит о феноменальном уровне коррупции в провинции: «Всякого рода взятки и поборы в провинции процветают и играют в жизни населения выдающуюся роль», и что население задавлено налогами [3, с. 34, 35]. Об этом также упоминает К. Скрайн, подчёркивая, что население страдает от разнообразных налогов и поборов [9, р. 86–88]. Э. Форбс в своём исследовании раскрывает на примерах размах коррупции: у губернатора Ян Цзэнсиня имелись счета в Мексике и Филиппинах. Его подчинённый, таоинь (военный губернатор) Ма Фусин, отстроил себе в Кашгаре дворец, подражая цинским вельможам, а у провинциальных чиновников в карманах оседали огромные суммы по меркам Синьцзяна: по 200–500 тыс. лян [8, р. 21].

Политическая обстановка в провинции по воспоминаниям Камского. Говоря о кризисе в начале 1920-х гг., вызванном отступлением на территорию Синьцзяна отрядов разгромленных белогвардейцев, Камский отмечает, что китайская администрация была не готова к большому наплыву людей. С его слов к 1920 г. в Синьцзян в район Чугучака прибыло 25 тыс. чел. [3, с. 10]. Однако эта цифра не является окончательной. Например, В.А. Бармин утверждает, что число эмигрантов, оказавшихся в Синьцзяне, увеличилось к концу весны 1921 г. до 50 тыс. чел. [10, с. 53]. Как отмечает В.Н. Наземцева, А.С. Бакич через русского консула в Урумчи В.В. Долбежева вёл переговоры с Ян Цзэнсином о возможности интернировать свои части [11, с. 18]. Однако как таковая дипломатическая работа не была проведена, а встреча А.С. Бакича с губернатором Синьцзяна носила характер визита, чего было недостаточно для переговоров об интернировании. Это может объяснить реакцию синьцзянского чиновничества на прибывающих разгромленных белогвардейцев.

Отступление белых в Синьцзян не было одномоментным, а проводилось в три волны: первые две (конец марта) возглавлялись уже упомянутыми А.С. Бакичем, а также генералом А.И. Дутовым, насчитывали в сумме 12,6 тыс. чел. (12 тыс. вёл А.С. Бакич, а остальных А.И. Дутов). Третью (конец мая) вёл генерал Б.В. Анненков, которая насчитывала 1,5 тыс. чел. [11, с. 18, 20–21]. Впоследствии, осенью 1920 г., Д.Я. Шишкин поднял восстание в Прииртышье и отступил в Синьцзян, а весной 1921 г. в лагерь А.С. Бакича в Эмиль-Хо прибыл некто Токарев с двумя тысячами чел. [3, с. 41, 63]. По словам Камского, вначале А.С. Бакича (который объявил себя верховным правителем России) опасались, однако вскоре китайские бюрократы заняли выжидательную позицию. По мнению автора, это было связано с осознанием, что А.С. Бакич не представляет для Урумчи большой опасности [3, с. 37–38]. Но эти рассуждения Камского верны лишь отчасти. Качество войск Ян Цзэнсиня оставляло желать лучшего, а просьбы о помощи, направленные в Пекин, оставались без ответа [11, с. 24]. В то же

время белогвардейцы, хоть и страдали от нехватки снабжения, могли похвастаться боевым опытом, а перспектива пожить за счёт китайских бюрократов могла существенно повысить их мораль. В случае теоретического захвата китайских городов тот же А.С. Бакич мог бы рассчитывать на относительно снабжённых солдат Д.Я. Шишкина и Токарева. Они только недавно попали в Синьцзян, а потому не успели обнищать и разложиться. Поэтому китайские власти вместо силового принуждения использовали подкуп офицеров, саботировали снабжение, формально заявляя о готовности к диалогу.

К осени 1920 г. под угрозой голода и наступающей зимы Чугучак, по воспоминаниям Камского, оказался на грани погрома [3, с. 42]. Причина, по которой бывшие белогвардейцы были готовы на это, крылась в беспросветной нищете и произволе со стороны китайских властей, чему Камский посвятил значительную часть повествования. Его описания соответствуют свидетельствам ещё одного синьцзянского эмигранта – И.И. Еловского. Его воспоминания были опубликованы чуть раньше воспоминаний Камского, в 1921 г., и также посвящены русским эмигрантам в Чугучаке. Он схожим образом говорит о том, что положение большинства эмигрантов было тяжёлым: сказывалась нехватка продовольствия, изношенное обмундирование, отсутствие средств к существованию [12, с. 20].

Несмотря на малый срок пребывания в Синьцзяне (полтора года по признаниям самого Камского), он смог весьма подробно изучить внутрисполитическое состояние провинции. Он отмечает, что китайцы составляют меньшинство и они формируют чиновничий аппарат. Социальную элиту составляют помещики, чиновники и купцы, и, как отмечает Камский, эти три социальных слоя практически сращены. Чиновник зачастую является либо крупным купцом или помещиком, а землевладельцы и местная буржуазия зачастую занимают какое-либо место в бюрократическом аппарате [3, с. 32]. Большинство населения, представленное либо кочевниками, либо городской и сельской беднотой, находятся в крайней нищете и состоят в клиентской зависимости от социальной элиты: «Большую часть они находятся в неоплатном долгу у богачей и принуждены так или иначе отрабатывать, причем нужно заметить, что, нанявшись работать и отрабатывать долг, бедняк находится в полной зависимости от хозяина...» [3, с. 33].

Говоря о внутренних силах губернатора, Камский подчеркивает, что полиция и воинские силы были снаряжены плохо, а само качество контингента оставляло желать лучшего [3, с. 25–26]. Схожую картину состояния боеспособности войск Ян Цзэнсиня даёт К. Скрайн. Он отмечает, что в Кашгарии по штату должно находиться 4 тыс. солдат, по факту же в области было размещено 500 солдат, зависимых от опиума, не прошедших воинскую подготовку, не снабжаемых и не получающих жалования [9, р. 261].

Камский оценивает правление Ян Цзэнсиня как деспотическое: власть держится на насилии и жёстком подавлении всякого сопротивления, а отношение китайских властей к подчинённому населению негативное. Равно как и русские эмигранты, коренное население Синьцзяна в представлениях китайских бюрократов представляло собой: «... нечто очень низменное» [3, с. 37].

Заключение

Согласно мемуарам Камского, социально-экономическое развитие Синьцзяна в начале 1920-х гг. было крайне слабым. Основу экономики составляло сельское хозяйство и кочевое скотоводство, которые в технологическом отношении сильно отставали от современного земледелия и животноводства. С помощью примитивных ирригационных систем (применяющихся не во всех регионах) выращивались злаковые, овощи и технические культуры (в частности, хлопок, шёлк и марена, применяющаяся в окрашивании тканей). Уровень промышленного развития, несмотря на наличие серьёзных запасов полезных ископаемых, был крайне низок и в провинции практически отсутствует современное фабрично-заводское производство. Землепользование сочетает государственную и частную собственность с явным доминированием государственного и частного крупного землевладения, принадлежащее китайским чиновникам или местной тюркской знати. Широкие слои населения находятся в тяжёлом материальном положении и часто состоят в клиентских отношениях с элитой.

Политический климат провинции характеризуется явной дискриминацией китайским чиновничеством широких слоёв населения, правовым произволом и широко распространённой коррупцией. Положение белых, оказавшихся в 1920–1921 гг. в Синьцзяне, Камский однозначно характеризует как тяжёлое. По его словам, появление многочисленных отрядов разгромленных белогвардейцев в Синьцзяне стало для властей провинции неожиданностью, и они с начала растерялись. Однако вскоре администрация Ян Цзэнсиня заняла выжидательную позицию, а затем стала придерживаться политики скрытого разложения разгромленных белогвардейцев, не решаясь на открытое противостояние. Причинами столь осторожного подхода, исходя из мемуаров Камского, можно назвать слабость вооружённых сил самого губернатора, а также опасения погромов со стороны рядового состава белогвардейцев, доведённых до отчаяния бесправием, нищетой, нехваткой продовольствия и болезнями.

Изучив мемуары Камского и сравнив с другими источниками, написанными современниками, можем утверждать, что информация о социально-экономическом и политическом положении Синьцзяна в начале 1920-х гг. заслуживает доверия, может и должна активно привлекаться в научной литературе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Илийский протокол // Документы внешней политики СССР: в XXIV т. М.: Госполитиздат, 1958. Т. II. С. 545–549.
2. Соглашение о вводе красных войск РСФСР в пределы Китайской Республики для ликвидации отрядов белых, находящихся в Алтайском округе // Документы внешней политики СССР: в XXIV т. М.: Госполитиздат, 1960. Т. IV. С. 320–322.
3. Камский. Русские белогвардейцы в Китае. М.: Красная новь, 1923. 66 с.
4. Фесенко П.И. Классовое расслоение и обнищание декханства в синьцзянском кишлаке // Революционный Восток. 1935. №. 3–4. С. 274–281.
5. Astor W.W. Chinese personalities // Journal of the Central Asian Society in 56 v. 1931. № 1.18 v. P. 136–158.
6. Башкуев В.Ю. Миссия С. А. Нацова в Синьцзяне (1923). Ч. II.: Систематизация результатов в докладе «Синьцзянская провинция или Западный Китай» // Вестник БНЦ СО РАН. 2021. № 3(43). С. 61–68.
7. Рерих Н.К. Алтай – Гималаи: путевой дневник. Рига: Виеда, 1992. 336 с.
8. Forbes A.D.W. Warlords and Muslims in Chinese Central Asia: a political history of Republican Sinkiang 1911–1949. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 251 p.
9. Skrine C.P. Chinese Central Asia. London: Methuen&Co, 1926. 420 p.
10. Бармин В.А. Политика Советского Союза в отношении Синьцзяна 1918–1949 гг.: дис... д-ра ист. наук. Барнаул, 2000. 449 с.
11. Наземцева Е.Н. Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.). М.: Нобель Пресс, 2013. 278 с.
12. Еловский И.И. Голодный поход Оренбургской армии. Пекин: Типография Успенского монастыря при Русской Духовной Миссии, 1912. 26 с.

REFERENCES

1. Astor W.W. Chinese personalities. In Journal of the Central Asian Society in 56 v. no 1.18 (1931): 136–158.
2. Barmin V.A. Politika Sovetskogo Soiuz v otnoshenii Sintsziiana 1918–1949 gg. Diss. dok. ist. nauk. 07.00.02. Otechestvennaia istoriia [The Soviet Union's Policy towards Xinjiang, 1918–1949. PhD history thesis 07.00.02. National history]. Barnaul, 2000. 449. (In Russian).
3. Bashkuev V.Iu. Missiia S. A. Natsova v Sintsziiane (1923). Ch. II. Sistematizatsiia rezultatov v doklade «Sintsziianskaia provintsiia ili Zapadnyi Kitai» [S. A. Natsov's Mission to Xinjiang (1923). Part II. Systematization of the Results in the Report "Xinjiang Province or Western China]. In Vestnik BNTs SO RAN. no 3(43). (2021): 61–68. (In Russian).
4. Elovskii I.I. Golodnyi pokhod Orenburgskoi armii [The hungry campaign of the Orenburg Army]. Beijing: tipografiia Uspenskogo monastyria pri Russkoi Dukhovnoi Missii [Printing House of the Uspenskiy Monastery at the Russian Ecclesiastical Mission] 1912. 26 (In Russian).
5. Fesenko P.I. Klassovoe rassloenie i obnishchanie dekkhanstva v sintszianskom kishlake [Class stratification and impoverishment of the Dehkan community in Xinjiang]. In Revoliutsionnyi Vostok. no. 3–4. (1935): 274–281. (In Russian).
6. Forbes A.D.W. Warlords and Muslims in Chinese Central Asia: a political history of Republican Sinkiang 1911–1949. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 256.
7. Iliiskii protokol [The Ili's Protocol]. In Dokumenty vneshnei politiki SSSR v XXIV t. [Documents of the USSR foreign policy in XXIV vol.] Moscow: Gospolitizdat [Gospolitizdat], 1958. Vol. II: 545–549 (In Russian).

8. Kamskii. Russkie belogvardeitsy v Kitae [Russian White Guards in China]. Moscow: Krasnaianov [Rednew], 1923. 66. (In Russian).
9. Nazemtseva E.N. Russkaia emigratsiia v Sintsiane (1920–1930-e gg.) [Russian Emigration in Xinjiang (1920–1930)]. Moscow: «Nobel Press» [NobelPress], 2013. 278. (InRussian).
10. Rerikh N.K. Altai – Gimalai: putevoi dnevnik [From Altai to the Himalayas: a travel diary]. Riga: Vieda [Vieda], 1992. 336. (In Russian).
11. Skrine C.P. Chinese Central Asia. London: Methuen&Co, 1926. 420.
12. Soglashenie o vvode krasnykh voisk RSFSR v predely Kitaiskoi Respubliki dlia likvidatsii otriadov belykh, nakhodiashchikhsia v Altaiskom okruge [Agreement on the deployment of the Red troops of the RSFSR to the borders of the Republic of China to eliminate the white detachments located in the Altai District]. In Dokumenty vneshnei politiki SSSR v XXIV t. [Documents of the USSR foreign policy in XXIV vol.] Moscow: Gospolitizdat [Gospolitizdat], 1960. Vol. IV: 320–322 (InRussian).

Сведения об авторах

Месропян Георгий Нерсесович, аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040, г. Краснодар, Российская Федерация, Bellfam56@mail.ru.

About the Authors

Mesropyan Georgiy Nersesovich, postgraduate Student of the Department of of World History and International Relations, Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, 350040, Krasnodar, Russian Federation, Bellfam56@mail.ru.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(470.6).084.8

По следам сражений «От Ростова до Новороссийска». Новое исследование битвы за Кавказ 1942–1943 гг.

Киселев Илья Викторович

Краснодарское высшее военное авиационное училище лётчиков имени
Героя Советского Союза А.К. Серова, Краснодар, Россия
ilya.v.kiselev@yandex.ru

Аннотация. Рецензия посвящена книге «Битва за Кавказ. От Ростова до Новороссийска», опубликованной в конце 2025 г. Она стала частью проекта Российского военно-исторического общества и фонда сохранения исторической памяти «Я помню» по созданию в 2025–2027 гг. четырехтомной истории битвы за Кавказ. В первой книге этого цикла рассмотрены цели немецкого наступления на Кавказе, бои за переправы через р. Дон, оборонительные операции Красной армии на Кубани, Ставрополье и перевалах Большого Кавказа в июле – сентябре 1942 г. Отдельные главы посвящены роли военно-воздушных и военно-морских сил на первом этапе битвы за Кавказ. Книга основана на огромном массиве советских и немецких оперативных документов, многие из которых впервые были введены в научный оборот. Заслуживает внимания то, что текст дополняют оригинальные карты отдельных операций. Они подготовлены специально для данного проекта, во всех подробностях показывают местность и ход боевых действий. Авторский коллектив включает десять российских историков: Д.В. Голубев, А.В. Исаев, А.Я. Кузнецов, В.С. Карасев, А.А. Чухнин, Ф.Б. Дроздов, В.В. Сидоров, А.В. Пекарш, И.Т. Хаиров. Его возглавляет глава фонда «Я помню» А.В. Драбкин. Им удалось заново реконструировать ход событий на юге России, проанализировать планы советского и германского командования, дать обоснованную оценку начальному периоду обороны Северного Кавказа.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, битва за Кавказ, маршал С.М. Будённый, план «Эдельвейс», Северо-Кавказский фронт, Закавказский фронт, Черноморский флот, Азовская военная флотилия, 1942 г.

Для цитирования: Киселев И.В. По следам сражений «От Ростова до Новороссийска». Новое исследование битвы за Кавказ 1942–1943 гг. // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 1. С. 171–178.

In the footsteps of the battles «From Rostov to Novorossiysk». A New Study of the Battle of the Caucasus, 1942–1943

Kiselev Ilya V.

Krasnodar Higher Military Flight School, Krasnodar, Russia
ilya.v.kiselev@yandex.ru

Summary. This review is dedicated to the book «The Battle for the Caucasus. From Rostov to Novorossiysk», published in late 2025. It became part of a project by the Russian Military Historical Society and the «I Remember» Fund for the Preservation of Historical

Memory to create a four-volume history of the Battle of the Caucasus between 2025 and 2027. The first book in this series examines the objectives of the German offensive in the Caucasus, the battles for the Don River crossings, and the Red Army's defensive operations in the Kuban, Stavropol, and the passes of the Greater Caucasus in July–September 1942. Separate chapters are devoted to the role of the air force and naval forces in the first stage of the Battle of the Caucasus. The book is based on a vast array of Soviet and German operational documents, many of which were introduced into scholarly circulation for the first time. It is noteworthy that the text is supplemented by original maps of individual operations. They were prepared specifically for this project and show in detail the terrain and the course of military operations. The authors include ten Russian historians: D.V. Golubev, A.V. Isaev, A.Ya. Kuznetsov, V.S. Karasev, A.A. Chukhnin, F.B. Drozdov, V.V. Sidorov, A.V. Pekarsh, and I.T. Khairov. It is headed by A.V. Drabkin, head of the «I Remember» Fund. They have managed to reconstruct the course of events in southern Russia, analyze the plans of the Soviet and German commands, and provide a well-founded assessment of the initial period of the defense of the North Caucasus.

Key words: Great Patriotic War, Battle of the Caucasus, Marshal S.M. Budyonny, Edelweiss plan, North Caucasus Front, Transcaucasus Front, Black Sea Fleet, Azov Flotilla, 1942.

For citation: *Kiselev Ilya V.* In the footsteps of the battles «From Rostov to Novorossiysk». A New Study of the Battle of the Caucasus, 1942–1943. *Journal of the Kuban State University Historical Sciences*, 2026, no. 1, p. 171–178.

В декабре 2025 г. издательство «Яуза» выпустило книгу «Битва за Кавказ. От Ростова до Новороссийска». Сегодня появление на полках магазинов и сетевых платформах новых изданий о Великой Отечественной войне не редкость – публикуется масса справочников, публицистики и мемуаров. Но среди них совсем немного современных фундаментальных и оригинальных исследований. Именно таковой стала книга, о которой пойдет речь.

Работу над ее созданием вел целый коллектив авторов – Д.В. Голубев, А.В. Исаев, А.Я. Кузнецов, В.С. Карасев, А.А. Чухнин, Ф.Б. Дроздов, В.В. Сidorov, А.В. Пекарш, И.Т. Хаиров. Общую редакцию осуществлял А.В. Драбкин, руководитель фонда сохранения исторической памяти «Я помню», получивший известность как создатель одноименного интернет-ресурса интервью и воспоминаний участников Великой Отечественной войны. Кроме того, в состав команды проекта вошли Алексей Волков, Николай Смирнов, Владимир Носков, Александр Полищук и Екатерина Зорина [11].

Для большинства из них это уже не первый опыт коллективной работы. При участии фонда «Я помню» и под редакцией Артема Драбкина в 2023–2024 гг. опубликованы трехтомник о противостоянии вокруг Ржева в 1941–1943 гг. и коллективная монография об освобождении Донбасса в августе – сентябре 1943 г. [3]. В настоящее время идет работа над серией книг о сражении за Берлин 1945 г. и операциях 2-й ударной армии в 1942 г.

Новый проект реализуется при поддержке Российского военно-исторического общества и рассчитан на выпуск в течение 2026–2027 гг. еще трех томов: «Битва за Кавказ. Немецкое наступление выдыхается», «Битва

за Кавказ. Контрнаступление советских войск», «Битва за Кавказ. Прорыв «Голубой линии»». На презентации первой из этой серии книги в январе 2026 г. в Союзе писателей России, и во время проведения круглого стола в пресс-центре «Россия сегодня» А.В. Драбкин и его соавторы изложили, на каких принципах строилась их исследовательская работа, и остановились на ключевых событиях начала боев на Северном Кавказе. Они подчеркнули, что для исследования в равной степени привлекали советские и немецкие оперативные документы. Последние, по мнению Артема Драбкина, оказались более информативны и релевантны, так как в июле – августе 1942 г. инициатива оставалась в руках вермахта, и в германских штабах лучше представляли обстановку на фронте. Вместе с тем именно эти материалы позволили проследить развитие событий на Северном Кавказе гораздо подробнее, чем это сделано в классическом издании «Битва за Кавказ» маршала А.А. Гречко [1].

Думается, что такое фундаментальное исследование, каким стала «Битва за Кавказ. От Ростова до Новороссийска», требовало хотя бы краткого введения. Тогда значение битвы за Кавказ, равно как ее масштабы и специфика, стали бы более понятны читателю. Не лишним была бы и характеристика источников, привлеченных командой проекта, ведь ею был проделан титанический труд по изучению советских и немецких документов. Собственно, так было сделано командой фонда «Я помню» при издании исследования об освобождении Донбасса.

Начало книги содержит развернутый анализ значения кавказских нефтепромыслов в условиях Второй мировой войны, а также описание прорыва противника к Нижнему Дону и захвату плацдармов через реку. О том, что исход борьбы за Кавказ во многом определял позицию Турции и возможность использования Ирана и Каспия для продолжения поставок по ленд-лизу в СССР, авторы напомнили в последующих разделах. Завершается первая глава кратким обзором географии региона, детальной характеристикой планов и сил обеих сторон. Подчеркивалось, что к концу июля 1942 г. противник превосходил силы советского Южного фронта примерно в четыре раза и имел 10-кратное преимущество в бронетехнике.

Вторая глава носит красноречивое название «Первые шаги "Эдельвейса" Великое отступление маршала Буденного». Его закономерным результатом стал прорыв германских войск к р. Кубань и создание плацдармов для дальнейшего наступления. Значительное внимание авторы уделили борьбе за переправы через Маныч и окружению 37-й армии, так как эти события прежде были отражены в отечественной историографии в самом общем виде. И все же «план "Эдельвейс", несмотря на очевидные успехи в захвате территорий, фактически оказался сорван, поскольку не решил ключевой задачи уничтожения советских войск. Вместо серии молниеносных частных операций теперь немцам предстояла изнурительная и тяжелая борьба» [2, с. 103]. По мнению авторов, такой результат был связан как с ошибками германского командования, переоценившего свои

силы, так и с усилиями командующего Северо-Кавказским фронтом С.М. Буденного. Он сумел не допустить окружения сколь-нибудь крупных советских сил и организовал подготовку новых оборонительных рубежей в предгорьях Кавказа.

Тем не менее, в следующей главе, посвященной Армавиرو-Майкопской операции, мы увидим, насколько тяжело для Красной армии начинались бои на Северо-Западном Кавказе. Инициатива по-прежнему оставалась в руках немцев, они сумели завершить захват равнинных районов Краснодарского края и войти в предгорья. Красной армией были потеряны Армавир, Краснодар и Майкоп, ее части не сумели удержаться на рубеже р. Кубань и р. Белой. И все же упорство советских войск возрастало все больше и больше. Вот как оцениваются бои за Краснодар: «Безусловно, части 56-й армии понесли тяжелые потери, но не потеряли управления и организованно отошли на левый берег [Кубани], уничтожив переправы. Сражение в районе Краснодара и потери убитыми и ранеными в штабе 17-й армии генерал-полковника Руоффа посчитали доказательством того, “насколько сильный противник перешел к обороне южнее Кубани”» [2, с. 135].

Единственным городом, боям за который авторы «Битвы за Кавказ» посвятили отдельную главу, оказался Новороссийск. При этом они посчитали возможным отойти от устоявшихся хронологических рамок Новороссийской оборонительной операции. Из всего многообразия отечественной историографии, посвященной Новороссийскому противостоянию, при подготовке этого раздела была использована только диссертация Е.Е. Лютова [5, с. 41], а также советские издания – книги А.А. Гречко и И.Д. Кирина, хотя авторы других глав обращались к трудам современных российских историков – С.А. Заярного и У.Б. Очирова [8], А.В. Карташева [4], А.Р. Мирзонова [6], М.Э. Морозова [7], Ю.В. Приймака [9], Б.В. Соколова [10], С.В. Януша [12]. При всем сказанном, в четвертой главе мы видим достаточно цельную и подробную картину сражения за Новороссийск. Приведенные в тексте многочисленные свидетельства из немецких документов отмечали возросшую организованность советской обороны и чувствительные потери собственных войск. И все же итог этой борьбы оказался неутешительным. «Несмотря на героическое сопротивление, в результате Новороссийской оборонительной операции 47-я армия и части Ч[ерноморского] ф[лота] потерпели серьезное поражение... 47-я армия практически потеряла весь свой первоначальный состав. В отчете генерал-полковника Руоффа по итогам операции заявлено, что советские войска потеряли 10 500 человек пленными и еще большее количество убитыми и ранеными» [2, с. 205].

В пятой главе книги «Битва за Кавказ» идет речь о ее символе и самом ярком воплощении – сражении за перевалы Большого Кавказа. Его описание строится по традиционной схеме, когда излагаются события на отдельных направлениях: Белореченском, Умпыро-Малолабинском,

Санчарском, Клухоро-Нахарском, Марухско-Домбайском и в Приэльбрусье. Логика повествования потребовала проследить ход боев вплоть до наступления в высокогорье затишья в октябре 1942 г. Традиционно отдавая должное подготовке немецких горных частей, авторы пришли к выводу о неверной стратегии их применения. Действительно, сам по себе захват перевалов Большого Кавказа не обеспечивал противнику прорыва и надежного снабжения сколь-нибудь существенных сил к Черному морю.

Шестая глава «Наступление танковой армии Клейста на Моздок» оказалась гораздо содержательнее своего название и охватила широкий круг вопросов, связанных с боями на Ставрополье в августе 1942 г. Отдельное внимание авторы уделили захвату германскими войсками Невинномысска и района Кавказских Минеральных Вод. Их потеря произошла по объективным причинам – степные просторы, нехватка боеприпасов и вооружения не оставляли малочисленным подразделениям Донской оперативной группы генерал-лейтенанта Р.Я. Малиновского шансов отразить удар 1-й танковой армии. Задержать ее наступление удалось только на рубеже р. Баксан и р. Терек, где выстраивался новый оборонительный рубеж. Авторы пришли к закономерному выводу о том, что «советский план размена пространства на время сработал, в целом позволив остановить немецкое наступление в предгорьях Северного Кавказа в полосе Зак[авказского] ф[ронта]» [2, с. 314]. Интерес представляют также данные о том, что противник испытывал острую нехватку топлива, имел недостаточную поддержку авиации, а его разведка не сумела вскрыть развертывание новой советской группировки на р. Терек – Северной группы войск под командованием генерал-лейтенанта И.И. Масленникова. Кроме того, в шестой главе содержится несколько таблиц с данными о потерях, составе сил и средств Красной армии. Думается, публикация статистических данных, в том числе и германских, в первых разделах «Битвы за Кавказ» дала бы читателем больше пищи для размышления.

Именно так было сделано в седьмой главе «Авиация в битве за Кавказ». Изложенный там материал синхронизирован с боями на земле и дополнен статистикой состава и потерь ВВС обеих сторон. Особенно ценными представляются данные о люфтваффе, чья документация сохранилась лишь отчасти. Удалось установить, что за первые полтора месяца сражений на кавказском направлении соотношение сил в воздухе поменялось. Если в начале немцы обладали уверенным превосходством, то затем «люфтваффе сохранили лишь минимальное присутствие на Северном Кавказе. Советская же авиация, хотя и поредевшая в жестоких боях, удерживала превосходство, а местами и господство в воздухе» [2, с. 404].

Сложилось впечатление, что раздел о боях в воздухе, равно как и заключительная восьмая глава о действиях на море, написаны более живо, чем остальной текст. Отчасти это объяснимо особенностями материала, но в двух последних главах нашлось место и полемике с другими публикациями о битве за Кавказ, что практически не встречается при анализе сражений на

суше. При этом описание действий Азовской военной флотилии потребовало обращения к боям на суше, так как ее усилия были направлены на защиту приморского фланга Северо-Кавказского фронта.

В качестве приложений опубликованы биографии советских военачальников, командовавших фронтами, армиями и корпусами на первом этапе битвы за Кавказ, а также алфавитные указатели географических объектов, персоналий, частей и соединений Красной армии, вермахта и стран – сателлитов Германии. Их наличие упрощает изучение отдельных этапов битвы за Кавказ и поиск необходимой информации.

Все книги, подготовленные командой фонда «Я помню» в 2023–2025 гг., содержат множество оригинальных карт. В издании о битве за Кавказ эта высокая планка сохранилась, опубликованный картографический материал отражает практически все изменения обстановки на фронте исходя из оперативных данных советской и немецкой сторон. Географическая основа для карт также создана с нуля и актуализирована для 1942 г. По своей информативности и наглядности сегодня они не имеют себе равных.

В этой связи отметим, что издание иллюстрировано не только картами, но фотоматериалами. Хотя их количество невелико, они дают представление об облике участников боев на Кавказе и характере местности, в которой они разворачивались. Внешний облик книги – твердый переплет, плотная бумага, достаточно крупный шрифт, цветные карты также производит приятное эстетическое впечатление и говорят о большой работе, проведенной издательством «Яуза».

Тем не менее, прочтение коллективной монографии «Битва за Кавказ. От Ростова до Новороссийска» требует определенной подготовки и знаний об этом сражении. Чередование различных эпизодов, значительный пространственный разброс и обилие сокращений может затруднить понимание событий для тех, кто впервые обращается к теме боев на Северном Кавказе в 1942 г., тем более что объем первого из четырех заявленных томов составил почти 47 печатных листов. Для сравнения, в классическом издании А.А. Гречко, охватившем все 15 месяцев битвы за Кавказ, имелось немногим более 30 печатных листов текста.

При таких колоссальных масштабах проделанной работы неизбежными оказались определенные неточности и технические ошибки. Так, первый параграф шестой главы вполне закономерно посвящен характеристике сил обеих сторон, однако он носит название «Бои за Ворошиловск» [2, с. 263], которые были рассмотрены еще во второй главе. Другой пример – Отдельный Донской отряд кораблей Азовской военной флотилии прямо в заголовке параграфа о его действиях назван Донецким [2, с. 439]. А член Военного совета 47-й армии Е.Е. Мальцев именуется полковником, тогда как в сентябре 1942 г. он еще носил звание полкового комиссара [2, с. 202].

Подводя итоги первому этапу битвы за Кавказ, авторы изложили те объективные проблемы, которыми сопровождалось действия советских войск: нехватка боевой техники, недостаточная подготовка нового пополнения, преимущество противника в маневренности. Германское командование, по их мнению, плохо справлялось с тыловым обеспечением прорыва своих войск на Кавказ, не сумело уничтожить отступавшие советские силы и недооценило способность Красной армии восстановить оборону в кавказских предгорьях. Высокую оценку получили усилия маршала С.М. Буденного как военачальника с определенным политическим весом и авторитетом в войсках, способного принимать самостоятельные решения и отстаивать свою позицию в переговорах со Ставкой ВГК.

Суммируя сказанное, остается порекомендовать «Битву за Кавказ. От Ростова до Новороссийска» всем интересующимся историей Великой Отечественной войны. Это издание стало результатом плодотворной работы целой команды исследователей и примером воплощением современного подхода к изучению боевых действий на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. Будем надеяться, что последующие книги серии «Битва за Кавказ» порадуют читателей новыми фактами и размышлениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авантюра Вермахта. В Москве представили книгу о битве за Кавказ. URL: <https://ria.ru/20260213/osvobozhdenie-2073999443.html?ysclid=mltz9wy cur 457315433>
2. Битва за Кавказ. От Ростова до Новороссийска / под общ. ред. А.В. Драбкина. М.: Яуза, 2025. 576 с.
3. Донбасс 1943. Освобождение индустриального сердца России / под общ. ред. А.В. Драбкина. М.: Яуза, 2023. 736 с.
4. Карташев А.В. Бои на Ставрополье: жаркий август сорок второго. Ставрополь: Изд-во СтГМУ, 2021. 260 с.
5. Лютов Е.Е. Характер боевых действий в предгорьях на новороссийском направлении в 1942–1943 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2018. 250 с.
6. Мирзонов А.Р. Битва за перевалы. Другой взгляд. Коломна: Коломенская типография, 2020. 490 с.
7. Морозов М.Э., Кузнецов А.Я. Черноморский флот в Великой Отечественной войне. Краткий курс боевых действий. М.: Яуза-пресс, 2015. 448 с.
8. Очиров У.Б., Заярный С.А. Клятве остались верны: история формирования и боевого пути 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста: Калмыцкий научный центр РАН, 2018. Т. 1. 520 с.
9. Приймак Ю.В. Армавир 42. Битва за переправы. 03-08.08.1942 г. М.: Издательство «Перо», 2022. 184 с.
10. Соколов Б.В. Битва за Кавказ. М.: Вече, 2021. 480 с.
11. Фонд сохранения исторической памяти «Я помню». URL: <https://iremember.ru/projects/bitva-za-kavkaz/?ysclid=mle5bpyu4e16449389>
12. Януш С.В. Битва за Кавказ: проблемы войсковых операций (1942–1943 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2006. 622 с.

REFERENCES

1. The Wehrmacht's Adventure. A book about the Battle of the Caucasus was presented in Moscow. URL: <https://ria.ru/20260213/osvobozhdenie-2073999443.html?ysclid=mltz9wycur457315433> (accessed on January 31, 2026).
2. The Battle of the Caucasus. From Rostov to Novorossiysk. / under the general editorship of A.V. Drabkin. Moscow: Yauza 2025. 576 p.
3. Donbass 1943. The Liberation of Russia's Industrial Heart / under the general editorship of A.V. Drabkin. Moscow: Yauza 2023. 736 p.
4. Kartashev, A.V. Battles in the Stavropol Region: The Hot August of 1942. Stavropol: StSMU Publishing House, 2021. 260 p.
5. Lyutov E.E. The nature of combat operations in the foothills in the Novorossiysk direction in 1942–1943: Dis. ... Candidate of Historical Sciences. Krasnodar, 2018. 250 p.
6. Mirzonov A.R. The Battle for the Passes. A Different Perspective. Kolomna: Kolomna Printing House, 2020. 490 p.
7. Morozov, M.E. The Black Sea Fleet in the Great Patriotic War. A Short Course of Combat Operations / M.E. Morozov, A.Ya. Kuznetsov. Moscow: Yauza-press, 2015. 448 p.
8. Ochirov U.B. Remained faithful to the oath: the history of the formation and combat path of the 110th Kalmyk Cavalry Division / U.B. Ochirov, S.A. Zayarny. Vol. 1. Elista: Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2018. 520 p.
9. Priymak Yu.V. Armavir 42. The battle for the crossings. 03-08.08.1942. M.: Pero Publishing House, 2022. 184 p.
10. Sokolov B.V. The Battle for the Caucasus. M.: Veche, 2021. 480 p.
11. The I Remember Foundation for the Preservation of Historical Memory. URL: <https://iremember.ru/projects/bitva-za-kavkaz/?ysclid=mle5bpyu4e16449389> (accessed on 28.01.2026).
12. Yanush S.V. The Battle for the Caucasus: Problems of Military Operations (1942–1943): Dis. ... Dr. hist. Stavropol, 2006. 622 p.

Сведения об авторе

Киселев Илья Викторович, кандидат исторических наук, доцент, Краснодарское высшее военное авиационное училище лётчиков им. А.К. Серова, ул. Дзержинского, 135, 350090, г. Краснодар, Российская Федерация, ilya.v.kiselev@yandex.ru, 0000-0003-3729-237X

About the Author

Kiselev Ilya Viktorovich, Candidate of Historical Sciences, Professor, Krasnodar Higher Military Flight School, Dzerzhinsky St., 135, 350090, Krasnodar, Russian Federation, ilya.v.kiselev@yandex.ru, 0000-0003-3729-237X

Научный журнал

ВЕСТНИК КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Подписано в печать: 23.03.2026.
Дата выхода в свет: 31.03.2026.
Формат 60 x 84 1/8 (179 с.)
Гарнитура Times New Roman. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 13,5. Тираж 500 экз.
Заказ № 6423.

Кубанский государственный университет
350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Адрес типографии:
Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета.
350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

